ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ".

-ПРЕДАТЕЛЬ-

Н. МАКЛЕЦОВОЙ
(ДЕГАЕВОЙ.)

1907
С.П.Б

Зоин

2шк
М
авт

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

337
54

ИСКЛЮЧЕНО

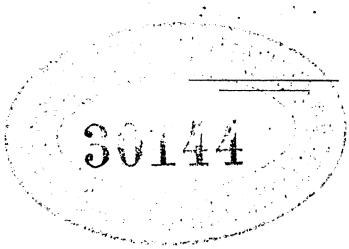
Институт литературы
ЦИК ВСНХ
им. М. Горького

37-80584

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ЖИЗНИ „НАРОДНОЙ ВОЛИ“.

ПРЕДАТЕЛЬ

Н. МАКЛЕЦОВОЙ (ДЕГАЕВОЙ)



Voila, belle Emilie, à quel point nous en sommes;
Demain j'attends la haine ou la faveur des hommes
Le nom de parricide ou de liberateur;
César—celui de prime vu d'un usurpateur
Du succès qu'on obtient contre la tyrannie
Dépend ou notre gloire ou notre ignominie.

Corneille, Cinna, acte I, scène III.

Такъ вотъ, Эмилія, каковъ нашъ заговоръ:
Назавтра ждетъ меня хвала или позоръ.
Какъ назовутъ меня? злодѣй? освободитель?
А цезарь—завтра царь иль трона похититель...
Съ тиранами въ борьбѣ—успѣхъ даетъ вѣнецъ,
А неудача—стыдъ и гибельный конецъ...

Корнель,—Цинна, актъ I, сц. III.

Товарищество «Вольная Типографія», Фонтанка, 94.

ПРЕДАТЕЛЬ

ГЛАВА I.

КУРСИСТКА.

1.

— Станція Тверь! — поѣздъ стоитъ 20 минутъ!

— Кондукторъ! кондукторъ! въ которомъ часу мы будемъ завтра въ Петербургѣ?

— Охъ, какъ жарко!

— Кондукторъ! скажите этому господину, чтобы онъ заперъ окно! ребенокъ весь въ поту!

— Господинъ! заприте!

— Не могу! я самъ весь въ поту! Пусть уходитъ въ другой вагонъ.

Кондукторъ подошелъ къ строптивому пассажиру и, молча, поднялъ окно. Но какъ только онъ ушелъ изъ вагона, раздраженный господинъ опять опустилъ стекло. Огорченная мать осыпала нарушителя порядка укорами, но у того выраженіе лица оставалось непоколебимымъ и онъ неподвижно стоялъ у открытаго окна. Сочувствіе нѣкоторыхъ пассажировъ принадлежало ему, потому что въ вагонѣ была жара нестерпимая; другіе же пассажиры имѣли также право быть недовольными, такъ какъ сквознякъ пронизывалъ изъ окна въ окно.

Словомъ, лѣть двадцать пять — двадцать шесть тому назадъ пассажиры третьяго класса Николаевской

желѣзной дороги, въ жаркій, августовскій день, испытывали порядочное мученіе.

А между тѣмъ въ томъ же вагонѣ третьяго класса, ѣхала молодая дѣвушка, Варвара Михайловна Баранова, и чувствовала себя вполнѣ счастливой. Она примостилась у окна на удобномъ мѣстечкѣ и не только не принимала участія въ разговорахъ и жалобахъ пассажировъ, но даже не слыхала ихъ. На ея лицѣ не видно было ни малѣйшаго слѣда усталости или скуки, а между тѣмъ она ѣхала уже третьи сутки. И если бы судьба перенесла ее въ купэ I класса, она не могла бы сдѣлать ее довольнѣе. Ея глаза были мечтательно устремлены въ открытое окно, губы чуть-чуть улыбались, но уже, конечно, не однообразному пейзажу, быстро мелькавшему передъ ней? Почему же она была такъ счастлива? Во первыхъ, ей недавно минуло 18 лѣтъ и она только этой весной окончила гимназію, во вторыхъ, она ѣхала въ Петербургъ съ намѣреніемъ поступить на курсы. Развѣ этого мало? Но еще другія причины дѣлали ее счастливой: она была мечтательница. Трясясь на поѣздѣ, подъ шумъ колесъ, перебранокъ и разговоровъ, она думала: «я пріѣду въ Петербургъ, поступлю на курсы... стану изучать исторію, языки, литературу... много читать... потомъ... сдѣлаюсь ученой... писательницей... знаменитой, какъ Жоржъ-Зандъ. У меня много времени впереди! Мнѣ 18 лѣтъ, а она начала писать 28-ми...»

«Или я буду ученой... отчего нѣтъ? у меня отличныя способности и я люблю учиться...

«А, можетъ быть, мнѣ придется сдѣлаться героиней, какъ М-мъ Роланъ или Шарлота Кордэ? Теперь время такое! И я могу быть и писательницей, и ученой, и героемъ — вотъ какъ Викторъ Гюго! отчего же нѣтъ?

«Только бы не потерять времени! пріѣду въ Петербургъ, и сейчасъ-же напишу росписаніе. Стану ходить

въ Публичную Библіотеку, читать по исторіи, начну заниматься языками... языки — это необходимо: можетъ быть, придется жить въ чужихъ странахъ, въ изгнаніи!..»

Передъ ней промелькнули образы мрачнаго Туски и Лео изъ недавно прочитанннаго романа Шпильгагена.

«А умереть я бы желала, какъ М-мъ Роланъ! вдругъ подумала она.

«А съ чего же начать читать? прочитаю-ка списокъ! и она нагнулась подъ скамейку, вытащила оттуда большой кожаный мѣшокъ и, порывшись, вынула изъ него записную книжечку, перелистовала ее и стала читать про себя: «Бокль — Исторія цивилизаціи въ Англіи» (прежде всего).

«Шлоссеръ — Всемірная Исторія» (непремѣнно).

«Милль—Политическая экономія, съ примѣчаніями Чернышевскаго». Списокъ книгъ былъ длинный. Варя читала его долго: знакомыя имена и заглавія доставляли ей удовольствіе.

— А вы, вѣрно въ Петербургъ ѣдете? спросилъ Варю красивый кудрявый студентъ, перегибаясь черезъ высокую спинку деревяннаго дивана: что онъ студентъ — показывало его добродушное и интеллигентное лицо, смѣлый молодой взглядъ, ситцевая косоворотка и высокіе сапоги.

Варя съ неудовольствіемъ на него посмотрѣла: въ первый разъ, въ теченіе двухъ сутокъ къ ней обращались съ разговоромъ и мѣшали мечтать. Вотъ пристaлъ съ глупыми вопросами и не даетъ задуматься!

— Почему вы такъ подумали? слегка нахмурившись спросила она.

— Да сейчасъ видно: ѣдете одна, такая молоденькая, ничего не боитесь и лицо такое... На курсы?

— Да. А чего же мнѣ бояться? пожимая плечами отвѣчала она. — А — вы? вѣрно студентъ?

— Да, я студентъ Медицинской Академіи — Боровъ, а ваша фамилія?

— Варвара Михайловна Баранова, отвѣчала она такъ серьезно, что Боровъ засмѣялся.

— Какъ длинно! сказалъ онъ.

— Что же такое! пускай длинно! упрямо проговорила она.

Варя еще дома слышала, что въ студенческихъ кружкахъ студенты и курсистки держатъ себя по товарищески, называютъ другъ друга по имени и говорятъ между собою на *ты*. Все это было принято, установлено и потому не нравилось Варѣ. Она любила все дѣлать по своему: «пусть всѣмъ говорятъ *ты*, а я не хочу, и Варей звать себя не позволю!»

— А въ Петербургѣ... хорошо? Гдѣ удобнѣе заниматься? спросила Варя Борова.

— Смотря потому — чѣмъ? Читать можно въ Публичной Библіотекѣ, можно брать книги у профессоровъ, да это что! развѣ суть въ книгахъ?

— Я люблю науку! важно проговорила Варя.

— Университетскіе учебники еще не наука.

— Да не одни учебники.

— Изъ книгъ немногому научитесь. Книги — результатъ жизни. Надо пожить. Людей посмотрѣть.

— И себя показать, — такъ что ли? спросила Варя, смѣясь.

— Да, — если вамъ есть что показать, отвѣчалъ онъ серьезно — надо прежде всего сдѣлаться не ученымъ, а человѣкомъ.

— Да вѣдь я и такъ человѣкъ!

— Повидимому — въ зародышѣ. Вотъ познакомитесь съ настоящими людьми тогда и поймете, что такое человѣкъ, да и съ литературой настоящей они васъ познакомятъ.

— Какая же литература?

— Да вы, навѣрно, еще ничего порядочнаго не читали; въ Петербургѣ есть кружки, молодежь собирается, читаетъ, пишутъ рефераты, разговариваютъ.

— Вы знаете такой кружокъ?

— Да, если хотите, я могу васъ познакомить.

Онъ долго говорилъ на эту тему. Варя слушала его съ увлеченіемъ: передъ ней открывались перспективы, о которыхъ она и не мечтала! Умные, смѣлые люди, интересующіеся важнѣйшими вопросами жизни, какая-то новая литература, смѣло рѣшающая эти вопросы...

У нея голова кружилась и глаза горѣли отъ восторга. Она не чувствовала усталости двухъ безсонныхъ ночей. Вдругъ раздался свистокъ: поѣздъ дернулся и остановился.

— Что случилось? вскрикнула Варя.

— Да ничего, смѣясь отвѣчалъ Боровъ, пріѣхали на станцію, поѣздъ стоитъ 15 минутъ. Хотите, пойдите напейтесь чаю?

— Хорошо. А вы?

— Я постерегу ваше мѣсто.

Варя улыбнулась ему. Лицо ея было озарено внутреннимъ свѣтомъ, и глаза сверкали, какъ звѣздочки. Боровъ залюбовался на нее. Она замѣтила это, опять улыбнулась, кивнула ему головой и вышла изъ вагона. Къ буфету она подошла съ той же счастливой улыбкой, такъ что многіе изъ публики обратили на нее вниманіе. Напившись чаю и расплатившись, она вышла изъ зала и стала прохаживаться по платформѣ. Въ вагонъ она вошла уже послѣ второго звонка.

— А я уже думалъ, вы остались! сказалъ ей Боровъ. Варя, молча, улыбнулась, но ничего не могла сказать: глаза ея слипались, ноги подкашивались. Едва—едва дошла она до своей скамейки, сѣла и сонъ мгновенно овладѣлъ ею. Голова ея опустилась на подушку, прислоненную къ стѣнѣ, рука разжалась

и изъ нея выкатилось нѣсколько пятаковъ мѣдной сдачи. «Господи! до чего она уморилась! проговорилъ Боровъ, подбирая деньги и качая головой, — надо бы ее уложить поудобнѣе.»

Онъ посмотрѣлъ на сосѣда Вари, мужика, сидѣвшаго на краю скамейки и все время клевавшаго носомъ спросонья. У ногъ его лежалъ большой мѣшокъ, набитый разнымъ добромъ.

— Послушай, милый, переходи ко мнѣ, сказалъ Боровъ, тронувъ его за плечо,—пусть барышня уснетъ, она устала.

Мужикъ всталъ, покачиваясь, и опять сѣлъ. Онъ долго не могъ понять, чего отъ него хотятъ. Наконецъ, Борову удалось перетащить его къ себѣ. Но сосѣди его по скамьѣ взбунтовались.

— Вы стѣснили насъ! кричала барыня, сидѣвшая напротивъ Борова.

— Надо-же дать уснуть бѣдной дѣвушкѣ, сказалъ Боровъ,—она третьи сутки въ дорогѣ. Къ тому же я не на ваше мѣсто посадилъ его, я ему уступилъ свое.

— Хорошенькая барышня, вотъ вы и ухаживаете за ней! сказала другая барыня, — мы всѣ устали.

— Надо позвать кондуктора, проговорила первая барыня.

— Вы не имѣете права жаловаться, онъ сидитъ на моемъ мѣстѣ, проговорилъ Боровъ, вышелъ въ проходъ и прислонился къ спинкѣ дивана. — Мелькомъ взглянулъ онъ на Варю. Безсознательно, почувствовавъ больше простору, она вытянула ноги на скамейкѣ, и спала глубокимъ сномъ. Борову хотѣлось смотрѣть на нее, но онъ боялся, что она проснется отъ его взгляда и отвернулся.

Варя проспала до самаго Петербурга. Поѣздъ уже входилъ подъ своды Николаевскаго вокзала, когда она открыла глаза и увидала Борова, который, смѣясь, будилъ ее и собиралъ свои вещи.

2.

Варя прямо съ вокзала поѣхала къ своей подругѣ по гимназіи, Аннѣ Ивановнѣ Андреевой, съ которой списалась еще изъ провинціи. Аня годомъ раньше кончила гимназію и жила въ Петербургѣ уже второй годъ. Варя прямо съ вокзала поѣхала къ ней на Васильевскій островъ, въ меблированныя комнаты, адресъ которыхъ еще раньше дала ей Аня. Анна Ивановна не ожидала, что ея подруга пріѣдетъ такъ скоро: до начала занятій на курсахъ оставалось около мѣсяца. Тѣмъ болѣе она ей обрадовалась и засыпала вопросами: «Куда же ты поступаешь? Какъ доѣхала? Въ медицинскій не примутъ по годамъ, поступай къ намъ!»

Варя отвѣчала такъ же быстро. «Ахъ, какъ было славно ѣхать! Я ничуть не устала. Я еще подумаю, куда поступить. Ахъ, какъ хорошо у васъ тутъ! какъ мнѣ, однако, хочется ѣсть.»

— Хозяйка сейчасъ принесетъ самоваръ».

Аня нанимала комнату въ средней меблировкѣ въ Петербургѣ. Хозяйка была мѣщанка, вдова повара, отлично знавшая кухню, а потому, кромѣ отдачи комнатъ въ наймы, она еще имѣла нѣсколько приходящихъ нахлѣбниковъ. Прислуживала жильцамъ она сама съ дочерью, а для помощи и побѣгушекъ держала еще дѣвченку лѣтъ тринадцати.

Варя осмотрѣлась въ Аниной комнатѣ. Длинная, довольно узкая, въ одно окно,—она была похожа на всѣ студенческія комнаты, но Варѣ она очень понравилась. Варя подумала, что имъ будетъ очень удобно жить вмѣстѣ съ Аней: спать она можетъ на диванѣ, для другого стола мѣсто найдется, по стѣнамъ она развѣситъ фотографіи М-мъ Роланъ, Лассаля, Чернышевскаго; книги можно на полку. Такъ отлично бу-

детъ. Окно на улицу, а улица-то въ Петербургѣ! Чего стоитъ это одно!

— Ну, иди чай пить! сказала Аня, которая уже успѣла разложить хлѣбъ, разставить чашки и заварить чай. Варя пила и ѣла съ удовольствіемъ: все ей нравилось. Потомъ она встала.

— Я пойду, посмотрю Петербургъ.

— Хочешь, я съ тобою?

— Нѣтъ, нѣтъ! на первый разъ я хочу одна.

И она выскользнула за дверь, на ходу одѣвая шляпу и пальто. Аня улыбнулась и нисколько не обидѣлась на подругу: ей было понятно ея настроеніе.

Варя быстро сбѣжала по лѣстницѣ и пошла вдоль линіи Васильевскаго острова, пересѣкая проспекты. Скоро она дошла до набережной. Пройдя нѣсколько шаговъ, она увидѣла сфинксовъ, перешла къ Невѣ и долго разсматривала египетскія чудовища. Она думала, что у сфинксовъ пріятныя лица, но Нева! вотъ чудо! Переходя черезъ Николаевскій мостъ, Варя остановилась: откуда-то слышалась тихая, мелодичная музыка съ перебоями: она подняла голову и ей прямо въ глаза сверкнулъ шпицъ Петропавловской крѣпости; каменныя стѣны опускались въ воду, кругомъ, по рѣкѣ, мелькали лодки, барки и маленькіе пароходики; прохожіе сновали по мосту.

— Какое это зданіе тамъ на рѣкѣ? спросила она какого-то господина.

— Петропавловская крѣпость, отвѣчалъ тотъ, съ удивленіемъ взглянувъ на нее. Варя вздрогнула: тысячи мыслей, воспоминаній завертѣлись у нея въ мозгу при взглядѣ на эту никогда невиданную ею крѣпость. Все, что читала, слыхала она о ней пришло ей на память: и Чернышевскій, и декабристы, и Достоевскій, и даже княжна Тараканова... И тѣ, чьихъ именъ она не знала и которые теперь тамъ умираютъ заживо схороненные за что-то хорошее и смѣлое, но за что? она

хорошенько не знала. Она страшно жалѣла ихъ, но и завидовала имъ: чтобы попасть *туда*, надо было пережить такую полную, чудную жизнь! И въ ней самой, восемнадцатилѣтней, горѣла такая полнота жизни, что она находила прелесть въ мысляхъ о смерти заживо тамъ, подъ каменными сводами. «Да, я хотѣла бы попасть туда, но совершивъ какое-нибудь геройское дѣло! Напримѣръ?—И она перебирала въ головѣ:—«прокламаціи? пропаганда? Политическое убійство? Нѣтъ! если бы спасти кого-нибудь изъ «нихъ»... А потомъ? ее, можетъ быть, тоже спасутъ... И она шла впередъ, не замѣчая ничего, восхищаясь картинами собственнаго воображенія.

— Да куда ты лѣзешь подъ лошадь! раздался надъ нею окрикъ. Она оглянулась: морда лошади лежала на ея плечѣ. Когда она переходила Адмиралтейскую площадь, она и не замѣтила, что извозчикъ чуть не задавилъ ее.

— Чего же ты не смотришь! сердито краснѣя сказала Варя: она замѣтила, что сѣдокъ не могъ удержать улыбки, глядя на растерянную физіономію молодой дѣвушки. Варю, при ея восторженномъ настроеніи, это и задѣло и обидѣло. Она поскорѣе прошла мимо и остановилась у Даціаро, разсматривая картины. Потомъ перешла на солнечную сторону Невскаго и пошла тихо иногда, останавливаясь, наслаждаясь видомъ прелестной улицы. Петербургъ ей нравился все болѣе и болѣе. Солнце ярко свѣтило. «Какъ это говорятъ, что въ Петербургѣ дурной климатъ? Какое чудное солнышко»! Передъ Публичной Библіотекой она на минуту остановилась и мечтательно смотрѣла на нее. «Нѣтъ, завтра туда, а теперь далѣе и далѣе». Аничковъ мостъ. «Какіе чудные кони!» За Аничковымъ Невскій становился уже, мрачнѣе. Варя обрадовалась, когда увидала Николаевскій вокзалъ. По ступенькамъ крыльца она вошла въ огромныя залы вокзала и рѣ-

шила хорошенько позавтракать, чтобы отпраздновать первый день своего пребыванія въ Петербургѣ.

3.

Прошло мѣсяца три со дня пріѣзда Вари въ Петербургъ. Она поступила на Высшіе Курсы, такъ какъ на медицинскіе не могла поступить, потому что ей не было еще двадцати лѣтъ. Въ ожиданіи законнаго числа лѣтъ, она поступила пока на естественно-математическое отдѣленіе курсовъ. Сначала она усердно ходила на лекціи, занималась анатоміей по Гиртлю, достала черепъ и большую связку позвонковъ и старательно заучивала названія безчисленныхъ косточекъ. На первой лекціи профессоръ сказалъ, что, приступая къ изученію анатоміи, онъ чувствуетъ себя какъ-бы проводникомъ своихъ молодыхъ слушательницъ въ «изящный храмъ тѣла человѣческаго». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ. Молодая дѣвушка переступила порогъ «храма», но божества въ немъ не чувствовалось. Варя, какъ и большинство вновь поступающихъ, испытывала неудовлетворенность; на лекціяхъ сидѣла она блѣдная, угрюмая; домой приходила усталая и молча бралась за книгу. Она чувствовала себя обманутой, обойденной. Гдѣ же та широкая жизнь, которая манила ее къ себѣ? Она чувствовала горечь, обиду, напрасное сгораніе силъ...

Не разъ, возвращаясь домой раньше Ани, она становилась на колѣни около своей постели и плакала, сама не зная о чемъ.

Еще раньше въ гимназіи она начала писать стихи; въ одну изъ минутъ унынія она попробовала и теперь успокоиться ими, но какъ ни старалась, а могла написать только слѣдующія строчки:

«Какъ больное, сердце все изныло!
«Въ чемъ покой? отраду въ чемъ найти?!
«Въ жизни прошлой все мнѣ опостыло,
«Къ жизни новой не найду пути!
«Періодъ душевной страстной муки
«Неизбѣженъ, какъ въ горячкѣ бредъ,
«Но исходъ гдѣ-жъ?! Гдѣ-же эти руки,
«Что помогутъ выйти мнѣ на свѣтъ?»

Самаго главнаго—вывода, конца,—не выходило въ стихахъ, какъ Варя ни ломала надъ ними головы. Впрочемъ, поэтическое изліяніе успокоило ее. Она пріободрилась и стала думать, какъ бы избавиться отъ своей несносной тоски. Въ Петербургѣ столько рессурсовъ для человѣка молодого, неизбалованнаго, сколько нибудь любознательнаго! Публичная Библіотека, Эрмитажъ, Академія художествъ. Въ эти мѣсяцы хлопотъ, радостей и разочарованій она совсѣмъ забыла о своихъ прежнихъ планахъ. Сколько книгъ еще не прочитано! Сколько предположеній заброшено! Нѣтъ, надо взять себя въ руки! Надо такъ распредѣлить часы, чтобы на все хватало времени. Прежде всего необходимо составить росписаніе. Варя долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ подошла къ письменному столу, перевернула тотъ-же листокъ, на которомъ было написаво стихотвореніе и вывела на другой сторонѣ большими. буквами:

Росписаніе:

Утромъ—лекціи.
Два раза въ недѣлю—Эрмитажъ.
Отъ 4—8 Публичная Библіотека.
Отъ 9—11 англійскій языкъ.

«Вотъ на первый разъ и довольно! сказала сама себѣ Варя,—все время будетъ занято и скучать некогда».

На другой же день она принялась приводить свою программу въ исполненіе: слушала внимательно лек-

ціи, купила эрмитажный каталогъ и добросовѣстно осматривала картины. Въ Публичной Библіотекѣ начала читать Шлоссера и дѣлать изъ него выписки. Прошелъ мѣсяцъ. Варя уже успѣла одолѣть «восточные народы, персовъ, мидянъ, вавилонянъ и ассиріянъ», но Шлоссеръ былъ такъ сухъ и въ концѣ концовъ эти персы и мидяне ничуть ее не интересовали. Она бросила Шлоссера и взяла исторію французской революціи Зибеля. Конечно, это ближе, увлекательнѣе,— но опять таки читалось какъ романъ, для интереса, а не потому, что необходимо нужно прочитать. И съ англійскимъ языкомъ выходило тоже: прочитавъ двѣ главы изъ «Векфильдскаго священника», Варя была еще очень далека отъ совершенства, а между тѣмъ руки у нея уже опускались. Не то, не то нужно... Учиться, чтобы жить! Жить и чувствовать, что живешь! Боже мой! что дѣлать? на что уходитъ молодость!

Главное, какъ найти дорогу къ тому, что дѣлаетъ человѣка сильнымъ и свободнымъ? Что для этого нужно дѣлать? Какія книги читать? Какой работой заниматься? Она чувствовала, что одна не найдетъ пути, а если бы ей указалъ кто нибудь,—о, она ничего не побоялась бы, сдѣлалась бы рабою своего учителя...

Такъ проходили дни, летѣли одинъ за другимъ,— дорогіе невозвратимые дни молодости!

Варя, задумавшись, сидѣла около своего стола. Дверь отворилась и вошла Аня.

— Варя! опять пригорюнилась? Послушай-ка, что я скажу тебѣ.

Аня была другого характера, чѣмъ Варя. Конечно, и она не удовлетворялась дѣйствительностью, и она пошла бы вмѣстѣ съ другими работать во имя общаго блага, но пока никто не звалъ ее, она спокойно слушала лекціи на курсахъ и была весела и довольна.

Варю она любила и ей жаль было, что ея подру-

га тоскуетъ и рвется неизвѣстно почему. Дѣло то все таки есть пока—ученье, а тамъ-что Богъ дастъ!

Аня кинула связку книгъ, которую держала въ рукѣ, на постель и подошла къ Вариному столу. Бросивъ на него быстрый взглядъ, она засмѣялась и стала перебирать лежащія на немъ книги и тетради:—«Варя, помилуй! вѣдь это домъ сумасшедшій! Чего тутъ нѣтъ: Милль «О подчиненіи женщины», Гиртль «Анатомія», тетрадка—англійскіе глаголы, другая: глаза и носы нарисованы, третья: выписки изъ Шлоссера, Атласъ античныхъ статуй, стихи:

«Какъ больное сердце все изныло!

— Оставь, оставь, закричала Варя, стараясь вырвать тетрадку, но Аня не дала и прочитала Варины стихи.

— Мнѣ это очень нравится, это похоже на насъ всѣхъ, у насъ всѣхъ бываютъ такія минуты.

— «Но понимаешь, я совсѣмъ истомилась! Что же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать? Вотъ видишь, я всѣмъ старалась заняться и мнѣ стыдно: всякій можетъ посмѣяться надо мной, какъ ты, и я не могу ничего отвѣтить. Правда, домъ сумасшедшій!». Аня ничего не могла возразить.

— Помнишь, Аня, зачѣмъ мы ѣхали въ Петербургъ? Мы хотѣли узнать всю правду обо всемъ, и объ жизни объ отношеніяхъ людей и потомъ создать свою новую жизнь, научиться всему, что необходимо для этой жизни, которая наступитъ послѣ курсовъ. Вѣдь этого мы хотѣли? Вѣдь курсы только подготовка къ настоящей жизни! Вѣдь да? И что-же даютъ намъ? О чемъ говорятъ профессора? Все мелочи, частности, какія-то косточки, атомы, все для чего-то другого, все не то, что нужно...

— Варя, сказала Аня, послѣ нѣкотораго молчанія, —лекціи сами по себѣ, онѣ нужны. А вотъ сегодня говорилъ мнѣ Боровъ, чтобы мы съ тобою пришли

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

на рефератъ. Онъ сказалъ, что хочетъ съ кѣмъ-то тебя познакомить.

— Съ кѣмъ? спросила Варя,—когда же мы пойдемъ?

— Да сейчасъ: пообѣдаемъ и пойдемъ.

— Можетъ быть... тамъ? подумала Варя.

Почти съ самаго своего пріѣзда въ Петербургъ Варя черезъ Борова и Аню познакомилась съ однимъ изъ кружковъ для самообразованія, очень распространенныхъ среди молодежи конца семидесятыхъ годовъ. Кружки имѣли цѣлью пополненіе недостаточнаго образованія, получаемаго юношами и молодыми дѣвушками въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: молодежь собиралась другъ у друга читала Маркса, Спенсера, Милля, Михайловскаго, Чернышевскаго, Лассаля, разговаривала о прочитанномъ, составляла рефераты, читала ихъ и подвергала критикѣ взгляды и выводы референта. Изъ поколѣнія въ поколѣніе студенческой молодежи передавался списокъ книгъ для чтенія, составленный однимъ изъ любимыхъ и популярныхъ писателей, чуть ли не самимъ Михайловскимъ. Въ этотъ списокъ, кромѣ вышепоименованныхъ авторовъ входили еще «Историческія письма» Миртова, «Свобода слова и законы о печати», Флеровскаго, изъ романовъ—произведенія авторовъ, болѣе или менѣе запрещенныхъ тогдашней цензурой: «Знаменіе времени» Мордовцева, «Шагъ за шагомъ» Омулевскаго, «Эмма и Люсиль» Швейцера, и разумѣется, всѣ романы Чернышевскаго, не говоря уже о «Что дѣлать». Достаточно было какой нибудь книгѣ попасть въ списокъ недозволенныхъ или неодобренныхъ, что бы она начинала считаться необходимой для прочтенія. До такой степени уже тогда все дозволенное считалось недоброкачественнымъ. При такомъ направленіи развитія, юноша, еще не прочитавшій ни одной революціонной книги, не видавшій ни одной

прокламаціи, уже представлялъ собою готовый матеріалъ для подпольной пропаганды. Жизнь была такъ душна, дѣйствительность такъ мрачна, такъ безвыходна! Случай не заставлялъ себя долго ждать... И съ такимъ настроеніемъ находили возможность бороться посредствомъ казней, тюрьмы, высылокъ и запрещеній! Невольно вспоминаются слова премудрой Екатерины будущему Павлу I: «vous êtes une bête féroce! est ce qu'on peut combattre les idées avec des canons!»

Гоненія только подливали масла въ огонь: изъ мечтателей-подвижниковъ, изъ соціалистовъ на почвѣ христіанской любви и равенства,—гоненія образовали террористовъ, отвергнувшихъ всѣ законы божественные и человѣческіе во имя борьбы за торжество закона божественнаго и человѣческаго.

Вечеръ. Въ маленькой комнаткѣ четвертаго этажа, на Выборгской сторонѣ, собралась молодая компанія; тутъ были Варя и Аня, два молодыхъ бѣлокурыхъ студента, Боровъ и самъ хозяинъ комнаты, студентъ III-го курса медицинской академіи, по фамиліи Щегловъ. Комната была тѣсна и узка, мебели мало, и всѣ размѣстились, какъ пришлось. Варя и Аня пришли раньше другихъ, а потому заняли мѣста на диванѣ; на двухъ стульяхъ сѣли студенты; Боровъ досталъ кухонную табуретку и сѣлъ поближе къ дивану; самъ хозяинъ со стаканомъ остывшаго чаю въ рукахъ примостился на подоконникѣ. Было уже часовъ 11 вечера. Успѣли прочитать рефератъ на статью Михайловскаго, «что такое прогрессъ?» Успѣли и поспорить и напиться чаю; заглохшій самоваръ чуть-чуть шумѣлъ на столѣ. Компанія затихла, слушая разсказъ бѣлокураго студента о томъ, какъ онъ утромъ былъ на панихидѣ по товарищѣ, умершемъ въ тюрьмѣ.

— И зачѣмъ вы насъ не предупредили? Мы бы тоже пошли! говорили съ досадой Варя и Аня,

— Такъ какъ-то не пришлось! все сдѣлалось экспромтомъ! Даже батюшка сначала не догадался о какомъ рабѣ Александрѣ служитъ панихиду. Ужъ потомъ, когда разглядѣлъ, что въ церкви все студенты и полиція пришла, — ну, тутъ догадался, испугался, несчастный! Потомъ Иваницкій говорилъ рѣчь. Очень хорошо!

Бѣлокурый студентъ остановился и сталъ передавать рѣчь Иваницкаго, медленно припоминая:

«По его тѣлу, по тѣламъ другихъ мучениковъ русскій народъ перейдетъ къ новой, свободной жизни! Правительство само строитъ мостъ для насъ!

— А полиція?

— Полиція ничего: молчитъ и смотритъ. Держала себя весьма добропорядочно. Хлопала ушами и слушала. Мы пропѣли вѣчную память на паперти и разошлись. Само собою разумѣется, всѣхъ, кто былъ на панихидѣ переписали. На другой день къ намъ въ академію пріѣхалъ нашъ генералъ, говорилъ много, просилъ бросить бредни, заниматься наукой: «черезъ всю вашу академическую жизнь проходитъ красная нитка, говоритъ...

— Ну, а вы?

— Что же мы? иные засмѣялись, другіе даже аплодировали, возражать не стали.

Въ комнатѣ тоже смѣялись. У всѣхъ были оживленныя, радостныя и вмѣстѣ серьезныя лица; щеки горѣли, глаза блестѣли, а между тѣмъ на столѣ не было никакихъ возбуждающихъ напитковъ: только стоялъ окончательно остывшій самоваръ, да нѣсколько стакановъ недопитаго чаю. Да и къ чему бы вино этой счастливой молодежи? Самому старому изъ нихъ не было двадцати пяти лѣтъ.

— А мы рѣшили больше не ходить на лекціи къ Сахарову, сказала Аня.

— Да, говорятъ, онъ служитъ въ Третьемъ Отдѣленіи.

— Читаетъ онъ хорошо, произнесла Варя.

Боровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ. Другіе же не обратили вниманія на ея слова, потому что въ это время дверь растворилась и вошелъ еще новый гость, маленькій толстый студентъ, внося съ собой холодъ декабрьской ночи.

— Господа, я принесъ съ собой поэму Некрасова, «Кому на Руси жить хорошо» сказалъ онъ, пробираясь отъ двери.

— Отлично, отлично, давай же читать!

Маленькій студентъ осмотрѣлся кругомъ: видя, что свободнаго стула нѣтъ, онъ безъ церемоніи сбросилъ свою шинель на кровать, самъ сѣлъ тамъ же и попросилъ стаканъ чаю.

Варя поторопилась ему налить. Всѣмъ хотѣлось, поскорѣе послушать поэму любимаго поэта. Послѣдняя глава, «Кому на Руси жить хорошо», въ то время еще не появлялась въ печати...

Маленькій студентъ выпилъ чай, вынулъ изъ бокового кармана тетрадку, сѣлъ къ столу и сталъ читать.

Всѣ притихли. Молодежь столпилась вокругъ чтеца:

«Стоитъ мужикъ
«Колышется,
«Идетъ мужикъ
«Не дышется,
«Съ коры его распучило,
«Тоска — бѣда
«Измучила. —

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ: стихи падали, какъ капли холодной воды на раскаленные камни. Маленькій студентъ читалъ плохо и энергичныя строфы странной поэзіи Некрасова выдѣлялись

еще рѣзче въ его скандированномъ чтеніи. Эти строфы били по чуткимъ нервамъ, живо напоминая о томъ, что стыдно забывать.

Студентъ кончилъ свое чтеніе. Наступило молчаніе. Чей-то голосъ проговорилъ. «Да! хорошо!» и опять все смолкло. Вдругъ пріятный, сильный баритонъ затянулъ:

«Укажи мнѣ такую обитель,—

И хоръ подхватилъ

«Я такого угла не видалъ,

«Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,

«Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ!

Пѣли всѣ, и Варя пѣла вмѣстѣ съ другими, и вмѣстѣ съ другими она чувствовала сладкій подъемъ духа. Ахъ, счастливыя минуты! онѣ не повторяются!

Разговоръ и пѣсни продолжались долго за полночь. Наконецъ кто-то сказалъ: «Однако, пора и расходиться!»

— Ахъ, пора! пора! вѣдь намъ на ту сторону говорила Варя, поспѣшно одѣваясь и выходя по лѣстницѣ вмѣстѣ съ Аней и Боровымъ.

— Ахъ, Боровъ, проговорила она, мечтательно глядя на звѣзды, когда они шли по улицѣ, — какъ хорошо было сегодня!

— Недурная приготовительная школа для революціи, промычалъ онъ сквозь зубы.

— Революція! повторила она,—часто мнѣ кажется, что нѣтъ такихъ людей...

— Хотите я сведу васъ съ ними, съ тѣми, что дѣло дѣлаютъ? съ настоящими?

— О, конечно, конечно! я измучилась отъ однихъ разговоровъ и мечтаній?

— Хорошо, я зайду за вами во вторникъ вечеромъ.

Варя познакомилась съ «настоящими».

ГЛАВА II.

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА.

1.

Въ первыхъ числахъ февраля въ Петербургѣ стояла скверн҃йшая погода. Дождь моросилъ, вѣтеръ налеталъ холодный, пронзительный, съ Невы, — подхватывалъ тонкія струйки дождя, относилъ ихъ въ сторону, или бросалъ прямо въ лицо случайному прохожему: по улицѣ стояли круглыя, свѣтлыя пятна воды, по тротуарамъ — тонкіе слои жидкой грязи звонки конокъ уныло раздавались надъ ухомъ человѣка, которому приходилось перебѣгать черезъ улицу и лавировать между коночными рельсами. У всѣхъ прохожихъ были измученныя, нервныя, полубольныя лица; въ воздухѣ невидимо носились тифы, инфлуэнцы и злокачественныя лихорадки, стремясь проникнуть въ ослабѣвшіе организмы; въ такую погоду половина всѣхъ, попадающихся по улицамъ людей, навѣрно возвратится домой, если не въ лихорадкѣ, то въ скверн҃йшемъ расположеніи духа и съ тяжелой головой.

По одному изъ переулковъ, идущихъ перпендикулярно къ Литейному проспекту, часу во второмъ пополудни, медленно проходилъ молодой человѣкъ въ военной шинели; онъ то и дѣло останавливался и

поглядывалъ на билетики, приклеенные къ воротамъ, на которыхъ написано было о сдачѣ квартиръ или комнатъ. Молодой человѣкъ очевидно давно уже вышелъ изъ дому: его поношеная шинель была почти насквозь пробита мелкимъ дождемъ, а съ фуражки стекала вода на лицо мелкими струйками; на лицѣ лежало болѣзненное и утомленное выраженіе. Молодого человѣка звали Эдуардомъ Францевичемъ Кенигъ. Онъ несъ тяжелый крестъ, отыскивая квартиру въ Петербургѣ, да еще въ февралѣ. Къ тому же Эдуардъ Францевичъ оказывался довольно требовательнымъ: ему нужна была квартира съ двумя ходами, не ниже третьяго этажа и чтобы окна смотрѣли на улицу. Кромѣ того, онъ позволялъ себѣ странныя выходки: прочитавъ объявленіе о сдающейся квартирѣ, онъ быстро отворялъ парадную дверь и кричалъ: «швейцаръ!» когда же швейцаръ показывался, онъ опять захлопывалъ дверь и быстро уходилъ, бормоча себѣ подъ носъ: «нѣтъ, нѣтъ, — со швейцаромъ не нужно!» Эдуардъ Францевичъ уже третій день искалъ квартиру! Только нѣмецкая кровь—онъ былъ русскій нѣмецъ и лютеранинъ — гарантировала его до нѣкоторой степени отъ излишней впечатлительности, но и ему, наконецъ, становилось не въ моготу: отвратительная погода, усталость, а главное — полная безуспѣшность поисковъ раздражали его до того, что всѣ квартиры стали казаться ему еще хуже, чѣмъ были въ дѣйствительности. Онъ уже началъ подумывать, не вернуться ли домой? Но сыскать квартиру было необходимо! И вдругъ — судьба сжалилась надъ нимъ: онъ нечаянно поднялъ глаза и увидалъ, какъ разъ надъ своей головой, свѣже-приклеенный билетикъ о сдачѣ квартиры. Приподнявшись на цыпочки—Эдуардъ Францевичъ былъ небольшого роста,—онъ прочиталъ, что въ третьемъ № сдается квартира о трехъ комнатахъ «съ удобствами.» Послѣднее слово заставило

Эдуарда Францевича слегка поморщиться, но, подумавъ, онъ все-таки позвонилъ дворника.

— Квартира сдается?

— Точно такъ, отвѣчалъ дворникъ, и, снявъ на минуту шапку, обнаружилъ веселую, простодушную и немного пьяную физіономію, которую Эдуардъ Францевичъ осмотрѣлъ испытующимъ взглядомъ.

— Швейцаръ есть?

— Никакъ нѣтъ, я за швейцара...

— Ну, покажи квартиру.

Квартира оказалась во дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, но окна приходились какъ разъ противъ воротъ и, ставъ у окна, Эдуардъ Францевичъ замѣтилъ, что можетъ слѣдить за всѣми входящими и выходящими, что ему очень понравилось и сразу расположило въ пользу квартиры. Затѣмъ оказалось два хода: парадный велъ въ переднюю, къ которой примыкала большая комната въ два окна; довольно тонкая перегородка отдѣляла отъ нея по обѣ стороны двѣ узенькія комнаты по одному окну, изъ которыхъ комната на-право собщалась дверью съ кухней; изъ кухни-же шелъ другой черный ходъ; изъ передней дверь вела тоже въ кухню. Кенигу квартира очень понравилась всѣми этими подробностями. Онъ повеселѣлъ, спросилъ о цѣнѣ?—«Тридцать рублей».—«Хорошо». Эдуардъ Францевичъ передалъ дворнику пять рублей задатку и сказалъ, что переѣдетъ сегодня-же. При этомъ онъ сообщилъ, что, хотя семья у него небольшая, — только онъ съ женой,—но знакомыхъ много: ходятъ товарищи, гости, иной разъ засидятся поздно,—такъ вотъ, въ которомъ часу у нихъ запираютъ ворота?

— Не сумлѣвайтесь, сударь, отвѣчалъ дворникъ,— ворота у насъ точно запираются рано,—въ десятомъ часу, а калитка всю ночь отворена, потому я одинъ дворникъ во дворѣ, за всякимъ не назапираешься...

При этихъ словахъ у Кенига просіяло лицо, онъ сунулъ дворнику рубль на чай и ушелъ, повторяя, что переѣдетъ сегодня-же. Дѣйствительно, часа черезъ три-четыре, два ломовика привезли мебель для новыхъ жильцовъ, а вслѣдъ за ними и самъ Кенигъ пріѣхалъ съ женой на извощикѣ. Въ среднюю комнату внесли громоздкій, рыночной работы диванъ, обитый красной шерстяной матеріей, и онъ сразу загородилъ всю стѣну комнаты. Потомъ ломовики внесли и поставили длинный складной обѣденный столъ; по другой стѣнѣ и между оконъ уставили около дюжины вѣнскихъ стульевъ. Меблированная такимъ образомъ зала мигомъ приняла скучный мѣщанскій видъ.

У новыхъ жильцовъ оказалось много шкафовъ: ихъ отнесли въ маленькую комнату съ ходомъ на кухню, куда помѣстили также два большихъ тяжелыхъ сундука. Въ другую боковую комнату поставили двѣ узенькихъ кровати съ мочальными тюфяками, и у окна этой комнаты жена Кенига, которая, впрочемъ, по паспорту оказалась Кронштадтской мѣщанкой, Марьей Ивановной Козиной, — поставила небольшой деревянный бѣлый столъ, а на него швейную машинку; по обѣимъ сторонамъ стола помѣстилось по простому деревянному стулу; на единственное окно Марья Ивановна повѣсила бѣлую занавѣску, а на подоконникъ поставила два маленькихъ горшечка съ отростками фикуса. Потомъ она тщательно стерла отовсюду пыль, промыла стекла въ окнѣ, и маленькій уголокъ сталъ уютнымъ, привѣтливымъ, такъ что туда пріятно было войти.

Черезъ часъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ дворника, Кенига и Маши квартира приняла совершенно жилой видъ. Эдуардъ Францевичъ щедро далъ на чай ломовикамъ и дворнику и отпустилъ ихъ. Новые жильцы остались одни доканчивать уборку квар-

тиры. Кенигъ подошелъ къ Машѣ, обнялъ ее одной рукой за шею, поцѣловалъ и проговорилъ:

— Ну, Маша, какъ тебѣ нравится здѣсь?

— Мнѣ очень нравится Эдуардъ Францевичъ, отвѣчала Маша, тоже цѣлуя его и тихо прижимаясь къ нему; ея большіе голубые глаза,—единственная красота простого лица, слегка попорченнаго оспинами, нѣжно смотрѣли на его красноватое некрасивое, бѣлобрысое лицо и точно говорили: «съ тобой мнѣ вездѣ хорошо».

— Мнѣ, кажется, Маша, Иванъ Александровичъ долженъ остаться доволенъ квартирой? Кажется, все предусмотрено: швейцара нѣтъ, четвертый этажъ, изъ воротъ все видно, два хода. — а, Маша?

— Они будутъ довольны, Эдуардъ Францевичъ!

— Ну, я побѣгу, Маша, предупрежу его и еще кое-кого, а ты ужъ, приготовь закусить, можетъ быть соберется человѣкъ двадцать, вотъ тебѣ деньги. Приготовь побольше; я думаю, холодной телятины взять у Соловьева, масла, колбасы, хлѣба побольше къ чаю, да лимоновъ, Маша, не забудь, и варенья.

— Будьте покойны, Эдуардъ Францевичъ, все будетъ готово. Да вы бы сами закусили, съ утра вѣдь не ѣвши...

— Нѣтъ, некогда...

— Я — сію минуту... у меня припасено для васъ... Маша побѣжала въ другую комнату, и сейчасъ же вернулась неся колбасу въ бумажкѣ, большой ломоть бѣлаго хлѣба, рюмку и графинчикъ водки. Она разложила и разставила все это на столѣ, налила въ рюмку водки и нарѣзала колбасы. Кенигу, дѣйствительно, было некогда, но онъ съ жадностью выпилъ водку и ѣлъ одинъ ломтикъ колбасы за другимъ, закусывая его хлѣбомъ: онъ былъ, очевидно, страшно голоденъ, но до сихъ поръ не сознавалъ этого. Маша смотрѣла на него ласковыми глазами и улыбалась.

— Ну, прощай, милочка, произнесъ Кенигъ, поддаваясь вліянію ея нѣмой нѣжности,—теперь я пойду.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее и быстрыми шагами прошелъ въ переднюю. Поспѣшно накинувъ шинель и застегиваясь на ходу, онъ крикнулъ Машѣ: «я ухожу, запри за мной».

Маша заперла дверь и опять принялась за уборку комнатъ и приготовленія къ вечеру:она стерла мокрой тряпкой со стола, вынула и разставила посуду, перетерла тарелки и чайную посуду и только что накинула на голову платокъ, собираясь выйти за покупками, какъ въ передней раздался неистовый звонокъ. Она бросиласъ отворять и увидѣла Эдуарда Францевича.

— Я забѣжалъ сказать тебѣ, Маша, что Иванъ Александровичъ любитъ малиновое варенье. Черезъ полчаса буду дома, нужно еще зайти тутъ недалеко..

И онъ почти бѣгомъ пустился внизъ по лѣстницѣ.

2.

Кенигъ успѣлъ обѣжать всѣхъ, кому нужно было сообщить адресъ новой квартиры. Домой онъ вернулся только въ девятомъ часу. Всѣ три комнаты были уже окончательно устроены, а гостинная стараніями Маши, приняла даже привѣтливый видъ: большой столъ былъ придвинутъ къ дивану, покрытъ пестрой скатертью и на немъ ярко горѣла лампа; на тарелкахъ аппетитно и аккуратно были разложены закуски; тутъ же стояло малиновое варенье въ фунтовой баночкѣ; на блюдечкѣ лежалъ лимонъ, нарѣзанный ломтиками; сухарики и булочки наполняли плетеную корзинку, а на тарелкѣ возвышалась цѣлая гора ломтей бѣлаго фунтового хлѣба.

Кенигъ окинулъ столъ заботливымъ взглядомъ, спросилъ Машу, поставленъ ли самоваръ и зажегъ еще двѣ лампы: одну изъ нихъ поставилъ на кругломъ столѣ въ гостиной, а другую отнесъ въ Машину комнату.

— Ну, все, кажется, хорошо, произнесъ онъ и вдругъ взглянулъ на окна: «Маша, а занавѣски?! вскричалъ онъ съ упрекомъ.

— Совсѣмъ забыла! отвѣчала Маша съ отчаяніемъ. Да, можетъ, одинъ вечеръ ничего?

— Какъ можно! ты помнишь, разсказывали, что дворникъ подставилъ лѣстницу къ окну, подсмотрѣлъ и донесъ...

— Да вѣдь четвертый этажъ, Эдуардъ Францевичъ..

— Нѣтъ, нѣтъ! Надо завѣсить хоть платками! И они оба стали завѣшивать окна въ гостиной платкомъ Маши и пледомъ Кенига. Въ передней тихо звякнулъ звонокъ. Маша побѣжала отворять и черезъ минуту въ комнату вошелъ человѣкъ средняго роста и почти неопредѣленнаго возраста: ему можно было дать и двадцать пять, и сорокъ лѣтъ. Онъ былъ одѣтъ въ черный сюртукъ, очень скромно, но видно было, что платье шилъ хорошій портной. Нервное, худощавое, гладко выбритое лицо, сѣрые небольшіе глаза, смотрѣвшіе изъ-за очковъ умнымъ, твердымъ, сильнымъ взглядомъ, тонкія плотно сжатыя губы, все вмѣстѣ составляло наружность некрасивую, даже несимпатичную, но внушительную и характерную.

— Иванъ Александровичъ... радостно произнесъ Кенигъ и поднялся ему на-встрѣчу.

Иванъ Александровичъ кивнулъ головой, мелькомъ оглянулъ столъ и проговорилъ: «много придутъ?»

— Андрей, Свѣтловъ... еще другіе...

— Иванова не будетъ?

— Нѣтъ, ему некогда.

— Покажите мнѣ квартиру.

Иванъ Александровичъ обошелъ всѣ комнаты и кухню, обратилъ вниманіе на входы и выходы и затѣмъ, въ сопровожденіи Кенига вошолъ въ Машину комнату; Эдуардъ Францевичъ послѣдовалъ за нимъ. Въ это время въ передней опять тихо звякнуло и послышались голоса Маши и еще чей то мужской.

— «Дворникъ»! проговорилъ улыбаясь, Иванъ Алесаадровичъ.

Кенигъ быстро выбѣжалъ изъ комнаты. «Дворникъ» (революціонный псевдонимъ) стоялъ посреди зальца Кениговской квартиры и внимательно осматривался. На вошедшаго хозяина онъ не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ допрашивать Машу.

— Сколько комнатъ?

— Три...

— Сколько ходовъ?

— Два...

— Кенигъ, войдите въ ту комнату, почитайте что нибудь.

Кенигъ, ушелъ въ комнату гдѣ, сидѣлъ Иванъ Александровичъ, раскрылъ Маркса и началъ...

— Хорошо, т. е. плохо; все слышно, ну, и другая перегородка дрянь, картонка. Будьте же осторожны! Кенигъ, станьте тутъ и громче кричите, пойте что-ли, а я пойду на лѣстницу.

Кенигъ запѣлъ фальшивымъ голосомъ «Есть на Волгѣ утесъ...» «Дворникъ» ушелъ на лѣстницу и черезъ минуту воротился.

— На лѣстницѣ мало слышно, гулъ какой-то; а кто живетъ рядомъ?

— Не знаю...

— Надо узнать... А на окнахъ это что?

— Это пока... платки.

— Нужно занавѣски... «Знакъ»... Какой бы «знакъ?» «Дворникъ» на минуту задумался.

— Да! Ваша баба, кажется, портниха? у нея долженъ быть этакій... болванъ? Ну, картонный, на который примѣриваютъ? есть? отлично! Дайте его сюда на окно: каждые полчаса переставляйте, то на это окно то на другое, если обыскъ—прочь болвана, занавѣску поднимите повыше... Не забудьте.

— Мнѣ приходится отлучаться, проговорилъ Кенигъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Отлучаться? изъ конспиративной квартиры? Вы съ ума сошли?

Иванъ Александровичъ вышелъ изъ сосѣдней комнаты и, улыбаясь, пожалъ руку «Дворнику.»

— Иногда онъ намъ нуженъ, тогда можетъ замѣнить его при «знакахъ» вотъ она...

Онъ указалъ на Машу.

«Дворникъ» посмотрѣлъ на нее и помолчалъ.

— Во всякомъ случаѣ, безъ разрѣшенія—ни шагу... Я ухожу; до свиданія, Иванъ Александровичъ. Завтра я опять забѣгу сюда и осмотрю все подробнѣе.

«Дворникъ» надѣлъ очки, расправилъ бородку, придалъ себѣ какой-то чиновничій видъ и быстро скользнулъ изъ квартиры.

Иванъ Александровичъ и Кенигъ вернулись въ Машину комнату.

— Ну, что? получили? спросилъ Иванъ Александровичъ, садясь на одинъ изъ стульевъ у окна.

— Получилъ, но не передалъ, Иванъ Александровичъ!

— Почему же?

— Я цѣлыхъ два часа сидѣлъ въ трактирѣ, напротивъ вокзала, ждалъ и никто не пришелъ.

— Странно.

— Мнѣ показалось, что за мной слѣдятъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Не знаю, можетъ быть, мнѣ и показалось, Иванъ Александровичъ. Мнѣ пришлось долго полу-

чать на товарной станціи и около меня все время вертѣлся жандармъ. Я запомнилъ его лицо. И въ трактирѣ тоже, какой то человѣкъ такъ странно на меня поглядывалъ.

— Можетъ быть, это просто ваша фантазія, произнесъ Иванъ Александровичъ, пристально посмотрѣвъ на Кенига,—гдѣ же ящикъ?

— Я поставилъ его вотъ здѣсь, подъ кровать... что тамъ такое?

— Динамитъ, произнесъ Иванъ Александровичъ и покосился подъ кровать.

Потомъ онъ всталъ, повернулся къ Кенигу спиной и прошелъ въ большую комнату, изъ которой слышался шумъ посуды и раздавались оживленные голоса. Собралось уже, дѣйствительно, человѣкъ двадцать; на диванѣ, на стульяхъ, иные стоя, размѣстились мужчины и женщины до того разнообразные по типамъ и одеждѣ, что никто бы не принялъ ихъ за принадлежащихъ къ одному обществу. Тутъ былъ Боровъ, Свѣтловъ, двѣ—три дѣвушки въ черныхъ, скромныхъ платьяхъ, какой-то военный, нѣсколько штатскихъ, рабочій въ неловко-сшитомъ сюртукѣ.

Въ сторонѣ сидѣла пара, невольно бросавшаяся въ глаза контрастомъ между высокимъ, румянымъ, плотнымъ мужчиной, съ свѣтлыми блестящими глазами и ярко бѣлыми, плотно сжатыми зубами, которые онъ почти не разжималъ, даже когда говорилъ, и между женщиной, уже перешедшей грань молодости, уже увядающей, съ выдавшимися костями блѣднаго лица, но съ тѣмъ же яркимъ блескомъ въ глазахъ, съ той же непреклонной линіей безкровныхъ губъ, какъ у ея собесѣдника. Его звали Андреемъ—конспиративная кличка. Это былъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ, честныхъ, фанатическихъ революціонеровъ, доказавшихъ свою вѣрность дѣлу и жизнью, и смертью... Андрей—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ русскаго

движенія конца семидесятыхъ годовъ: замѣчательный ораторъ, легко увлекавшій за собою толпу, онъ умѣлъ пріобрѣтать также любовь и довѣріе отдѣльныхъ личностей, потому что въ немъ фанатизмъ, непреклонная суровость и даже жестокость революціонера уживалась съ добрымъ мягкимъ сердцемъ и съ особенной терпимостью къ слабостямъ товарищей по дѣятельности.

Собесѣдницу его знали подъ именемъ Ираиды Ивановны; она вращалась въ кружкѣ рабочихъ, который, можно сказать, создала своими неусыпными стараніями; она жила среди нихъ, временами работала на фабрикахъ, затѣмъ исчезала и присылала на свое мѣсто другую дѣятельницу, а сама являлась опять гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и въ другой роли,—учительницей, прислугой, хозяйкой квартиры, барыней, швеей,—и вездѣ оставляла за собою яркій свѣтъ въ средѣ, въ которой появлялась: она умѣла дѣлаться необходимой вездѣ и повсюду, помочь во время, пробудить спящій умъ, подсунуть нужную книгу, сказать вѣщее слово... Не все были розы на ея пути: она голодала по недѣлямъ, заброшенная въ глухую деревню, простужалась, болѣла, терпѣла обиды, о которыхъ, впрочемъ, тотчасъ забывала, и гораздо болѣе горькія разочарованія въ людяхъ и въ любимыхъ ученикахъ; эти разочарованія всего больнѣе отражались на ея организмѣ, уже подтачиваемомъ изнурительнымъ недугомъ.

— Такъ и дѣйствуйте, голубушка, продолжалъ говорить ей Андрей,—сравните только теперешнее наше положеніе среди рабочихъ и крестьянъ съ тѣмъ, что было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ: тогда рта нельзя было открыть! сейчасъ: «а! ты противъ Царя!» изобьютъ и представятъ по начальству. А теперь—нѣтъ: у насъ есть *свои* и въ деревнѣ, и на фабрикахъ, да и остальные нельзя сказать, чтобы были враждебны: слушаютъ.

— Что меня радуетъ, проговорила Ираида Ивановна, —это то, что «они» уже не могутъ жить безъ насъ, безъ книгъ, безъ газетъ, безъ разговоровъ... Если не придешь недѣли двѣ, сейчасъ спрашиваютъ; «что долго не приходила? мы соскучились.» Читаютъ, разговариваютъ. Вѣрятъ, что мы хотимъ облегчить ихъ положеніе. Но зато, когда среди своихъ же окажется измѣнникъ, шпіонъ, доносчикъ,—какое горе! какой погромъ!

— Въ семьѣ не безъ урода, голубушка! Вотъ вѣдь, ужъ какъ хорошо было устроено у меня въ крѣпости! какія личности встрѣтились у меня среди солдатъ! какими помощниками они были бы мнѣ между своими товарищами! нѣтъ! все лопнуло. Что же? плакать? унывать? никогда! Закину новую петлю! затяну новую сѣть...

Ираида Ивановна смотрѣла на Андрея и тихо улыбалась... Въ это время въ комнату вошелъ Иванъ Александровичъ; всѣ присутствующіе слегка обернулись и посмотрѣли на него; никто, однако, не всталъ и не поздоровался съ нимъ; тѣмъ не менѣе, во взглядахъ и позахъ почти всѣхъ собравшихся обнаружилась нѣкоторая принужденность, которая является въ обществѣ, когда къ нему присоединяется лицо, занимающее несравненно высшее положеніе; только Андрей и Ираида Ивановна продолжали чувствовать себя совершенно свободно и дружески кивнули головой Ивану Александровичу. Онъ подошелъ къ нимъ.

— Андрей, спросилъ онъ тихимъ голосомъ,—ты не былъ *тамъ*?

— Нѣтъ, не успѣлъ...

— Кенигъ ждалъ два часа, и принесъ *все* сюда.

— Ну, я отсюда и возьму.

— Пойди-ка сюда на минуту, Андрей, мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Иванъ Александровичъ и Андрей прошли въ боковую комнату, въ которой помѣстили шкафы и сундуки; въ ней было темно.

— Андрей, сказалъ Иванъ Александровичъ вполголоса,—во-первыхъ, необходимы деньги; во-вторыхъ, у Иванова въ четвергъ собраніе военнаго кружка; будетъ много новыхъ; тебѣ необходимо быть тамъ: нужно объяснить новое направленіе нашей дѣятельности, новую программу...

— Я пойду, а вотъ съ деньгами какъ — не знаю!

— Необходимо достать. У меня только сторублевый билетъ, а надо отдать въ три мѣста по четыреста рублей, не то потеряемъ довѣріе...

— Нѣтъ, нужно достать... Отъ Сашки нѣтъ извѣстій?

— Пока нѣтъ, знаю, что работаетъ. Но это дѣло еще впереди.

— Скажу Свѣтлову и Борову.

— Мало толку отъ нихъ! такъ,—бѣгуны...

— У нихь связишки, на это годятся..

— Кстати и займутся и не станутъ приставать: «дѣла!» Что имъ поручишь? а отваживать нельзя? а какъ нечего дѣлать—развращаются...

— Заставь ихъ переносить съ мѣста на мѣсто ящики съ пескомъ и увѣрь ихъ, что тамъ динамитъ, вотъ и будутъ заняты, произнесъ Андрей, смѣясь.

— Чтожъ, и это мысль... Послѣ твоей неудачи съ крѣпостью нашъ престижъ пошатнулся... Хоть бы какое нибудь удачное покушеніе!

— Ужъ объ этомъ не безпокойся: пока голова на плечахъ...

— Ну, пойдемъ ко всѣмъ.

И они оба вышли въ большую комнату. Андрей скоро ушелъ вмѣстѣ съ Ираидой Ивановной. Иванъ Александровичъ сѣлъ на диванъ и пилъ чай, который Маша почтительно подала ему. Онъ разсѣянно помѣ-

шивалъ ложечкой въ стаканѣ, смотрѣлъ кругомъ, приглядывался къ лицамъ и слегка прислушивался къ разговорамъ. Вдругъ онъ поморщился и брови его нахмурились.

— Кенигъ, проговорилъ онъ, наклоняясь къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Эдуарду Францевичу,—кто это тамъ? такая растрепанная?

— Мильская,—развѣ вы не узнали?

— Скажите же ей отъ меня, пожалуйста, что я прошу ее бросить эту манеру ходить неряхой... не такое теперь время...

Кенигъ пошелъ и передалъ приказаніе Ивана Александровича Мильской, которая, видимо, сильно сконфузилась.

Сзади Ивана Александровича раздался веселый, молодой смѣхъ. Онъ обернулся, увидѣлъ Варю, и тоже улыбнулся. Хорошенькая смѣлая Варя сильно нравилась ему. Онъ любилъ поболтать съ ней; ей это было извѣстно и она отчасти даже гордилась своей маленькой побѣдой.

— А! Варвара Михайловна, сказалъ Иванъ Александровичъ, протягивая ей руку,—что это вы такъ веселитесь?

— Мнѣ смѣшно на васъ, Иванъ Александровичъ! какой вы строгій! Бѣдная Мильская! Для нея вы—богъ олимпійскій!

— Какая нелѣпость!

— Увѣряю васъ—Варя посмотрѣла на него своими большими черными глазами;—впрочемъ, Богъ съ ней... Мнѣ о другомъ хотѣлось спросить васъ, Иванъ Александровичъ?

— Спросите.

— Вотъ что: мы такіе же соціалисты, революціонеры, какъ напримѣръ въ Германіи, во Франціи... стремимся къ перевороту, къ улучшенію условій жизни массы... все это мы взяли у нихъ, значитъ между

нами мало разницы. А вотъ въ чемъ разница: они соціалисты, но въ тоже время—они живутъ на свой счетъ, работаютъ,—тамъ башмачники, журналисты,—профессора... а у насъ—соціалисты—и только, иной сидитъ, сидитъ,—пьетъ, ѣстъ и вдругъ полетитъ «по дѣлу», сдѣлаетъ что-нибудь, и опять сидитъ и живетъ на чей-нибудь счетъ... Такъ съума можно сойти. Даже читать запрещается что-нибудь не соціалистическое!.. Цѣлый вѣкъ ждетъ приказа: «иди туда!» а а самъ не смѣй двинуться съ мѣста! не смѣй думать по своему!

— Дѣятельность революціонера на Западѣ иначе, обставлена: тамъ можно работать по своей профессіи и въ то-же время и проводить свои идеи. А у насъ —что-нибудь одно: вѣдь вы знаете, что большею частью наши революціонеры — нелегальные? Какой-же дѣятельностью можетъ заняться нелегальный? Такое время! апостолы тоже жили только своей проповѣдью.

— Апостолъ Павелъ плелъ корзины...

— Ну, кому теперь нужны корзины! произнесъ слегка улыбаясь, Иванъ Александровичъ. — Садитесь, Варвара Михайловна, и пейте чай.

Варя сѣла и вдругъ опять чему-то засмѣялась.

— Иванъ Александровичъ!

— Что вамъ угодно?

— Я рада, что вы любите малиновое варенье.

— Да, я люблю, но вы-то почему рады этому? спросилъ Иванъ Александровичъ, улыбаясь.

— Пріятна всякая слабость въ великомъ человѣкѣ, сказала Варя и—прикусила языкъ. Иванъ Александровичъ такъ холодно посмотрѣлъ на нее, что она смѣшалась, покраснѣла и подумала про себя: «Не даромъ тебя прозвали Левъ Тигрычъ!»

— Кто сегодня читалъ газеты? спросилъ Иванъ Александровичъ, допивая чай,—что-нибудь интересное есть?

— Нѣтъ, интереснаго, кажется, ничего, а вотъ забавная статья въ «Берегѣ». Хотите, прочитаю? сказалъ Боровъ.

— Ну, гадость! послышались голоса,—не стоитъ читать! что за охота!

— Почему не прочесть? эти любопытно, сказалъ Иванъ Александровичъ,—прочитайте.

Къ столу подошла молодая дѣвушка и взяла стаканъ съ чаемъ. Она была удивительно красива, высока и стройна: необыкновонно правильныя черты лица, большіе темные строгіе глаза, густая коса, собранная въ узелъ на затылкѣ, — напоминали античную статую Діаны. Варя, какъ только увидала ее, вскочила съ мѣста и схватила за руку.

— Елена прекрасная! и ты здѣсь!

— Какъ видишь!

— Какимъ это образомъ?

— Такимъ-же, какъ и ты, я думаю, отвѣчала та, слегка недовольная.

— Съ кѣмъ ты пришла?

— Ни съ кѣмъ. Я хочу слушать, Варя.

— Вѣчно таинственности! проговорила Варя вполголоса.

Елена иронически улыбнулась и ничего не сказала.

Боровъ сталъ читать изъ «Берега» фельетонъ, въ которомъ авторъ въ комическомъ видѣ изображалъ похожденія какихъ-то невѣдомыхъ нигилистовъ. Всѣ смѣялись.

Елена все время чтенія сидѣла гордая и неподвижная,. обращая общее вниманіе своей необыкновенной красотой; по лицу ея невозможно было понять, одобряетъ она статью или, молча, осуждаетъ.

Въ передней разбирали шапки и пальто. Выходили по двое, по трое. Осторожность требовала не при-

влекать вниманія дворниковъ многочисленностью посѣтителей.

Къ Еленѣ подошелъ Боровъ, который съ тѣхъ поръ, какъ она пришла не могъ отвести отъ нея глазъ.

— Вы далеко живете? спросилъ онъ.

— На Выборгской.

— Хотите, пойдемъ вмѣстѣ, я тоже тамъ.

— Я не боюсь и одна,

— Я увѣренъ въ этомъ, но все-таки...

— Пожалуй, а только я думала—вы съ Варей?

Не успѣла она докончить фразы, какъ Варя дѣйствительно подошла къ нимъ.

— Боровъ, вы съ нами? спросила она.

— Нѣтъ, Варвара Михайловна, не могу: я провожаю Елену Дмитріевну, отвѣчалъ онъ, слегка смущаясь.

— О, какъ хотите! отвѣчала Варя. По лицу ея, однако, скользнула тѣнь. Она быстро надѣла шубку и кокетливую барашковую шапочку и вмѣстѣ съ Аней вышла по лѣстницѣ.

Боровъ помогъ Еленѣ одѣться. Они вышли почти послѣдними и медленно направились въ сторону Выборгской.

Елена не любила разговаривать: нѣсколько минутъ прошло вь молчаніи; Елена повернула голову, чуть-чуть усмѣхнулась и проговорила:

— А вѣдь Варя сердится.

— Не думаю. За что же?

— Вы—ея поклонникъ, и вдругъ отказались идти съ ней...

— О, у нея много поклонниковъ...

— Но вы, говорятъ избранный? и потомъ, непріятно терять... Зачѣмъ вы вызвались провожать меня?

— Какъ будто вы не понимаете?

— Нѣтъ.

— Ваша красота производитъ такое впечатлѣніе...

— А Варя?

— Ахъ оставьте Варвару Михайловну въ покоѣ.

— Вѣдь вы влюблены въ нее?

Борову стало не по себѣ. Красота Елены кружила ему голову, а воспоминаніе о Варѣ вносило неловкость и смуту въ его умъ.

— Я не влюбленъ въ нее... теперь, проговорилъ онъ, понимая кокетство Елены и желая поддержать игру.

— Да, признайтесь мнѣ въ любви, сказала Елена почти грубо,—Варя говоритъ, что вы очень красиво дѣлаете это.

— Неужели она такъ говоритъ! воскликнулъ Боровъ съ досадой.

— Ну да; это ея маленькая слабость—разсказывать о своихъ побѣдахъ.

Въ голосѣ Елены звучало явное злорадство. Боровъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— А вѣдь я думалъ, вы любите Варвару Михайловну и...

— Что?

— И даже находитесь подъ ея вліяніемъ.

— Это опять она вамъ сказала? Другая ея маленькая слабость: разсказывать о своемъ вліяніи.

Въ голосѣ Елены еще рѣзче прозвучало злорадство.

— Мы пришли. Прощайте, сказала Елена, протягивая Борову руку, и позвонила.

Минутъ черезъ пять заспанный швейцаръ отворилъ дверь. Всѣ эти пять минутъ Елена не произнесла ни слова, ни улыбнулась. И Боровъ молчалъ въ какомъ-то замѣшательствѣ.

— Ну, до свиданья, сказала Елена, входя въ парадный подъѣздъ.

Боровъ сердито закутался въ свой старый пледъ и пошелъ домой. На сердцѣ у него было нехорошо. Съ одной стороны, онъ не находилъ въ Еленѣ того, что сулила ея красота,—она казалась ему грубой, злой, холодной; съ другой—на душѣ у него остался осадокъ горечи противъ Вари и смутная досада на себя.

— Зачѣмъ это она разсказываетъ всѣмъ о своихъ «побѣдахъ,» думалъ онъ.—«Маленькая слабость!» Глупо ужасно! можетъ быть вретъ эта Елена? Злючка, должно быть, ужасная! И зачѣмъ я пошелъ ее провожать?! А какъ хороша!

ГЛАВА III.

МИХЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ИВАНОВЪ.

1.

Ивановъ, къ которому Иванъ Александровичъ посылалъ Андрея во вторникъ на собраніе офицерскаго революціоннаго кружка, жилъ на одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова и имѣлъ квартиру гораздо болѣе удобную и просторную, чѣмъ та, которую нанялъ Кенигъ: Михей Петровичъ служилъ въ артиллеріи, былъ прикомандированъ къ Академіи и имѣлъ порядочныя средства для одинокаго человѣка.

Самъ по себѣ, Ивановъ представлялъ оригинальную личность, непосредственный продуктъ своего времени и своей среды. Съ десяти лѣтъ онъ поступилъ въ военное закрытое заведеніе и не выходилъ изъ сферы военной школьной дисциплины вплоть до производства своего въ офицеры. Способности у него были огромныя, особенно къ математическимъ наукамъ;—умъ тяжелый, нѣсколько насмѣшливый и независимый; развратъ закрытаго учебнаго заведеніе не могъ не коснуться его, но не могъ и подавить окончательно его здоровую сильную натуру: физически онъ былъ очень силенъ; на отношенія къ женщинамъ смотрѣлъ легко и придавалъ мало значенія любовнымъ похожденіямъ. Натура у него была разсудочная, но ран-

нее знакомство съ развратомъ развило въ немъ чувственность. Впрочемъ, всѣ его страсти были головныя; въ революціонной-же дѣятельности онъ былъ фанатикомъ и опаснымъ фанатикомъ, опаснымъ для себя и для другихъ: голова его воспламенялась, но не кружилась и онъ во всякомъ положеніи не терялъ способности логически мыслить. А такая особенность имѣетъ свойство легко заводить по ту сторону добра и зла.

Въ то время, когда Ивановъ учился въ высшемъ военномъ училищѣ, либеральныя идеи свободно обращались въ кружкѣ юнкеровъ. Ивановъ прислушивался къ нимъ, но оставался равнодушнымъ; онъ усердно занимался математикой, увлекался химіей и на упреки товарищей, что ничѣмъ не интересуется кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ, спокойно говорилъ: «Въ самомъ дѣлѣ, это странно, что мнѣ все равно, чтобы ни происходило въ Европѣ и даже у насъ... Но, говоря по правдѣ, какое мнѣ до этого дѣло?»

Товарищи начинали толковать о долгѣ обществу, о дѣятельности плодотворной и широкой... Ивановъ насмѣшливо качалъ головой и спрашивалъ: «Это у насъ-то? Гдѣ эти общественные дѣятели? Мишка Калачевъ (профессоръ)? или нашъ ротный? Буду профессоромъ—и баста!»

Но всетаки эти разговоры закинули сѣмя въ упрямую голову Иванова. Черезъ нѣкоторое время онъ уже говорилъ одному изъ своихъ товарищей: «мнѣ совѣстно, что я не могу интересоваться политикой: человѣкъ долженъ всѣмъ интересоваться. Напримѣръ, финансы,—такая важная вещь для насъ всѣхъ, а вѣдь мнѣ до нихъ—все равно. Непремѣнно куплю хоть процентныхъ бумагъ: тогда по неволѣ стану интересоваться биржей»...

Процентныхъ бумагъ онъ, разумѣется, не купилъ, а вскорѣ вышелъ въ офицеры и все свободное время

(котораго у него, какъ у военнаго человѣка, было много) сталъ заниматься политической экономіей. Къ этому времени у него уже сложился свой идеалъ жизни. Съ двумя товарищами онъ поселился въ трехъ комнатахъ, заказывалъ денщику одно мясное блюдо къ обѣду, выпивалъ ежедневно по три бутылки молока вмѣсто чаю и старательно регулировалъ свои отношенія къ окружающимъ. Его сожители оказались одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій. Они всѣ трое образовали ядро, изъ котораго вышло офицерство съ болѣе либеральными стремленіями, съ болѣе нравственнымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ солдатамъ, сравнительно съ прежними командирами. Дѣло было во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ: въ то время, несмотря на уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній среди войска,—ударить солдата по лицу, ткнуть его въ зубы на ученьѣ, изругать скверными словами,—считалось ни во что: были субъекты, хвалившіеся своими подвигами въ этомъ родѣ. Ивановъ и его товарищи не только сами не били солдатъ, но не стѣснялись громко выражать свое порицаніе такимъ поступкамъ. Вскорѣ все молодое, доброе, свѣжее въ средѣ офицерства перешло на ихъ сторону; поклонники стараго порядка поневолѣ должны были сдѣлаться скромнѣе.

Ивановъ со своими двумя сожителями пошелъ дальше и переступилъ всякую границу военной дисциплины: въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ циркулировала фотографія, на которой офицеры сидѣли, обнявшись съ денщиками...

Въ своей офицерской квартирѣ Ивановъ занималъ довольно большую комнату, меблировка которой состояла изъ желѣзной узкой кровати, двухъ бѣлыхъ сосновыхъ табуретокъ, нѣсколькихъ полокъ и длиннаго бѣлаго деревяннаго стола, занимавшаго всю стѣну комнаты. На этомъ столѣ стройнымъ рядомъ стояли

книжки «Современника», въ которыхъ былъ помѣщенъ переводъ «Политической экономіи» Милля, съ примѣчаніями Чернышевскаго. За Миллемъ слѣдовалъ Марксъ. Ивановъ основательно изучилъ его «Капиталъ», не останавливаясь передъ трудностями «Введенія». Вскорѣ онъ сдѣлался авторитетомъ въ своемъ кружкѣ по политической экономіи. Всѣ мысли его стали вертѣться вокругъ экономическихъ вопросовъ; чтеніе газетъ стало для него ежедневной потребностью. Въ офицерскіе кружки невидимыми путями проникали революціонныя изданія, «Земля и Воля»... Ивановъ читалъ и ихъ... Случайная встрѣча съ Кенигомъ, который въ качествѣ офицера, скоро узналъ о новыхъ вѣяніяхъ среди военной молодежи, рѣшила участь Иванова. Однажды онъ пришелъ къ Кенигу на квартиру и сказалъ ему: «Познакомьте меня съ главарями революціи...

Кенигъ смутился и началъ говорить, что онъ самъ не знакомъ съ ними, но Ивановъ перебилъ его: «Вѣдь вы знаете меня; скажите-же имъ, что я рѣшилъ вступить въ партію, потому что нахожу революціонный путь единственно возможнымъ у насъ въ Россіи...»

Съ этими словами онъ всталъ, протянулъ Кенигу руку и вышелъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ.

Ивановъ съ головою окунулся въ «революцію»— одно изъ названій революціонной партіи — и сильно измѣнился, какъ въ образѣ жизни, такъ и въ нравственной своей физіономіи: онъ сталъ жить одинъ, началъ курить, вмѣсто молока сталъ снова употреблять чай, передъ ѣдой пилъ водку. Занятія и математикой, и политической экономіей онъ почти забросилъ, читалъ только газеты, подпольныя изданія и корифеевъ соціализма Западной Европы.

Нервы его обострились: онъ тщательно наблюдалъ за собой и концентрировалъ всю силу ума и энергіи на немногіе отдѣльные моменты, въ которые должна была проявиться его дѣятельность на пользу партіи; въ обыкновенное время онъ оставался вялымъ молчаливымъ и разсѣяннымъ. Теперь говорить онъ могъ и умѣлъ только о предметахъ близкихъ для революціонной партіи.

Въ передней позвонили. Ивановъ пошелъ отворять: вошелъ молоденькій офицерикъ, въ чистенькомъ мундирѣ, веселый, съ блестящими глазами, полными ожиданія.

— Ну, что? спросилъ онъ быстро.

— Никого еще нѣтъ, проговорилъ Ивановъ сквозь зубы.

— Папкинъ и Симанскій идутъ за мной, произнесъ молодой офицеръ,—вотъ они.

Въ передней опять позвонили; вслѣдъ за Папкинымъ и Симанскимъ явились еще два офицера,—все народъ молодой, чиномъ не выше штабсъ-капитана, но энергичный, живой и неглупый. Всѣ усѣлись въ средней комнатѣ и начали переговариваться между собой. Ивановъ пошелъ въ кухню и принесъ кипящій самоваръ: на кругломъ столѣ уже были разложены хлѣбъ, закуски и поставлено семь стакановъ. Ивановъ заварилъ чай, налилъ всѣмъ по стакану, а самъ сталъ рѣзать хлѣбъ и намазывать бутерброды. Все это онъ дѣлалъ молча, не торопясь, занятый своими мыслями.

— Однако, что же этотъ вашъ господинъ не приходитъ? спросилъ Папкинъ, молодой крѣпкій блондинъ.

— Вѣроятно, сейчасъ, отвѣчалъ спокойно Ивановъ, который однако и самъ начиналъ тревожиться.

— Были вы на Верещагинской выставкѣ, Алаевъ? спросилъ Симанскій молодого человѣка, который пришелъ первымъ.

— Былъ, ужасное впечатлѣніе производятъ военныя картины!

— Мнѣ больше нравятся индійскія картины, произнесъ Ивановъ, поднимая глаза отъ сыру, который нарѣзалъ тонкими ломтями,—входишь съ улицы, изъ подъ дождя и вѣтру и видишь такое яркое солнце, такъ жарко тамъ, передъ бѣлымъ индійскимъ храмомъ, такая тишина и гармонія,—а кругомъ—буря, прибавилъ онъ вполголоса.

— Вотъ и онъ, быстро сказалъ Михей Петровичъ, услыша тихій звонокъ и вышелъ въ переднюю. Черезъ минуту онъ вернулся вмѣстѣ съ Андреемъ, какъ всегда румянымъ и оживленнымъ, съ веселой улыбкой на красивомъ лицѣ. Ивановъ представилъ ему офицеровъ.

— Георгій Ивановичъ Побѣдиловъ, отрекомендовался Андрей, кланяясь и пожимая каждому руку.

— Не хотите-ли чаю? спросилъ Ивановъ, подавая ему стаканъ. Господа! обратился онъ ко всѣмъ,—мы собрались здѣсь, для того, чтобы выслушать программу дѣятельности революціонной партіи, дѣятельности которой мы сочувствуемъ и успѣху которой желали бы способствовать. Здѣсь у меня, мы вполнѣ безопасны: стѣны капитальныя, денщика я отпустилъ на весь вечеръ, такъ что, не опасаясь нескромныхъ ушей, мы можемъ приступить прямо къ дѣлу. Георгій Ивановичъ, изложите намъ программу партіи.

— Я готовъ, сказалъ Андрей, всталъ и началъ говорить, сначала слегка заикаясь, но чѣмъ дальше, тѣмъ оживленнѣе:—«разъ вы убѣдились, господа, что счастье и прогрессъ Россіи не могутъ быть достигнуты безъ соціально-политическаго переворота, вы поневолѣ должны перейти на нашу сторону и принять программу дѣйствій, выработанную подъ вліяніемъ дѣйствительности, подъ вліяніемъ тяжелыхъ уроковъ, которые мы получили во время практической дѣятельности.

«Начну издалека. Позвольте припомнить вамъ начало дѣятельности нашей партіи: въ шестидесятыхъ годахъ, когда впервые стало возможно говорить о прегрѣшеніяхъ—хотя статскихъ совѣтниковъ,—люди, любившіе Россію, но слишкомъ довѣрчивые, обрадовались и возгласили что настаетъ обновленіе... Самъ Герценъ, помните, готовъ былъ примириться съ царизмомъ, готовъ былъ за освобожденіе крестьянъ простить ему всѣ грѣхи и собственныя страданія... А тамъ пошли другія реформы: наивныя души вообразили, что само правительство желаетъ благоденствія Россіи, что оно желаетъ указаній, что какъ только узнаетъ оно причину нашихъ бѣдъ—все какъ рукой сниметъ. Это блаженное, но глупое время продолжалось не долго: наивныхъ дураковъ проучили,—кто погибъ на каторгѣ, кто на висѣлицѣ, а прочимъ безцеремонно заткнули ротъ. Самъ Герценъ умеръ на чужбинѣ, изнывая съ тоски по родинѣ; великіе умы, учители народа, истреблялись у насъ: чтобы погубить Чернышевскаго, не остановились передъ ложнымъ доносомъ... Господа! все гибло, что составляетъ красу и цѣну жизни! подумайте: великіе умы—Герценъ, Чернышевскій!—вѣдь они родятся столѣтіями, вѣдь это наши сокровища вырываютъ у насъ!..

«Люди опомнились. Мы пошли по деревнямъ, по фабрикамъ, мы проникли въ армію и во флотъ... Какое мы застали тамъ жалкое непониманіе! какое невѣжество! какую бѣдность! Между нами были люди, господа, равные апостоламъ: они отдавали все, что имѣли, неимущимъ: всѣ свои деньги, имѣніе, сами становились учителями, проповѣдниками...

«Правительство испугалось: оно науськивало на людей, проповѣдывавшихъ чистѣйшее ученіе любви и справедливости, становыхъ, исправниковъ... Мужики еще не извѣрились тогда въ Царя-батюшку: они ло-

вили пропагандистовъ, били ихъ и отправляли въ острогъ... Не всегда, впрочемъ: были уголки, гдѣ насъ выслушивали сочувственно, но и тутъ являлось недреманное око: розги, раззореніе—для мужиковъ, острогъ и каторга—для насъ... А бѣдность, нищета, пороки, преступленія, безсудность все росли и росли... Жалкія реформы все урѣзывались... И мы опомнились! мы научились разсуждать! мы поняли, что имѣемъ дѣло съ жестокимъ и хитрымъ врагомъ... Неужели вы, думаете, что правительство не видитъ необходимости дальнѣйшихъ реформъ? Видитъ, да не хочетъ своего уступать... Или вы полагаете, что народу сладко жить? что онъ не понимаетъ, кто ему другъ, кто врагъ? Отлично понимаетъ, наши пропагандисты и жизнь сдѣлали-таки свое дѣло! Но народъ, господа, не пойдетъ за людьми, которые безсильны передъ исправникомъ; пойдетъ онъ только за тѣмъ, кого не посмѣетъ связать становой... Наши дорогіе предшественники ошибались не въ цѣли, конечно,—а въ средствахъ. На силу надо идти силой, на хитрость—хитростью, на жестокость—безчеловѣчіемъ... Средства наши были неподходящія: мы хотѣли дѣйствовать на правительство убѣжденіемъ, разъясненіемъ нуждъ народа... На загнанный, забитый, невѣжественный народъ—своимъ великодушіемъ, правотой, безкорыстіемъ своихъ стремленій!.. Только на одно могли разсчитывать мы: на терновый вѣнецъ! и многіе изъ насъ заслужили его! Но мы хотимъ побѣды! Намъ нужно устрашить врага—правительство! Пусть народъ видитъ въ насъ защиту, силу, которая можетъ постоять за него! Каждый, вступающій въ нашу партію, понимаетъ, что не за карьерой онъ идетъ, что ждетъ его страданіе и смерть!.. Но пусть же не безплодно погибаемъ мы!

«Насъ довели до крайности! одно средство спасти наше дѣло,—это устрашить враговъ! Наша партія вступаетъ въ новую фазу дѣятельности! Терроръ! вотъ

чѣмъ мы будемъ отвѣчать отнынѣ на угнетенія, на казни нашихъ товарищей!.. Терроръ!

— Ахъ! вскрикнулъ Ивановъ, съ ужасомъ вглядываясь въ зеркало, висѣвшее противъ него: дверь сзади него медленно отворялась и въ зеркалѣ отразилась чья-то косматая нахмуренная фигура въ красной рубахѣ и поддевкѣ.

Всѣ мигомъ обернулись.

— Господа, что это за собраніе? проговорилъ дворникъ, входя въ залу съ шапкой въ рукѣ и почесывая голову.

Мгновенное молчаніе.

— Вы видали «Виноватую»? спросилъ громко Алаевъ сосѣда, который глядѣлъ на него безсмысленными глазами,—какъ хороша Савина!

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ? врываться въ квартиру? крикнулъ Ивановъ, шагнувъ къ дворнику.

— Что это за собраніе? повторилъ дворникъ, глупо глядя на него,—полиція не приказываетъ, я отвѣчаю...

— Какъ ты смѣлъ ворваться ко мнѣ? опять крикнулъ Ивановъ,—у меня гости...

— А денщикъ-то гдѣ? въ театръ услали! знаемъ! ухмыльнулся дворникъ,—а мы не врываемся, ключъ у меня отъ всякой квартиры есть...

— Пошелъ вонъ!

— Въ часть пойду, вотъ что! огрызнулся дворникъ и вышелъ.

Всѣ молчали, какъ пришибленные. Андрей поблѣднѣлъ и растерялся.

— Ради Бога, уходите! проговорилъ Ивановъ, подходя къ нему,—сейчасъ вернется дворникъ... ради Бога, идите.

— Къ чему торопиться? проговорилъ весело Андрей, которому стало досадно за свою минутную слабость,—развѣ я не могу быть вашимъ гостемъ?

— Идите! вотъ ваша шапка и шуба! произнесъ Ивановъ, чуть не толкая его къ черному ходу.

— Если ужъ вы такъ хотите... проговорилъ Андрей, улыбаясь, и исчезъ въ темнотѣ.

Почти въ тоже самое время послышались шаги по лѣстницѣ и раздался у двери звонокъ.

— Это полиція... проговорилъ Ивановъ,—ради Бога, господа, будьте веселѣе, болтайте.

И онъ медленно пошелъ отворять двери послѣ второго звонка.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? послышался его голосъ.

— Приставъ В. части, Набоковъ.

— А! очень радъ, я имѣю жалобу до васъ, г. Набоковъ.

— Позвольте мнѣ пройти, г. капитанъ, мнѣ донесено, что у васъ незаконное сборище....

— Я надѣюсь, г. приставъ, что слова офицера имѣютъ въ вашихъ глазахъ больше вѣсу, чѣмъ...

— Позвольте мнѣ пройти, г. капитанъ,

И приставъ съ портфелемъ подъ мышкой, сопровождаемый дворникомъ, проскользнулъ въ столовую Иванова.

— Вотъ мои гости, товарищи офицеры: капитанъ Папковъ, подпоручикъ Алаевъ, поручикъ Симанскій, рекомендовалъ Ивановъ.

— Тутъ еще былъ... какой-то... проговорилъ дворникъ на ухо приставу.

— У васъ былъ еще гость? отнесся тотъ къ Иванову.

— Никого не было больше.

— Вотъ онъ говоритъ....

Ивановъ пожалъ плечами: «онъ пьянъ, ему видно померещилось.»

— Позвольте спросить, г. капитанъ, по какому случаю у васъ собраніе?.

— Да просто гости.

— Они говорили, сегодня именинникъ... опять прошепталъ дворникъ.

Ивановъ захохоталъ.

— Прогоните этого дурака, сказалъ онъ весело приставу,—присядьте къ намъ и выпейте рюмочку...

— Однако, если...

— Ну, чего тамъ! Мы всѣ офицеры! всѣ подданные одного Царя! за Государя Императора! провозгласилъ онъ, поднявъ рюмку и подавая другую приставу.—За ваше здоровье и за доброе знакомство, прибавилъ онъ, отхлебнувъ другой разъ.

Приставъ выпилъ рюмку вина и сталъ извиняться за безпокойство.

— Ничего, ничего, повторялъ Ивановъ, проводилъ незваного гостя до передней и заперъ за нимъ двери.

Къ гостямъ онъ возвратился злой и блѣдный отъ ярости.

— До свиданья, господа...

— Ивановъ, произнесъ съ досадой молоденькій подпоручикъ,—какъ же это? вы пили за здоровье Царя, а сами за нѣсколько минутъ...

— Къ чорту нѣжности, заоралъ Ивановъ, топнувъ ногой, но сейчасъ-же опомнился и продолжалъ тише: на войнѣ всѣ хитрости дозволены... Это война—на жизнь и на смерть... Полноте смущаться! Это враги! пока мы слабѣе—хитрость дозволена!

Когда Ивановъ остался одинъ, онъ долго ходилъ по всѣмъ тремъ комнатамъ отъ одной стѣны до другой. Въ сердцѣ его кипѣла невыразимая злоба — на кого? онъ и самъ не могъ разобрать. Его бѣсило, что вотъ онъ могъ попасться на такой малости, какъ ничтожная сходка, что если-бы Андрей былъ захваченъ, то онъ самъ неминуемо былъ-бы отправленъ на каторгу, а за что? онъ даже не знаетъ всѣхъ нитей революціи, ему не вполнѣ довѣряютъ, онъ чув-

ствуетъ, что тамъ гдѣ-то готовится что-то большое, а онъ самъ далеко отъ этого и пробавляется какой-то пропагандишкой между офицерами. «Все это принесетъ плоды со временемъ, конечно, но возьмите на это кого нибудь подешевле, а я другого стою, господа...»

Раздался робкій звонокъ по черному ходу.

— Кто еще? неужели обыскъ! мелькнуло въ головѣ Иванова и онъ бросился на кухню и съ замирающимъ сердцемъ, даже не окликнувъ, отворилъ дверь. Передъ нимъ стоялъ его пьяный денщикъ. Ивановъ совсѣмъ забылъ о немъ.

— Болванъ, прошепталъ онъ и ушелъ, хлопнувъ за собой дверью.

ГЛАВА IV.

ПЛЕТНИКОВЪ.

1.

Съ самаго начала своего знакомства съ Боровымъ, еще съ перваго разговора на желѣзной дорогѣ, Варя ясно поняла, что она ему сильно нравится и что отъ нея зависитъ, привязать-ли его къ себѣ еще крѣпче или оттолкнуть навсегда. Ей и самой нравился Боровъ: онъ былъ красивый, молодой, увлекающійся человѣкъ, говорилъ съ такимъ жаромъ о революціи и о самой Варѣ. Но Варя была еще слишкомъ молода, чтобы удовлетвориться любовью—этой обыкновенной участью обыкновенныхъ дѣвушекъ. Жизнь сулила ей такъ много впереди! Варя была очень высокаго мнѣнія о себѣ, какъ почти всѣ молодые люди, которыхъ жизнь еще не успѣла перемолоть своими жерновами; Варя думала, что она принадлежитъ къ избранникамъ, отмѣчающимъ свой путь въ жизни народа; она считала себя вправѣ презрительно относиться къ мелочамъ жизни и хотя говорила, что слава не прельщаетъ ее, но втайнѣ надѣялась, что и слава не пройдетъ мимо. Тоску, находившую на нее по временамъ, горькое чувство сомнѣнія и неудовлетворенности она принимала не за предчувствіе обманутыхъ надеждъ и ожиданій, а за гордую скорбь, удѣлъ избранныхъ натуръ...

И вдругъ—такой ударъ ея самолюбію! Человѣкъ, который зналъ ее, любилъ, какъ ей казалось, къ которому она сама была неравнодушна,—Боровъ—увлекся сразу этой глупой красавицей Еленой! Елену она во всѣхъ отношеніяхъ ставила ниже себя: что же могло такъ нравиться въ ней Борову? Варя тосковала ужасно и ей было обидно, что въ ея печали нѣтъ ничего возвышеннаго: такъ,—самая обыкновенная любовная тоска! Но она отдала-бы все на свѣтѣ, только-бы пришелъ Боровъ! И Боровъ не придетъ! Онъ сидитъ у Елены и любуется на красоту этой дуры... «Нѣтъ, она не дура, подумала Варя уныло,—она хитрая! но вѣдь она ничего не знаетъ, ни о чемъ, кромѣ пустяковъ, говорить не можетъ! Что нашелъ въ ней Боровъ? неужели-же одна красота?...» «Красота—великая сила!» шепталъ ей внутренній голосъ.

Все опротивѣло Варѣ: всѣ люди стали казаться ей скучными, неумными, недобрыми. Съ Аней она постоянно ссорилась и вѣчно была недовольна собой...

Однажды вечеромъ, вернувшись съ лекціи, по обыкновенію, усталая и раздраженная,—Варя съ досадой увидала, что у Ани сидитъ гость, котораго она никогда раньше не встрѣчала: это былъ господинъ наружности совсѣмъ невзрачной, худой, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица, съ тусклыми провалившимися глазами, съ печатью утомленія и затаенной печали на всей наружности; смертельная болѣзнь, тайное преступленіе, разочарованіе полное и непоправимое—кладутъ на лицо такую печать.

И костюмъ Анинаго гостя былъ подъ-стать его невзрачной фигурѣ: сѣрый, поношеный, сидѣвшій на немъ, какъ на вѣшалкѣ...

— Варя, произнесла Аня, указывая подругѣ на сѣраго господина, который приподнялся и поклонился молодой дѣвушкѣ,—познакомься: Алексѣй Семеновичъ Плетниковъ, Варвара Михайловна Баранова.

Варя сухо поклонилась и сѣла въ сторонѣ: ей не хотѣлось разговаривать съ «сѣрымъ господиномъ», да и онъ, повидимому, не нуждался въ ея обществѣ: все его вниманіе было обращено на Аню. Онъ разсматривалъ вмѣстѣ съ нею разбросанныя на столѣ гравюры и тихо разсказывалъ ей что-то. Но Анѣ было непріятно невниманіе Вари къ ея знакомому.

— Варя, посмотри, какія прелестныя гравюры принесъ Алексѣй Семеновичъ, сказала она,—посмотри,— Ромео и Джульета.

Варя подошла къ столу и разсѣянно посмотрѣла. Аня вышла на минуту изъ комнаты, и Варя осталась съ сѣрымъ человѣкомъ. Онъ сидѣлъ спокойно и молчалъ, и ей стало неловко.

— Вы давно въ Петербургѣ? тихо спросила она его.

— Недавно, отвѣчалъ онъ вяло.

— Вы постоянно живете здѣсь?

— Постоянно...

— Что-же, вы учитесь, или... служите гдѣ-нибудь?

Онъ усмѣхнулся. Аня уже входила въ комнату и разслышала вопросъ.

— Ахъ, Варя! вскрикнула она, покраснѣвъ,—ты точно прокуроръ допрашиваешь? Зачѣмъ тебѣ все это знать? Съ которыхъ поръ мы интересуемся чиномъ и званіемъ нашихъ знакомыхъ?

— Мнѣ пора, Анна Михайловна, произнесъ Плетниковъ, вставая.

— Оставайтесь чай пить.

— Нѣтъ, пора, повторилъ онъ и пожалъ руки Анѣ и Варѣ. Холодное влажное ощущеніе слабаго пожатія произвело на Варю противное впечатлѣніе.

— Ахъ, да! произнесъ Плетниковъ, останавливаясь передъ Аней,—я и забылъ сказать вамъ: я получилъ награду — Станислава 4 степени, — и Плетниковъ печально улыбнулся.

Аня вспыхнула и смутилась: «вотъ какъ... награду!.. стало быть... вами довольны...» и она нахмурила брови и замолчала.

— Да... вѣроятно... очень, отвѣчалъ Плетниковъ и наклонившись къ Анѣ прошепталъ: «О, какіе отвратительные люди! какъ тяжело мнѣ тамъ, если бы вы знали!..

— Я знаю, что это тяжело и ужасно, Алексѣй Семеновичъ, также тихо отвѣчала Аня, — но что-же дѣлать? Нужно!

— Вы относитесь ко мнѣ... по прежнему? проговорилъ онъ тихо.

— Разумѣется, отвѣчала Аня и крѣпко пожала ему руку.

Плетниковъ ушелъ. Аня задумчиво ходила по комнатѣ и молчала; Варя злыми глазами слѣдила за ней.

— Кто такой этотъ противный господинъ? спросила Варя.

— Необыкновенно глупо судить по наружности! рѣзко отвѣтила Аня, — если-бы ты знала, о комъ говоришь! это замѣчательный человѣкъ, удивительный, безкорыстный, не жалѣющій себя для другихъ...

— Ты влюблена въ него?

— Что за пошлости! Я не узнаю тебя, Варя!

— Однако, ты горячо заступаешься за него, произнесла насмѣшливо Варя, все болѣе и болѣе раздражавшаяся по мѣрѣ того, какъ говорила глупости. — Ты даже бранишься...

— Если-бы ты знала его исторію! задумчиво проговорила Аня.

— Кто-же онъ такой?

Аня наклонилась къ уху Вари и прошептала нѣсколько словъ. Варя отскочила; лицо ея выразило глубокое отвращеніе.

— Какая гадость!

— Какая глупость! съ укоромъ сказала Аня. — онъ приноситъ огромную пользу: свой человѣкъ въ III-мъ отдѣленіи!

— Вѣдь сдѣлаться шпіономъ или публичной женщиной... да я скорѣе бросилась бы въ воду!..

— Конечно, легче броситься въ воду, а онъ выбралъ то, что труднѣе! Сколькихъ онъ спасъ! сколько разгромовъ предупредилъ! и какой цѣной! въ немъ болѣе героизма, чѣмъ въ насъ съ тобой!..

Варя презрительно пожала плечомъ, отошла къ своему столу и раскрыла книгу.

— Сегодня сходка у Свѣтлова; уже пора, сказала Аня.

— Нѣтъ, мнѣ нужно заниматься.

— Такъ я одна пойду.

Аня одѣлась и ушла, досадуя на Варю, которая съ нѣкоторыхъ поръ стала капризна и просто невыносима. «Что съ ней? больна она, что-ли? думала Анна Михайловна.

А Варя, оставшись одна, вдругъ вздохнула свободно. Она почувствовала неожиданный приливъ бодрости и энергіи. «Не хочу больше распускать себя! довольно! за работу!» скомандовала она себѣ и рѣшила съ этой минуты владѣть собою, веселиться, заниматься и забыть о Боровѣ. Она вспомнила, что ей нужно много догонять по химіи, достала съ этажерки записки, сѣла поудобнѣе къ столу и придвинула лампу.

Работа пошла весело и скоро: Варя быстро запоминала трудныя названія, связно и ясно повторяла въ умѣ прочитанное и все глубже и глубже уходила въ свою работу. Щеки ея покраснѣли, лобъ наморщился и въ душу начало проникать спокойствіе, всегдашній спутникъ умственнаго труда. Изрѣдка передъ ея глазами вставалъ знакомый образъ съ горячими влюбленными глазами, но она рѣшительно прогоняла его, и онъ исчезалъ.

Кто-то позвонилъ... Чьи-то шаги прошли по коридору и остановились у двери ея комнаты... Постучали... «Это онъ!» съ безумной быстротой пронеслось въ ея головѣ и она рванулась къ двери, но тотчасъ овладѣла собой и спокойнымъ голосомъ сказала: «войдите!» Дверь отворилась и дѣйствительно вошелъ Боровъ.

— А! здравствуйте! проговорила Варя и протянула ему руку.

Онъ не былъ спокоенъ, какъ Варя; напротивъ, онъ казался блѣднымъ и смущеннымъ.

— Гдѣ это вы пропадали? спросила Варя равнодушно.

— Я давно хотѣлъ придти къ вамъ, Варвара Михайловна, отвѣчалъ онъ смущенно, —но... меня задержали...

— А! дѣла, вѣроятно?

— Да, дѣла, отвѣчалъ онъ угрюмо, избѣгая ея насмѣшливаго взгляда.

— Или, можетъ быть,—Елена?... не вытерпѣла Варя.

— Вы сердитесь на меня, Варвара Михайловна?

— Вотъ еще выдумали? что мнѣ до васъ за дѣло? И она презрительно пожала плечами. Онъ отлично видѣлъ, что она сердится на него, что она совсѣмъ не такъ равнодушна, какъ показываетъ. Это радовало его, но холодность Вари необходимо было прекратить.

— Мнѣ совсѣмъ не нравится Елена, сказалъ онъ.

— Отчего же? она очень красива...

— Совсѣмъ не такъ красива...

— Нѣтъ, красива, только неизящна, правда. Толстая, большая, вѣчно молчитъ, а вы воображаете, что въ ней какая-то тайна, не удержалась Варя и — прикусила языкъ.

— Варя, сказалъ Боровъ и взялъ ее за руку, которую она хотѣла вырвать, — если вы... если ты... сердишься... я уйду...

— И уходите, сорвалось у Вари. Боровъ всталъ. Варя взглянула на него. «Неужели онъ уйдетъ? Ну, нѣтъ, этого не будетъ...

— До свиданія, промямлилъ Боровъ.

— Куда это? сидите, а не то... и Варя такъ сверкнула на него глазами, что онъ весь просіялъ, сѣлъ около нее и крѣпко обнялъ.

— Ахъ, Варечка... проговорилъ онъ и поцѣловалъ ее въ щеку.

— Нельзя, сказала она отворачивая голову.

— Можно, прошепталъ онъ, улыбаясь, и опять поцѣловалъ ее.

— Что это вы? нельзя! я разсержусь! — и она встала.

— Скажи мнѣ—*ты*, пожалуйста!..

— Хорошо, только не смѣй больше, довольно!..

2.

Плетниковъ, дѣйствительно, былъ несчастнѣйшій человѣкъ: онъ пережилъ не такъ давно ужасную личную драму, одну изъ тѣхъ драмъ, которыя не доходятъ до судебнаго слѣдователя, но навсегда разрушаютъ спокойствіе совѣсти и заставляютъ разрывать самыя близкія связи. Изъ-за него, по его винѣ погибла дорогая молодая жизнь. И при этомъ поведеніе его было такъ жестоко, такъ низко, такъ несвойственно порядочному человѣку, какимъ въ сущности всегда былъ Плетниковъ, что никто, и прежде всѣхъ онъ самъ, никогда не могли понять, какимъ образомъ все это случилось?.. Какъ-бы то ни было, отъ Плетникова всѣ отвернулись; въ порывѣ отчаянія и презрѣнія къ самому себѣ онъ хотѣлъ лишить себя жизни. Отъ самоубійства удержала его Аня: она гостила въ то время на каникулахъ въ городѣ, гдѣ жилъ Плетниковъ и узнала всю его исторію. Она

протянула ему руку помощи и съ суровостью молодой революціонерки стала говорить ему о возможности искупленія, о новой жизни... «Вы не должны искать радостей жизни, говорила Аня,—но въ жизни есть подвиги, есть самопожертвованіе, служеніе человѣчеству...» Болѣзненно-чуткая душа Плетникова радостно отозвалась на эту наивную проповѣдь и онъ преодолѣлъ свое отвращеніе къ жизни. Аня сдѣлалась его божествомъ. Для нея выше всего въ мірѣ была революціонная дѣятельность, — онъ постарался сдѣлаться членомъ партіи. Случай натолкнулъ его на Ивана Александровича; Плетниковъ представился ему, какъ человѣкъ рѣшеный, едва ушедшій отъ петли, непригодный для жизни; онъ просилъ дать ему дѣло самое грязное, самое отвратительное, «если только оно можетъ быть полезно для васъ...» Терроризмъ въ то время уже слагался въ ясную программу, ясную, по крайней мѣрѣ, для вожаковъ партіи. Иванъ Александровичъ считалъ необходимымъ придать ему формы макіавеллевскаго вѣроломства и холодной неумолимой жестокости: вездѣ слѣдовало имѣть своихъ людей; все узнавать посредствомъ подкупа, шпіонства или насилія; кинжалъ революціоннаго правосудія долженъ былъ поражать неумолимо, — чѣмъ страшнѣе и быстрѣе — тѣмъ лучше. Плетникову предложили взять на себя обязанности шпіона — провокатора въ Третьемъ Отдѣленіи... На это Плетниковъ не могъ рѣшиться сразу. Онъ пошелъ къ Анѣ и разсказалъ ей, чего отъ него требуютъ. Аня задумалась.

— Это необходимо для партіи? спросила она.

— Иванъ Александровичъ говоритъ, что вездѣ нужно имѣть своихъ людей...

— И у васъ хватитъ мужества... играть эту роль?

— Я весь въ грязи... если-бы у меня хватило мужества?

— Тогда—это геройскій подвигъ. Вѣдь вы душу свою полагаете за други своя!

— И вы не будете презирать меня... еще болѣе?

— Я должна буду преклоняться передъ вами.

И Аня посмотрѣла на Плетникова такими глазами, что на мгновеніе кровь прилила къ его щекамъ, но онъ тотчасъ-же потупился и вздохнулъ.

— Видите, сказалъ онъ, — я не герой: *этого* для партіи я бы не сдѣлалъ, легче умереть. Но я вамъ такъ обязанъ! для васъ я поступлю въ Третье Отдѣленіе... Преклоненіе передо мной, значитъ, не у мѣста, прибавилъ онъ съ горькой улыбкой.

Отъ Ани онъ пошелъ къ Ивану Александровичу и заявилъ о своемъ согласіи. У партіи были связи. Черезъ мѣсяцъ Плетниковъ получилъ мѣсто въ сыскномъ отдѣленіи по политическимъ преступленіямъ. Онъ смотрѣлъ на свою роль серьезно и былъ такъ остороженъ, дѣйствовалъ такъ ловко, что, какъ мы видѣли, удостоился даже награды Станиславомъ IV-ой степени. Разумѣется, безъ жертвъ не обошлось: не одна жизнь была брошена подъ колесницу грядущей революціи, но многія жизни, вся организація партіи были имъ также не разъ спасены.

Съ Аней Плетниковъ не прерывалъ сношеній, но онъ почти не говорилъ съ ней о своей дѣятельности: ему было противно брызгать грязью на молодую дѣвушку... Былъ-ли онъ влюбленъ въ Аню? Онъ не осмѣлился бы представить ее своей женой или невѣстой. Но Аня была для него дороже всего на свѣтѣ и доброта ея казалась ему неземной... А она? она его жалѣла, горячо заступалась за него передъ всѣми, но въ душѣ не могла побороть тайнаго отвращенія къ человѣку—шпіону...

ГЛАВА V. *).

ПРЕДТЕЧИ.

Декабристы первые положили камень въ основаніе угла русскаго освободительнаго движенія. Народы не успѣли еще въ то время привыкнуть къ революціямъ, да и сами декабристы были болѣе людьми теоріи, чѣмъ практики. Они—владѣтели десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, ненавидѣвшихъ помѣщичье иго и ждавшихъ всего только отъ Царя-батюшки,—они вѣрили въ быстрый успѣхъ русскаго революціоннаго движенія; они считали, что политическая свобода необходима для общества, большинство котораго не возвышалось надъ типами Скотининыхъ и Простаковыхъ, или героевъ Гоголя. Какъ идеалисты и теоретики—они шли къ цѣли прямо, не допускали или, по крайней мѣрѣ, всячески избѣгали компромиссовъ—и это въ борьбѣ съ суровѣйшей дѣйствительностью! Они отдавали себя на судъ Божій. Одинъ изъ нихъ (Бестужевъ) признается, что день 14-го Декабря онъ началъ молитвой: «Боже, если дѣло наше правое,—помоги намъ, если-же нѣтъ—да будетъ воля Твоя надъ нами.» Эти «если» много способствовали неудачѣ декабристовъ, потому что и у нихъ были мо-

*) Главы «Предтечи» и «Народная Воля» не имѣютъ прямого отношенія къ сюжету повѣсти и могутъ быть, по желанію, пропущены читателями.

менты, когда судьба повертывалась къ нимъ лицомъ: былъ моментъ, когда по словамъ Николая I-го, Зимній Дворецъ оставался совершенно безъ защиты, почти въ рукахъ декабристовъ, но они не рѣшились проникнуть въ него, останавливаемые своими «если» и сознаніемъ, что за ними нѣтъ народной массы, и что даже своихъ солдатъ они увлекли въ движеніе наполовину обманомъ.

Декабристы плохо подготовились къ борьбѣ за власть, къ временамъ хаоса, безпорядка, междоусобія, когда наслѣдственная власть будетъ ниспровергнута, а къ новой народъ еще не подготовленъ; но за то для будущаго правового государства они успѣли уже написать даже сводъ законовъ—«Русскую Правду.»

Декабристы не принесли ни малѣйшей пользы страдающимъ классамъ русскаго народа; они не помогли осуществленію ни одной изъ свободъ; мало того, они вызвали реакцію и невыносимый гнетъ николаевщины. Многіе наивные люди даже долго вѣрили, что декабрьскій бунтъ замедлилъ освобожденіе крестьянъ и другія реформы... Словомъ, декабрьскій мятежъ не принесъ практической пользы, напротивъ: жизнь въ Россіи стала еще тяжелѣе. Тѣмъ не менѣе, 14-ое декабря свѣтитъ ярко на пути русскаго освободительнаго движенія: оно пробудило наше самосознаніе, оно дало первый толчекъ дремавшимъ силамъ, положило начало росту русской интеллигенціи. Просвѣтительныя идеи прежде составляли принадлежность только высшаго класса общества: черезъ двадцать лѣтъ процессъ петрашевцевъ показалъ, что «зараза» декабристовъ проникла и въ средніе круги, что явились уже Бѣлинскіе, Петрашевскіе, Достоевскіе, Плещеевы, Кашкины,—все средней руки помѣщики, или просто разночинцы.

Правда, до шестидесятыхъ годовъ политическая окраска русскихъ «политическихъ» процессовъ очень слаба. Чего хотѣли Петрашевцы? освобожденія крестьянъ, небольшой свободы печати и личности, уничтоженія варварскихъ тѣлесныхъ наказаній... Всѣхъ этихъ реформъ ждали отъ правительства; дѣятельность кружковъ проявлялась исключительно въ литературѣ, въ горячихъ рѣчахъ на небольшихъ дружескихъ собраніяхъ и обѣдахъ, въ чтеніи запрещенныхъ статей Герцена и сочиненій корифеевъ западной соціалистической литературы, при чемъ Фурье считался послѣднимъ этапомъ буйной мысли. За что былъ осужденъ Достоевскій на смертную казнь? *За чтеніе* въ кружкѣ знакомыхъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю, за *желаніе* освободить крестьянъ... Таковы-же были и другіе русскіе «освободители» сороковыхъ годовъ — Станкевичи, Костомаровы... Несмотря, однако, на ихъ умѣренность,—роль ихъ, какъ создателей послѣдующаго движенія, громадна: они во многія души заронили, во многихъ душахъ сохранили сѣмена гуманности, протеста, ненависти къ существующему строю. Иначе какъ могли бы мы объяснить бурный періодъ ломки—пока только въ мірѣ нравственномъ и умственномъ — шестидесятыхъ годовъ? Откуда могли вдругъ проявиться люди, не только подвергнувшіе жесточайшей критикѣ весь существующій строй, но даже и гуманную дѣятельность своихъ непосредственныхъ предшественниковъ? Откуда могли бы явиться Добролюбовы, Чернышевскіе, Писаревы въ литературѣ и Нечаевъ въ общественной жизни Россіи, если-бы имъ не предшествовала подготовительная работа людей сороковыхъ годовъ?

Прямыми и полными выразителями душевнаго состоянія измученнаго русскаго общества (но еще не народа) явились въ практической жизни—нечаевцы. Чего хотѣли эти новые дѣятели? одного—всеобщаго

разрушенія; для какой цѣли? для всеобщаго разрушенія: «у товарищества нѣтъ другой цѣли кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, т. е. *чернорабочаго* люда. Но убѣжденные въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всесокрущающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію тѣхъ бѣдъ и золъ, которые должны, наконецъ, вывести народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.» *) По мнѣнію нечаевцевъ единственный путь къ счастью народа (въ Россіи) это—сдѣлать его сначала до того несчастнымъ, что онъ пойдетъ на все... Чѣмъ можно объяснить созданіе такой ужасающей программы или появленіе людей такого безчеловѣчнаго направленія? да тѣмъ—же, чѣмъ М-мъ Сталь оправдываетъ ужасы французской революціи: въ теченіе вѣковъ не было народа несчастнѣе, униженнѣе русскаго народа...

«Спасительною для народа можетъ быть только та революція, продолжаетъ Нечаевъ,—которая уничтожитъ въ корнѣ всю государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи и классы Россіи». **) А дальше? дальнѣйшее устройство русской земли не озабочиваетъ нечаевцевъ: «будущая организація несомнѣнно выработается изъ народнаго движенія и жизни. Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе. Враги народа и революціонеровъ—«дворянство, чиновничество, попы, гильдейскій міръ и кулаки—міроѣды»; но «соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ истиннымъ и *единственнымъ* революціонеромъ въ Россіи.» ***) По-

*) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ, сборникъ В. Базилевскаго (Богучарскаго) стр. 185.
**) Тамъ-же.
***) Тамъ-же.

слѣднія строки показываютъ, что и во времена нечаевщины освободительное движеніе имѣло еще мало корней въ народѣ.

Нечаевъ съ мрачнымъ увлеченіемъ рисуетъ портретъ истиннаго революціонера такими чертами: «природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе»; «нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи и преступно все что помѣшаетъ ему»; «революціонеръ живетъ: (въ мірѣ) только съ вѣрой въ полнѣйшее его и скорѣйшее разрушеніе.» *)

Нечаевъ былъ человѣкомъ необыкновеннымъ въ своемъ родѣ: въ немъ воплотился его собственный идеалъ революціонера. Онъ обладалъ желѣзнымъ характеромъ и умѣлъ покорять себѣ людей; очевидно, онъ имѣлъ также несомнѣнныя организаторскія способности. Теперь, на извѣстномъ разстояніи, онъ очень близко подходитъ по нравственному облику къ «сверхчеловѣку», который мерещился Ницше; онъ не зналъ нерѣшительности: хладнокровно, «для примѣра» онъ убилъ товарища, ничѣмъ не провинившагося въ политическомъ отношеніи; заставилъ участвовать въ этомъ убійствѣ людей почти противъ ихъ воли; послѣ убійства спокойно обыскалъ свою жертву, вынулъ деньги изъ ея кармана, даже снялъ окровавленное пальто съ убитаго и велѣлъ нести его одному изъ сообщниковъ, «чтобы не пропадало...»

Впослѣдствіи, сидя въ крѣпости, Нечаевъ подчинилъ своей волѣ солдатъ, сторожившихъ его, и до такой степени, что они предлагали ему совершить цареубійство въ Петропавловскомъ соборѣ, во время богослуженія. Не слѣдуетъ забывать также что Нечаевъ отказался отъ устройства своего побѣга изъ крѣ-

*) Тамъ-же стр. 184.

пости, когда Желябовъ передалъ ему, что этимъ можетъ замедлиться исполненіе цареубійства (I-го марта)... Нечаевъ счелъ, что цареубійство выгоднѣе для дѣла революціи и—умеръ узникомъ.

Нечаевъ несомнѣнно былъ человѣкомъ сильнымъ, но для знавшихъ его онъ былъ далеко непривлекателенъ. Даже въ такихъ беззавѣтныхъ революціонерахъ, какъ Бакунинъ, онъ возбуждалъ чувство, близкое къ отвращенію *). Одинъ изъ товарищей Нечаева описываетъ его такимъ образомъ: «это былъ худенькій небольшого роста, нервный, вѣчно кусающій свои изъѣденные до крови ногти, молодой человѣкъ съ горячими глазами, съ рѣзкими жестами. Нечаевъ не былъ рѣчистъ, по русски говорилъ на *о*, какъ говорятъ владимирцы, по французски такъ и не выучился, хотя могъ объясняться и читалъ уже почти безъ словаря» **).

Итакъ лозунгомъ нечаевцевъ было—разрушеніе! Однако такой лозунгъ не могъ долго владѣть умами; мораль, исключающая всѣ привязанности, всѣ человѣческія чувства, запрещающая умственную дѣятельность, смотрящая на любовь къ наукѣ и искусству, какъ на преступленіе, уничтожающая прелесть искреннихъ товарищескихъ отношеній между людьми — могла быть пригодна лишь для немногихъ и то не на долгое время. Поэтому нечаевщинѣ предстояла скорая и естественная смерть. Нечаевцы сами это предвидѣли и назначили короткій срокъ своему существованію: они предсказывали, что всеобщая революція должна произойти на позже 19-го Февраля 1870 года...

Революціи не произошло, кучка была арестована; иные изъ ея членовъ были осуждены на каторгу и пропали безъ вѣсти въ далекой Сибири; иные были оправданы и появились въ послѣдующихъ процессахъ,

*) Былое за Іюль, Ралли «С. Г. Нечаевъ», 143—144.
**) Тамъ-же.

но уже не нечаевцами, а народниками, черноперед'ьльцами или народовольцами...

Революціонная мысль шла своимъ путемъ; ее не могли задушить ни репрессіи, ни реформы. Какъ только почва оказалась болѣе или менѣе подготовленной, революціонеры явились подъ новыми именами, въ качествѣ мирныхъ пропагандистовъ и просвѣтителей народа.

Ничего общаго съ нечаевщиной у этихъ людей, казалось, не было: никакого насилія, никакого террора, полная терпимость, мирная дѣятельность среди народа, мирная пропаганда, самоотреченіе, самопожертвованіе, самосовершенствованіе,—вотъ ихъ средства и цѣли! Въ кругу черноперед'ьльцевъ, «нечаевщина», съ ея суровой дисциплиной и человѣконенавистническимъ революціонизмомъ не только отвергалась, но къ ней относились почти съ отвращеніемъ: «къ централистической организаціи отрицательное отношеніе установилось послѣ нечаевскаго процесса. Всѣми порицалось поведеніе Нечаева, какъ оно выяснилось на судѣ, тщательно скрывавшаго свои поступки отъ товарищей по дѣлу и державшему ихъ въ полномъ невѣденіи относительно своихъ намѣреній. Слово «нечаевщина» сдѣлалось нарицательнымъ и употреблялось въ тѣхъ случаяхъ, когда желали обозначить какую-нибудь дутую затѣю, построенную на обманѣ товарищей...»*).

А между тѣмъ сами черноперед'ьльцы, съ ихъ критикой существующаго порядка, отказомъ отъ благъ цивилизаціи, стремленіемъ слиться съ «чернорабочимъ людомъ» и поработать для его счастья,—они сами явились прямыми наслѣдниками нечаевцевъ. Дебогорій Мокріевичъ, слова котораго о нечаевщинѣ приведены выше, говоритъ такъ о вліяніи на него нечаевскаго

*) Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокріевича, страница 13.

процесса: «конечно, можно было не соглашаться и спорить противъ пути избраннаго ими для достиженія народнаго блага, можно было находить его даже ложнымъ, но съ нравственной стороны они были всецѣло правы, такъ какъ дѣйствовали согласно со своими убѣжденіями и не отступали передъ препятствіями; болѣе того, они не задумывались пожертвовать своей жизнью ради дѣла, въ которое вѣрили... это самопожертвованіе невольно звало къ подражанію,— всякій честный человѣкъ дѣйствительно долженъ работать въ пользу этого несчастнаго, замученнаго народа. Вотъ это—то стремленіе, шевелившееся раньше гдѣ-то на днѣ души, было окончательно пробуждено во мнѣ нечаевскимъ процессомъ»*).

Чернопередѣльцы мало жили по городамъ: въ началѣ семидесятыхъ годовъ фабричная и заводская жизнь Россіи едва развивалась и пропагандистамъ нечего было дѣлать среди рабочихъ. Главнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности явилась деревня. Они селились тамъ въ качествѣ сельскихъ учителей, волостныхъ писарей, работниковъ, торговцевъ; они будили мысль мужика, учили его, помогали ему справляться съ безчисленными обидами и несправедливостями повседневной жизни, объясняли ему причины его безправія и бѣдности. Если бы правительство вмѣсто того, чтобы преслѣдовать этихъ мирныхъ и честныхъ дѣятелей, помогло-бы ихъ работѣ своевременными реформами и уничтожило бы мало по малу остатки старыхъ беззаконій, намъ не пришлось бы переживать кровавыхъ страницъ нашей исторіи и Россія за эти 35-40 лѣтъ превратилась-бы, можетъ быть, въ сильное, здоровое, мужицкое государство, а наша интеллигенція—самая смѣлая и безкорыстная въ мірѣ—еще шире и выше подняла бы рус-

*) Тамъ-же.

скую литературу, науку и искусство. Но такъ не могло случиться: преслѣдованія; вызывали сопротивленіе, неслыханныя репрессіи породили терроръ; чернопередѣльцы, выходя изъ тюрьмы, становились террористами. Для борьбы съ насиліями правительства возникла партія «Народной воли.»

ГЛАВА VI.

НАРОДОВОЛЬЦЫ.

«Стать народовольцемъ—это значило примириться съ необходимостью строго-централистической организаціи, стоявшей по своимъ принципамъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ свободолюбивыми взглядами и анархическими привычками радикаловъ прежняго періода*).

Стать народовольцемъ—это значило также посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы на политическую борьбу, т. е. на борьбу дѣятельную, кинжаломъ, бомбой, хитростью и насиліемъ, взамѣнъ прежней борьбы убѣжденіемъ: врагъ былъ хитрый и жестокій, съ нимъ приходилось бороться его оружіемъ. «Политика—самая грязная работа, сказалъ когда-то Дантонъ. Партія народовольцевъ должна была отчасти вернуться къ принципамъ «нечаевщины» должна была позаимствоваться отъ нихъ и нравственными принципами. Чернопередѣльцы ненавидѣли централизацію, народоволецъ строго держался партіи и своего мѣста въ ней; чернопередѣльцы не любили «генераловъ» и смѣялись надъ «пѣшками»; Народная Воля должна была признать и тѣхъ, и другихъ. Террористу приходилось въ отчаянной борьбѣ употреблять

*) Тамъ-же, стр. 8.

обманъ, кражу, насиліе—никто не смѣлъ осуждать его за это, но за то нравственные требованія къ членамъ партіи должны были поневолѣ понизиться.

Во главѣ «Народной Воли» стоялъ Исполнительный Комитетъ,*) составленный изъ самыхъ дѣятельныхъ и блестящихъ членовъ партіи, облеченныхъ довѣріемъ своихъ товарищей. Между революціонерами они были извѣстны подъ именемъ «генераловъ» и пользовались огромной почти неограниченной властью надъ жизнью, имуществомъ и временемъ другихъ членовъ партіи. На обязанности генераловъ лежало обдумываніе общаго плана дѣйствія партіи, иниціатива отдѣльныхъ актовъ, подыскиваніе людей для даннаго предпріятія, организація и веденіе самаго предпріятія. «Генералы» были единственными членами партіи, которые сознательно относились къ дѣлу; другіе, ихъ помощники знали свою роль и мѣсто и могли только догадываться, въ какомъ предпріятіи они участвуютъ. Сдѣлаться «генераломъ» было и легко и трудно, и не каждый членъ партіи, хотя бы и отличившійся дѣятельностью въ ея пользу, даже пользовавшійся общимъ уваженіемъ могъ разсчитывать проникнуть въ Исп. Комитетъ; съ другой стороны умѣнье держать себя въ трудныхъ обстоятельствахъ, сохранить тайну, обмануть врага — давало рядовому дѣятелю право стать выше товарищей. «Генералу» необходимо было обладать качествами полководца—холодной жестокостью, умѣніемъ спокойно жертвовать людьми, разсчетливостью и даромъ не смущаться упреками совѣсти. Революціонеры вообще нервный народъ и ничѣмъ они такъ не восхищаются, какъ непоколебимой увѣренностью въ своей правотѣ и равнодушіемъ ко всему, кромѣ дѣла.

*) Гольденбергъ въ своихъ показаніяхъ упоминаетъ еще о Распорядительной Коммисіи, которая стояла надъ Исполнительнымъ Комитетомъ, но надо полагать, что со временемъ оба эти органа слились въ одинъ.

Разумѣется, между генералами были люди самаго различнаго нравственнаго уровня и характера. Андрей, напримѣръ, былъ ярымъ фанатикомъ терроризма, въ немъ онъ нашелъ достойное или, по крайней мѣрѣ, единственно возможное для себя поле дѣятельности; интересы партіи были для него всегда на первомъ планѣ; все человѣческое и личное отходило на второй: по натурѣ Андрей былъ боецъ. Совершенно искренно, хотя довольно цинично, онъ не разъ удивлялся, какъ можно было ставить людямъ дѣла въ упрекъ ихъ личные пороки и частное поведеніе? «Вѣдь это нисколько не вредитъ дѣлу!» говорилъ онъ, пожимая плечами.

Были и другіе типы въ родѣ Ивана Александровича: глубокій честолюбецъ на маккіавелевской подкладкѣ, умный, холодный и жестокій: зрѣлище человѣческой глупости доставляло ему необыкновенное удовольствіе; едва ли онъ былъ способенъ стѣсняться какими бы то ни было соображеніями нравственнаго свойства: не жалость, дошедшая до страданія, не любовь къ человѣчеству, не пылкое свободолюбіе бросило его въ ряды партіи: революція для него была средствомъ личнаго возвышенія, въ то время единственнымъ средствомъ; поэтому онъ отдавалъ ей всѣ свои недюжинныя силы и былъ чрезвычайно полезнымъ членомъ партіи. За хладнокровную жестокость и равнодушіе къ жертвамъ — его прозвали въ партіи Левъ Тигричъ.

Михей Петровичъ Ивановъ представлялъ собою опять таки совершенно своеобразный типъ революціонера: логикой дошелъ онъ до необходимости бороться съ существующимъ порядкомъ вещей. А въ то же время возможность борьбы давала только революціонная партія и именно партія террористовъ. Онъ видѣлъ, что борьба производительна и боролся; если бы возможно было бороться удачнѣе помимо партіи онъ оставилъ бы

партію. Онъ не былъ революціонеромъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не было у него и близкихъ людей въ партіи.

Нельзя не прибавить, что между генералами, въ ихъ среду втерлось немало и просто ловкихъ людей: въ молодости они сильно и, можетъ быть, искренно увлекались революціонными дѣлами, затѣмъ, достигнувъ возраста благоразумія, и хотѣли бы, можетъ быть, воротиться назадъ, но уже были слишкомъ сильно и безвозвратно скомпрометированы. Обладая большой ловкостью они сумѣли и въ партійной жизни устроиться комфортабельно: о своей преданности революціи они кричали громче всѣхъ, но умѣли брать отъ жизни какъ можно болѣе матеріальныхъ наслажденій. Отправляясь по порученіямъ, они ѣхали въ первомъ классѣ, останавливались въ лучшихъ гостиницахъ, одѣвались у отличнаго портного. Они проникали въ общество, заводили интрижки съ женщинами и старались объяснить все это необходимостью имѣть повсюду «своихъ людей» и поддерживать связь съ буржуями.

«Генералами» могли быть и женщины.

Послѣ генераловъ главными лицами въ партіи были агенты 1 и 2 степени. Большинство первостепенныхъ агентовъ уже было сильно скомпрометировано, рѣдкій изъ нихъ не сидѣлъ въ тюрьмѣ, или не былъ судимъ по тому или другому процессу; поэтому, разумѣется, они не могли жить и дѣйствовать подъ своими собственными фамиліями и именами и должны были поневолѣ стать, «нелегальными». Мало этого, они должны были постоянно мѣнять имя, званіе, мѣсто жительства, даже наружность; они появлялись, то тутъ, то тамъ; сегодня бритый, завтра съ бородой, нынче блондинъ завтра брюнетъ или рыжій; костюмъ мѣнялся соотвѣтственно перемѣнѣ положенія; книги, бѣлье, одежда, оставлялись въ гостиницѣ; конспиративная квартира покида-

лась со всей обстановкой и гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ возникала другая квартира, въ которой все было новое, начиная съ хозяевъ и кончая послѣднимъ стуломъ. Все это требовало расходовъ и добыча денегъ составляла постоянную заботу революціонеровъ. Вообще жизнь революціонера полная опасностей, трудовъ, лишеній, борьбы и наслажденій, была жизнью перелетной птицы и для многихъ натуръ такое существованіе представляло необыкновенную прелесть и увлекательность.

Одно было нехорошо: революціонеръ былъ перелетной птицей, но онъ не могъ быть вольной птицей: второстепенные члены партіи подчинялись строжайшей дисциплинѣ; нравственное рабство, монашеское послушаніе вмѣнялось имъ въ обязанность. И тутъ въ кодексъ «Народной Воли» вошло не мало пунктовъ изъ плана организаціи нечаевцевъ: всѣ силы умственныя и нравственныя слѣдовало отдать на пользу партіи; личные вкусы и наклонности необходимо было принести въ жертву; читать дозволялось лишь по вопросамъ, соотвѣтствующимъ дѣятельности партіи; говорить лишь о вопросахъ, близкихъ и полезныхъ для революціи: мнѣ пришлось слышать, какъ «генералъ» упрекалъ молодого революціонера за то, что тотъ красно говоритъ о литературѣ: «привыкайте краснорѣчиво и съ жаромъ говорить о соціальныхъ вопросахъ, а не о постороннихъ пустякахъ, говорилъ «генералъ». Наконецъ, науки и искусство не должны были вообще занимать большого мѣста въ жизни народовольца.

Тяжело было ломать себя подъ гнетомъ неумолимой дисциплины, но было нѣчто и еще болѣе тяжелое въ революціонной дѣятельности для всякой мало мальски сложной и искренней натуры. Это была *необходимость лжи.* Молодой человѣкъ, вступавшій въ ряды революціи, готовился на подвигъ, а ему на пер-

выхъ порахъ выставлялось требованіе скрытности, обмана, лжи. Такъ, конечно, бываетъ во всякой политической дѣятельности! Нельзя было говорить и судить о недостаткахъ героевъ партій, чтобы не разрушать ихъ ореола, позволялось только любоваться ихъ добродѣтелями; слѣдовало всегда имѣть видъ полной увѣренности въ непобѣдимой силѣ партіи, въ ея богатствѣ, силѣ и готовности на всевозможныя боевыя дѣйствія; говоря о средствахъ партіи, необходимо было прибавлять къ единицѣ нѣсколько нолей съ правой стороны... Такая тактика была практически необходима: она сбивала съ толку врага, заметала слѣды и приносила большую пользу въ практической дѣятельности.*) Но на нравственную сторону дѣятеля необходимость постоянной лжи вліяла пагубно: между террористами уже не встрѣчается евангельски-чистыхъ личностей прежнихъ пропагандистовъ - народниковъ. Впрочемъ, революція никогда и нигдѣ не щадила личности человѣка: все для всѣхъ, ничего для единицы!

Непосредственные агенты Исполнительнаго Комитета набирались изъ числа наиболѣе способныхъ и энергичныхъ членовъ партіи, обладавшихъ къ тому же практической сметкой. Имъ поручались трудныя дѣла: развѣдки въ правительственныхъ сферахъ, провозъ и храненіе оружія и динамита, содержаніе тайныхъ типографій и работа въ нихъ. Всѣ эти дѣла требовали не только ума и энергіи, но часто и большого самоотверженія, напр. работники въ тайной типографіи не имѣли право выходить изъ своихъ помѣщеній и сообщаться съ кѣмъ бы то ни было, чтобы не навести на слѣдъ.

*) Нечаевъ упрекалъ Комитетъ въ неумѣньи показать товаръ лицемъ «Возможно ли печатать отчеты о пожертвованіяхъ, сумма которыхъ составляетъ 5—6 тысячъ рублей? ихъ нужно по крайней мѣрѣ увеличивать двумя нолями и т. д. (Былое, Іюль 1906).

Другія способности и знанія требовались при изготовленіи взрывчатыхъ веществъ и проч. Тутъ можно было оставаться почти только ученымъ, какъ это было наприм. съ Кибальчичемъ. Къ непосредственнымъ дѣятелямъ Народной Воли, относились агенты еще другого разряда. Одно время серьезно помышлялось о доставленіи партіи средствъ черезъ ограбленіе почтъ черезъ подкопы подъ казначейства.*) Сюда же можно отнести категорію людей, которыхъ обрекали на дѣятельность въ III Отдѣленіи въ качествѣ шпіоновъ и сыщиковъ.

Затѣмъ къ партіи Народной Воли примыкалъ еще многочисленный классъ сообщниковъ, мало знавшихъ, или ничего не знавшихъ о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Исполнительнаго Комитета, но раздѣлявшихъ террористическія убѣжденія партіи или прямо увлекавшихся ея дѣйствіями. Имъ поручались мелкія дѣла: распространеніе прокламацій, храненіе нелегальной литературы, доставка типографскихъ принадлежностей на конспиративныя квартиры, поддержаніе сношеній между членами партій, наблюденіе за «знаками» въ радикальскихъ квартирахъ и проч. Такія порученія занимали незначительную часть времени, а все остальное время эти люди предоставлялись самимъ себѣ. Такъ какъ нервы ихъ были слишкомъ возбуждены для послѣдовательнаго занятія какой нибудь работой или наукой, то большею частью они проводили цѣлые дни, шляясь изъ одной квартиры въ другую и разнося разныя сплетни и слухи, въ ожиданіи, что имъ дастся порученіе сходить туда-то, передать то-то, назначить свиданіе тамъ-то. Въ партіи ихъ часто называли *бѣгунами*; пока они оставались въ этомъ званіи — отъ нихъ требовалось исполнительность и безпрекословная

*) Ограбленіе херсонскаго казначейства, подкопъ въ Кишиневѣ, нападеніе на почту въ Харьковѣ и т. д.

покорность; «маленькая голова и длиннныя ноги», какъ шутя выразился одинъ изъ главарей партіи; никакихъ разсужденій, тѣмъ болѣе проявленій любопытства съ ихъ стороны не допускалось: они должны были исполнять порученія, недоискиваясь до смысла.

Разумѣется, между «бѣгунами» было немало даровитыхъ людей. Нѣкоторымъ изъ нихъ, наиболѣе преданнымъ, поручалось содержаніе конспиративныхъ квартиръ; самые способные проникали въ университеты, на фабрики, въ школы, — всюду разсѣвая недовольство, разъясняя несовершенства существующаго порядка и необходимость террористическихъ актовъ. Изъ такихъ людей пополнялись кадры агентовъ перваго и второго разряда, когда эти кадры, рѣдѣли вслѣдствіе арестовъ. Впрочемъ, пополненіе рядовъ революціонной арміи производилось по преимуществу самимъ правительствомъ: нельзя было не возмущаться произволомъ, насиліемъ, гнетомъ и несправедливостью тогдашняго режима; малѣйшій протестъ, ничтожная книжка, найденная при обыскѣ, вели въ тюрьму, а тюрьма являлась наилучшимъ мѣстомъ воспитанія будущихъ революціонеровъ—террористовъ Людямъ совершенно невиннымъ приходилось отсиживать въ тюрьмѣ года по два, по три. Чего они ни передумывали за это время, томясь въ одиночномъ заключеніи, лишенные самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ. Съ кѣмъ не приходилось имъ встрѣчаться, перестукиваться, знакомиться! Выходя изъ тюрьмы оправданные по суду—они подвергались новой карѣ: полицейскому надзору или даже—и чаще всего, административной высылкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ существованіе становилось до того тяжелымъ, что большинство предпочитало переходъ въ «нелегальные». Такой переходъ совершался быстро и легко. Желающему передавался превосходно сдѣланный паспортъ, который свободно прописывался во всѣхъ частяхъ какого угодно

города; затѣмъ новый нелегальный отправлялся на нѣкоторое время въ провинцію или заграницу; подлежащія власти, разумѣется, забывали о немъ и онъ возвращался въ столицу или университетскія города, слегка измѣнивъ свою физіономію. «Нелегальный» всегда имѣлъ нѣкоторое революціонное прошлое и потому пользовался извѣстнымъ уваженіемъ въ партіи и считался способнымъ исполнять болѣе серьезныя порученія.

Однако всѣми этими категоріями не исчерпывались союзники и помощники противо-правительственной организаціи или, какъ ихъ называли въ широкихъ кругахъ, категоріи *соціалистовъ*. Къ нимъ принадлежали всѣ недовольные, всѣ «либеральничающіе»: большая часть молодежи, учившейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которая обыкновенно начинала съ кружковъ самообразованія, а затѣмъ быстро переходила къ революціонной дѣятельности; много молодыхъ офицеровъ, юнкеровъ изъ военныхъ училищъ, распропагандированные рабочіе и солдаты изъ вольно-опредѣляющихся. «Либеральничающіе» чиновники, вообще «сочувствующіе» изъ общества служили партіи тѣмъ, что должны были укрывать «бѣглецовъ», давать временный пріютъ скрывающимся, доставлять денежныя средства партіи. Между этими помощниками русской революціи было немало смѣлыхъ и убѣжденныхъ людей; слѣдуетъ, однако, признать, что между ними попадались и такіе, которые умирали отъ страху при мысли объ обыскѣ или арестѣ, а въ тоже время дрожали передъ революціонерами и боялись показаться имъ недостаточно смѣлыми. Трепеща принимали они въ свою квартиру нелегальнаго, съ ужасомъ прятали подъ кровать кипы еще непросохшихъ листовъ «Народной Воли» или хранили таинственныя письма для передачи... Жалкіе это были люди и народовольцы не имѣли къ нимъ ни капли состраданія! Если они отка-

зывались спрятать подозрительную личность, ихъ спрашивали съ презрительнымъ удивленіемъ.—

— Вы боитесь?.

— Нѣтъ, но... дворникъ очень подозрителенъ...

— Только-то! подумайте, чѣмъ онъ рискуетъ... Вы должны спрятать.

Несчастный долженъ былъ совершать подвигъ подъ насмѣшливымъ взглядомъ просителя и не знать покоя ни днемъ, ни ночью, пока подозрительный не убирался въ другое мѣсто.

— Партіи необходимы деньги...

— У меня нѣтъ сейчасъ...

— Достаньте...

— Но я недавно давалъ, вы знаете мои средства... пыталась возмутиться жертва собственной трусости.

Агентъ обводилъ комнату строгимъ взглядомъ, указывалъ на вновь появившіеся предметы роскоши и строго вопрошалъ: «а это что? на это есть деньги?» Несчастный малодушный рабъ смущался и умолкалъ, и иногда давалъ деньги.

Такую унизительную пытку терпѣли многіе изъ теперешнихъ почтенныхъ гражданъ нашего отечества. Богъ знаетъ, что заставляло ихъ служить революціи, которой они боялись, даже можетъ быть ненавидѣли.

ГЛАВА VII.

ПЕРВОЕ МАРТА.

Дѣятельность террористической партіи проявлялась все чаще и все съ большей силой: убиты были нѣсколько шпіоновъ и самъ шефъ жандармовъ; вслѣдъ за убійствомъ нѣсколькихъ губернаторовъ были произведены покушенія на самаго Государя: за совершенно неудачнымъ покушеніемъ подъ Александровскомъ послѣдовало покушеніе въ Москвѣ, когда царскій поѣздъ только случайно спасся отъ гибели. Страшный взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, хотя тоже оказался неудачнымъ, но произвелъ потрясающее впечатлѣніе, такъ какъ ясно показалъ, что никакая предусмотрительность и охрана не спасетъ самодержца отъ руки отчаянно-смѣлыхъ враговъ.

Этотъ неудачный взрывъ принесъ революціонерамъ огромныя выгоды: онъ распространилъ во дворцѣ панику и внушилъ обществу твердое убѣжденіе, что революціи слѣдуетъ ожидать со дня на день. Довѣріе, страхъ, уваженіе къ террористамъ непомѣрно усилились; никогда у нихъ еще не являлось столько добровольныхъ помощниковъ изъ общества, никогда такъ

охотно не доставлялись денежныя средства тѣмъ, кого считали завтрашними побѣдителями.

Андрей былъ счастливъ этими симптомами несомнѣннаго успѣха. Разумѣется, онъ участвовалъ почти во всѣхъ покушеніяхъ и предпріятіяхъ партіи, но ему постоянно удавалось ускользнуть въ самый критическій моментъ. Вообще въ это время жертвъ со стороны революціи оказывалось сравнительно немного и это обстоятельство еще болѣе усиливало престижъ революціонеровъ: убійца Мезенцева исчезъ безслѣдно и даже имя его долгое время оставалось неизвѣстнымъ полиціи; Степанъ Халтуринъ преспокойно ушелъ изъ Зимняго Дворца передъ самымъ взрывомъ и его нашли долго спустя, когда онъ былъ уже казненъ подъ чужимъ именемъ. Не только ловля революціонеровъ была неудачна, но даже изъ тюремъ удалось совершить нѣсколько смѣлыхъ побѣговъ; прокламаціи и нелегальные журналы распространялись широко въ обществѣ какими-то невидимыми путями. Самъ царь готовился къ капитуляціи предъ новой, грозной силой: говорили что онъ пишетъ конституцію...

Со своей стороны террористы держали себя превосходно: ни одного лишняго жеста, ни одного компрометирующаго разоблаченія. Если-бы въ то время дѣйствительно была дарована конституція, то террористическая партія одержала-бы неслыханно блестящую побѣду, совершенно несоразмѣрную съ ея тогдашними силами: правда, число членовъ партіи (включая и дѣятельно сочувствующихъ) можно было и въ то время считать тысячами, но бороться приходилось противъ милліоновъ; рабочее движеніе едва зачиналось; крестьянство спало еще непробуднымъ сномъ. Горсть смѣлыхъ, умныхъ, отчаянныхъ людей заставляла трепетать владыку милліоновъ. Они не отступали ни передъ чѣмъ, даже передъ преступленіемъ, и сами

себя обрекали на гибель въ великодушномъ усиліи дать другимъ возможность свободно вздохнуть...

И вотъ, наконецъ, наступило I-е Марта.

Было около двухъ часовъ дня, когда на весь Петербургъ громыхнулъ пушечный выстрѣлъ, — сильнѣе пушечнаго... За нимъ — другой... разорвались двѣ бомбы, брошенныя въ Александра II на Екатерининскомъ каналѣ... Черезъ часъ всѣ въ Петербургѣ уже знали, что совершилось цареубійство, подготавливаемое и неуклонно повторявшееся въ теченіе почти двадцати лѣтъ.

Въ минуты, когда жизнь общественная становится вдругъ личной для каждаго,—города имѣютъ свойства мгновенно преображаться, и такъ наэлектризовываются, что даже незнающій въ чемъ дѣло, чувствуетъ себя въ приподнятомъ, необыденномъ настроеніи. Такова была атмосфера въ Петербургѣ I-го марта; такой моментъ пережили мы еще недавно—въ день объявленія Японской всйны...

До Борова вѣсть о цареубійствѣ долетѣла часа въ три... Онъ сейчасъ-же схватилъ шапку и бросился на улицу. Сердце его то неудержимо радостно билось: «наконецъ-то!» то сжималось страхомъ и предчувствіемъ бѣды. »Убитъ ли? кого арестовали? кто бросилъ бомбу?» О подготовлявшемся цареубійствѣ онъ зналъ и самъ участвовалъ въ подкопѣ на Садовой улицѣ, но онъ не зналъ, когда назначено другое покушеніе и не зналъ именъ участвовавшихъ въ немъ.

Невскій проспектъ, на который прежде всего бросился Боровъ, кипѣлъ народомъ, и новыя толпы прибывали и прибывали. Волненіе, страхъ, любопытство негодованіе были написаны на лицахъ; встрѣчались люди бѣгущіе, размахивавшіе руками; другіе неподвижно стояли и, молча, слушали разсказъ очевидца событія;

ряды быстро ѣдущихъ «собственныхъ» экипажей направлялись къ Зимнему Дворцу; лица сидѣвшихъ въ нихъ сановниковъ и важныхъ дамъ носили выраженіе печали и испуга; какой-то офицеръ быстро несся по проспекту на саняхъ и, стоя, громко выкрикивалъ, обращаясь къ толпѣ — разобрать, что онъ кричалъ нельзя было,—слышны были только слова: «Злодѣи.... Царя убили!...» Извозчики сидѣли на козлахъ, полуоборотясь къ сѣдокамъ, и разсказывали или слушали разсказъ о происшедшемъ. По всему было видно, что городъ занятъ только однимъ, что совершилось нѣчто ужасное, тяжелое, непоправимое, хотя можетъ быть, для иныхъ и желательное, такъ какъ встрѣчались иногда люди, на лицахъ которыхъ просвѣчивала сдержанная радость; такіе прохожіе искоса приглядывались къ толпѣ и быстро проходили мимо; при встрѣчѣ-же съ знакомыми перемигивались, слегка кивали головой и чуть-чуть улыбались.

Боровъ шелъ безъ всякой предосторожности; то останавливался, тѣснимый народомъ, прислушивался къ разговорамъ, то опять двигался впередъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его дергаютъ за руку; онъ вздрогнулъ и обернулся: передъ нимъ стоялъ знакомый студентикъ, почти мальчикъ; онъ схватилъ Борова за руку, глаза его такъ и сверкали.

— Конецъ! прошепталъ онъ.

— Совсѣмъ?

— Я думаю!.. ножки-тю-тю.

— Арестованы?.. кто?..

— Одинъ—арестованъ, другой—убитъ бомбой, проговорилъ студентикъ.

— Кто-же?

— Еще неизвѣстно.

— Вы видѣли?...

— Самъ видѣлъ, какъ понесли къ санямъ, ноги оторваны.

Нѣсколько минутъ оба шли молча.

— Ты куда шелъ? проговорилъ Боровъ, безсознательно переходя на *ты*.

— Въ кухмистерскую...

— А! ну, пойдемъ вмѣстѣ...

Они повернули въ одну изъ боковыхъ улицъ и направились къ кухмистерской, которая охотно посѣщалась студенчествомъ. Черезъ маленькую переднюю, еще не очень завѣшанную шубами и пальто, — былъ всего четвертый часъ по полудни,—они вошли въ столовую, довольно большую, низкую комнату, казавшуюся почти темной отъ тусклыхъ стеколъ въ окнахъ и удушливаго кухоннаго чада.

— Что угодно? спросила горничная, подходя къ столу, у котораго усѣлся Боровъ съ товарищемъ.

— Телячьи... ножки! быстро сказалъ студентикъ и засмѣялся, подмигнувъ Борову.

— А вамъ?

— И мнѣ... телячьи ножки, проговорилъ Боровъ, поддаваясь шалости товарища.

Студентикъ всталъ, подошелъ къ двумъ-тремъ знакомымъ въ столовой и что-то пошепталъ имъ: тѣ засмѣялись и, подозвавъ горничную, тоже потребовали «телячьи ножки».

Студентикъ подошелъ къ курсисткѣ, которая только-что пришла и смотрѣла на карточку кушаньевъ.

— Телячьи ножки, сказала она подошедшей горничной и улыбнулась студенту.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кухмистерской распространилась шутливая, задорная атмосфера веселаго заговора. «Телячьи ножки!» «Мнѣ телячьи ножки!» раздавалось то тутъ, то тамъ, и каждый разъ по столовой проносился тихій взрывъ сдержаннаго смѣха.

— Нѣтъ больше телячьихъ ножекъ, всѣ вышли, говорила горничная, глядя съ недоумѣніемъ на заказчиковъ.

— Неужели? ну, въ такомъ случаѣ...

И заказывалось другое блюдо; но въ тоже время на другомъ концѣ стола раздавалось: «Мнѣ, пожалуйста, телячьи ножки!»

— Господа, перестаньте дурачиться, тихо проговорила хозяйка столовой, выходя изъ-за прилавка и подходя то къ тому, то къ другому изъ столующихся.

— Да, право, Анна Егоровна, что-же тутъ дурного? оправдывалась шутливо молодежь, лукаво переглядываясь другъ съ другомъ,—намъ сегодня всѣмъ захотѣлось... телячьихъ ножекъ.

— Ха! ха! ха! засмѣялись въ столовой.

— То-то захотѣлось... Говорю, нехорошо... вотъ ужъ прислуга начинаетъ поговаривать, произнесла хозяйка, багрово-краснѣя,—да и тутъ, кто его знаетъ, какой можетъ зайти...

Когда Боровъ вышелъ изъ столовой было уже почти темно; онъ направился къ Зимнему Дворцу, на площади стояла толпа народа въ глубокой торжественной тишинѣ; всѣ глаза были устремлены на крышу дворца.

Вдругъ въ одномъ изъ оконъ показался и медленно опустился черный флагъ. Толпа дрогнула.

— Умеръ! произнесъ кто-то и слово пошло по всей площади. Всѣ стали расходиться по домамъ. Многіе крестились.

Наступило грозное затишье: послѣдній ударъ былъ нанесенъ — оставалось ожидать отвѣта противника, но противникъ молчалъ. Революціонеры теряли одинъ за другимъ драгоцѣнные дни и часы.. Первое время все общество ожидало революціи; немногочисленные рабочіе кружки были готовы къ вооруженному возстанію. Но народовольцы знали, какъ было мало такихъ кружковъ и боялись не найти сочувствія въ

массѣ народа. Они рѣшились ждать и съ каждымъ днемъ теряли почву подъ ногами, утрачивали довѣріе общества и вѣру въ самихъ себя: «Народная Воля», быстрыми шагами приближалась къ могилѣ; къ тому-же главные члены ея, самые энергичные, были арестованы....

Нельзя не признать, что программа народовольцевъ являлась въ свое время выразительницей желаній и стремленій прогрессивной части русскаго общества. Громадное большинство населенія безсознательно, заявляло тѣ-же требованья, какъ и народовольцы; наконецъ проведеніе въ жизнь программы партіи становилось неизбѣжнымъ для самаго правительства, являясь только вопросомъ времени и большихъ или меньшихъ жертвъ. Но страхъ правительства передъ неизбѣжнымъ пожертвованіемъ частью власти и правъ, самолюбивое нежеланіе поступиться чѣмъ нибудь въ пользу народа, вѣчная борьба личныхъ выгодъ и мелкихъ страстишекъ между сильными міра сего — какъ и всегда, мѣшали мирному удовлетворенію назрѣвшихъ потребностей интеллигенціи и народа.

3-го марта по столицѣ распространилось письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III-ему: въ отвѣтъ ему прозвучали слова манифеста, выражавшія непреклонную волю Россійскаго Самодержца...

Опять потянулись дни и ночи.

— Нужно начинать что нибудь новое, говорилъ Ивановъ.

— Подождите, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ и задумывался.

А между тѣмъ деморализація въ обществѣ развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Мгновенное радостное возбужденіе смѣнилось угрюмымъ недоумѣніемъ: «и только?.. что же дальше?..» Высочайшій Манифестъ, безчисленные аресты среди знакомыхъ революціонеровъ, бѣгство за границу однихъ, несомнѣнная расте-

рянность другихъ все это, взятое вмѣстѣ подѣйствовало разслабляющимъ образомъ на огромное большинство пассивно сочувствовавшихъ. Мало по малу панической страхъ овладѣлъ русскимъ среднимъ обывателемъ: каждый сталъ бояться за себя. Отъ вчерашнихъ знакоыхъ открещивались, отказывались спрятать запрещенную книжку, прямо выпроваживали за дверь нелегальнаго, просившаго переночевать и откровенно отказывались отъ всякаго сочувствія къ революціонной дѣятельности.

Тяжелая свинцовая крышка опустилась надъ головами народовольцевъ: на казнь пяти цареубійцъ народъ, общество и революціонная партія отвѣтила глубокимъ молчаніемъ...

2.

Кенигъ лежалъ на подоконникѣ и внимательно глядѣлъ подъ ворота, слѣдя за кѣмъ то и поминутно поворачивая голову то направо, то налѣво. Маша вошла съ тряпкой и щеткой въ рукѣ. Кенигъ всталъ съ окна и оправился.

— Что ты, Маша?

— Я прибрать тутъ...

Онъ опять сѣлъ на окно и снова сталъ пристально всматриваться. Очевидно, какой-то предметъ неотразимо привлекалъ его на дворѣ. Маша, между тѣмъ, вытерла пыль и разставляла стулья по мѣстамъ; нѣсколько разъ взглядывала она на Эдуарда Францевича, качая головой, вздыхала, наконецъ, не вытерпѣла и подошла къ окну.

— Эдуардъ Францевичъ...

— А! что ты, Маша? проговорилъ онъ, вздрогнувъ, когда она положила руку на его рукавъ.

— Что вы скучный такой?

— Я не скучный...

— Все молчите и думаете...

— Какъ не думать... Вѣдь ты знаешь...

— Что вы тамъ смотрите? спросила она, заглядывая черезъ его плечо въ окно.

— Такъ, отвѣчалъ онъ, но сейчасъ же прибавилъ: «взгляни-ка, Маша, не кажется тебѣ страннымъ? видишь, человѣкъ въ пальто и калошахъ, все ходитъ и поглядываетъ на наши окна, видишь? вотъ вышелъ за ворота, и черезъ минуту опять здѣсь, потомъ, я видѣлъ, распрашивалъ дворника.

— Да я знаю, кто это: это сидѣлецъ изъ лавки; я ходила на рынокъ, видѣла его: ходитъ взадъ и впередъ передъ лавкой и плюетъ сѣмечки.

— А къ дворнику зачѣмъ?..

— Да такъ, знакомый...

— Нѣтъ, Маша, нѣтъ, я знаю, это шпіонъ, за нами слѣдятъ...

— Да говорю-же вамъ, сидѣлецъ изъ лавки...

— Да пусть и сидѣлецъ, развѣ онъ не можетъ быть шпіономъ? Нѣтъ, ужъ у меня предчувствіе есть: погибнемъ мы съ тобой! Господи! ужъ поскорѣй-бы! право, я радъ буду сѣсть...

Маша только что хотѣла отвѣчать, какъ въ передней позвонили и она побѣжала отворять.

— Окликни, Маша, окликни! громкимъ шопотомъ проговорилъ Кенигъ.

Черезъ минуту вошелъ Иванъ Александровичъ. Онъ былъ блѣденъ, золъ и разстроенъ.

— «Милорда» и Андрея арестовали, сказалъ онъ отрывисто.

Кенигъ всплеснулъ руками: «Что же это будетъ?.. Иванъ Александровичъ, за мной тоже слѣдятъ, я все время смотрѣлъ въ окно, человѣкъ въ пальто, ходитъ и грызетъ сѣмечки...

— Пустите, сказалъ Иванъ Александровичъ, слегка оттолкнувъ Кенига и взглянулъ въ окно. Черезъ нѣсколько минутъ онъ отвернулся и сказалъ: «на

шпіона не похожъ, это у васъ шпіономанія, Кенигъ! не раскисайте, пожалуйста! Все это вздоръ! А вотъ въ чемъ дѣло: сейчасъ намъ нужна эта квартира; идите и посторожите, хотя на лѣстницѣ, въ случаѣ чего—дайте знакъ. Ваша жена пусть сторожитъ на кухнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ средней большой комнатѣ кениговской квартиры собрались Иванъ Александровичъ, Ивановъ, Ираида Ивановна и еще одинъ человѣкъ, молодой, блѣдный, въ золотыхъ очкахъ.

— Вы слышали, Милордъ и Андрей арестованы, говорилъ каждый, входя въ комнату.

— Мы уже знаемъ... отвѣчали ему вяло и неохотно.

— Плетниковъ тоже арестованъ...

— «Дворникъ» тоже...

— Боже мой! да что они, точно нарочно попадаютъ въ сѣти!

— Берутъ направо и налѣво!..

— Господа, вотъ что, сказала Ираида Ивановна тихимъ и ровнымъ голосомъ, — Андрея нужно освободить...

Иванъ Александровичъ махнулъ рукой.

— Его нужно спасти, упрямо повторила Ираида Ивановна, Андрей — душа нашего дѣла, у меня есть планъ...

— Спасти нужно прежде всего само дѣло, угрюмо проговорилъ Иванъ Александровичъ, — нашъ расчетъ лопнулъ, *тамъ* не испугались, нашему «письму» не вняли, нужно подготовить еще что-нибудь...

— Что же вы думаете дѣлать? спросилъ Ивановъ.

Иванъ Александровичъ опять пожалъ плечами.

— Нашихъ лучшихъ товарищей переловили, денегъ нѣтъ, средства изсякли, общество въ паникѣ, слѣдуетъ на время припрятать концы, скрыться заграницу.

— Заграницу? повторила Ираида Ивановна, Андрей на краю эшафота, а мы отправимся отдыхать загра-

ницу? Его надо спасти! у меня есть планъ: когда его повезутъ, у воротъ тюрьмы сдѣлать вооруженное нападеніе и отбить его.

Ее никто не слушалъ.

— Неужели нельзя найти никакого пути къ продолженію нашей дѣятельности? Мы сдѣлали громадный шагъ впередъ и правительство, заискиваетъ у насъ проситъ отсрочки; еще два-три смѣлыхъ акта и вотъ— говорилъ Ивановъ.

— Общество теперь противъ насъ, угрюмо повторилъ Иванъ Алесандровичъ.

— Но рабочіе за насъ! горячо проговорилъ молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, — ко мнѣ приходили и спрашивали, что-же дѣлать дальше?

— Ничтожная кучка! проговорилъ Иванъ Александровичъ.

— Она растетъ! вскричалъ молодой человѣкъ.

— Дайте-же ей вырости! проговорилъ съ утомленнымъ видомъ Иванъ Александровичъ. — И такъ, господа, я думаю, намъ слѣдуетъ уѣхать заграницу, тамъ будемъ издавать журналъ, собирать средства...

— Заграницу?! Никогда! Я не отступлю отъ своего плана, сказала Ираида Ивановна.

— Надо искать другихъ путей, упрямо повторилъ Ивановъ—нельзя бросать дѣла, не испробовавъ всего. Переѣхавъ границу, мы порвемъ всѣ связи здѣсь.

— Что-же вы станете дѣлать?

— Вы сами знаете, правительство идетъ на уступки?

— Вѣрьте ему!..

— Надо все испытать, надо обдумать, опять повторилъ Ивановъ, упрямо качая головой.

— Рысаковъ всѣхъ выдаетъ, нужно значитъ измѣнить организацію, весь планъ, найти людей, деньги,— нѣтъ! нужно остановиться!

— Возможно-ли это—остановиться? опять спросилъ Ивановъ.

— Ну, досвиданія, проговорилъ Иванъ Александровичъ, вставая.—Хотя ты не теряй головы, Ира, обратился онъ къ Ираидѣ Ивановнѣ. Уходите по одному, — кто первый?

Одинъ за другимъ, посѣтители очистили конспиративную квартиру. Маша опустилась внизъ и позвала Кенига, который за это время успѣлъ сходить въ лавочку, купить папиросъ и старался завести разговоръ съ сидѣльцемъ, въ которомъ онъ дѣйствительно узналъ своего воображаемаго шпіона.

3.

... Реакція дѣлалась все смѣлѣе и смѣлѣе; революція остановилась на 1-мъ марта; молодежь не знала, къ чему примкнуть; общество, переживъ разрушеніе мечты о конституціи, съ негодованіемъ обрушилось на революціонеровъ: «у Александра II уже лежалъ на столѣ подписанный манифестъ о конституціи — онъ долженъ былъ быть обнародованъ на другой день! революціонеры погубили все злодѣйствомъ 1-го марта»... говорили вчерашніе сочувственники...

Въ самой партіи царило уныніе и смущеніе: «старики» или были казнены, или уѣхали заграницу, молодые не имѣли руководящей нити. По мѣрѣ арестовъ и бѣгства важнѣйшихъ членовъ партіи, ихъ мѣста занимались болѣе молодыми дѣятелями, которые не имѣли за собой громкаго революціоннаго прошлаго и не отличались необходимой тактичностью и ловкостью въ работѣ; дѣятельность понемногу сводилась къ теоретическимъ вопросамъ; къ выработкѣ новыхъ взглядовъ на тактику революціонной борьбы: находились люди, которые утверждали, что прежде всего необходимо обезпечить себѣ хорошее положеніе въ обществѣ, проникнуть во всѣ его слои, а затѣмъ уже опять перейти въ наступленіе. Значитъ, предполагались цѣлые годы подготовительной работы, результы которой легко могли оказаться сомнительными.

Ивановъ присутствовалъ при этомъ медленномъ разложеніи Народной Воли съ холоднымъ, затаеннымъ отчаяніемъ въ душѣ. Онъ понималъ, что слѣдовало искать новыхъ путей но—гдѣ? этого онъ не зналъ. Время между тѣмъ уходило, драгоцѣнное время! уходила и жизнь, которая дается человѣку только разъ...

Однажды, возвращаясь послѣ сходки, съ новой волной горькаго разочарованія въ душѣ Ивановъ медленно подходилъ къ своей квартирѣ. «О чемъ говорили?! зачѣмъ сходились?! думалъ онъ съ ожесточеніемъ: затѣмъ, чтобы посудачить другъ о другѣ, восхвалить почившихъ бойцовъ и посовѣтовать одинъ другому вооружиться терпѣніемъ!..»

Ивановъ повернулъ уже на свою улицу, подошелъ къ дому, въ которомъ жилъ, и—остановился: въ окнахъ квартиры онъ замѣтилъ движущійся свѣтъ, очертанія фигуръ въ мундирахъ... Михей Петровичъ понялъ, что это значитъ: обыскъ! и, значитъ, арестъ, и... Въ одну минуту представились ему два исхода: или бѣжать заграницу и оттуда начать снова дѣйствовать «но какъ? есть-ли у меня планъ? подумалъ Ивановъ и отрицательно покачалъ головой) или пойти туда? т. е. значитъ, сложить съ себя отвѣтственность за невозможность дѣйствовать, дать себѣ отдыхъ, найти, можетъ быть, вѣчный покой.

И такъ было соблазнительно для усталой души найти покой и забвенье всего пережитого, избыть муку сознанія въ своемъ безсиліи,—что Ивановъ поколебался... Бѣжать! передъ нимъ пронеслась вереница безплодныхъ, безцвѣтныхъ годовъ заграницей... Войти... Онъ махнулъ рукой и поднялся по лѣстницѣ въ свою квартиру...

. . . . . .

ГЛАВА VIII.

ПРЕДАТЕЛЬ.

1.

...«Я васъ жалѣю, Михей Петровичъ, проговорилъ Будѣевъ,—вы знаете, что васъ ожидаетъ?..

И онъ выразительнымъ жестомъ обвелъ пальцемъ вокругъ шеи и значительно подмигнулъ глазомъ.

Ивановъ усмѣхнулся и пожалъ плечами: «Что дѣлать! ваша взяла»

Наступило молчаніе...

Допросъ Иванова Будѣевымъ продолжался уже болѣе часу Уликъ противъ Михея Петровича не было никакихъ, но Будѣевъ—самый талантливый изъ жандармскихъ офицеровъ—чутьемъ понялъ, что передъ нимъ крупная рыба. Послѣ того какъ другими слѣдователями были примѣнены къ Иванову обычныя формы жандармскаго допроса: неожиданныя очныя ставки, запугиванья, увѣренія, что все извѣстно,—Будѣевъ потребовалъ, чтобы дѣло было передано исключительно ему, и занялся допросомъ Иванова съ спеціальной любовью и ревностью.

Самъ по себѣ, Будѣевъ съ перваго взгляда во

многихъ возбуждалъ симпатію: атлетическая фигура, красивое умное лицо, глаза, смотрѣвшіе прямо въ глаза... Голосъ пріятный, вкрадчивый. Ивановъ, сравнительно съ нимъ, производилъ тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе; онъ сгорбился, осунулся, поблѣднѣлъ; на лицѣ его залегло выраженіе тоски и унынія; взглядъ былъ злой и непріятный.

Будѣевъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, въ теченіе которыхъ онъ пристально вглядывался въ лице своего арестанта,—велѣлъ жандарму выйти, всталъ вслѣдъ за нимъ, заперъ дверь въ слѣдующую комнату на ключъ и вернулся на прежнее мѣсто.

— Ну-съ, вотъ мы одни, сказалъ онъ, обращаясь къ Иванову,—мы можемъ говорить откровенно...

— Съ чего вы взяли, что я хочу быть откровеннымъ?, грубо сказалъ Ивановъ, — вы отъ меня ничего не добьетесь.

— Я хочу быть откровеннымъ, проговорилъ Будѣевъ, таинственно наклоняясь къ Иванову: тотъ брезгливо отшатнулся; — я знаю, продолжалъ Будѣевъ, что у васъ, революціонеровъ, принято презирать жандармовъ: это понятно—враги! Но вѣдь мы тоже можемъ разсуждать, Михей Петровичъ, я, напримѣръ? Неужели вы думаете, что я неспособенъ понять положенія вещей въ Россіи?

Ивановъ засмѣялся: «Это положеніе вамъ на-руку, Романъ Павловичъ, сказалъ онъ.

— Я не скрываю, что я честолюбивъ, проговорилъ Будѣевъ,—но—я буду съ вами совершенно откровененъ,———могу-ли я при настоящемъ порядкѣ вещей, при нынѣшнемъ правительствѣ, сказалъ онъ, понизивъ голосъ,—могу-ли я разсчитывать на большую карьеру? Меня считаютъ способнымъ, талантливымъ,— а что я такое? капитанъ Будѣевъ! могу я довольствоваться этимъ? Кто вылѣзаетъ наверхъ? люди съ протекціей, маменькины сынки, племянники и братцы

нашихъ бездарныхъ правителей, родственники ихъ любовницъ... На что я могу разсчитывать? Самое большое—дадутъ полковника, да и то при особо благопріятныхъ обстоятельствахъ! *Они* боятся ума и способностей...

Будѣевъ посмотрѣлъ на Иванова и увидѣлъ, что тотъ улыбается.

— Не понимаю, зачѣмъ вы разоткровенничались со мной, Романъ Павловичъ? повторяю, отъ меня вы ничего не добьетесь, а способствовать вашей карьерѣ я совсѣмъ не желаю. Не сочувствія-же моего вы добиваетесь?

— Нѣтъ, я хочу предложить вамъ другое, произнесъ Будѣевъ,—вы можете послужить Россіи вмѣстѣ со мной...

— Стара штука, г. Будѣевъ! кому вы не предлагали такого союза? Вѣдь вы чуть не съ каждымъ арестованнымъ стараетесь завести разговоръ «по душамъ».

Будѣевъ посмотрѣлъ на Иванова и засмѣялся.

— Вы—молодецъ! сказалъ онъ,—васъ не подденешь! Но я могу сказать одно: если я дѣйствовалъ съ другими такъ, то дѣйствовалъ въ ожиданіи васъ.

— Это что-жъ такое?

— Я ждалъ, чтобы въ мои руки попался человѣкъ подобный вамъ: человѣкъ, страстно преданный дѣлу возрожденія Россіи, но въ то же время хладнокровный, умный, смѣлый, трезво смотрящій правдѣ въ глаза... Слушайте,—вѣрьте—не вѣрьте, но я откровененъ съ вами: ваше дѣло проиграно, ваша роль въ партіи—кончена. Но я знаю, что революція, переворотъ—только что начинаются... И будущее, конечно, за вами: въ концѣ концовъ побѣдите вы... *Это* неизбѣжно... Я тоже ненавижу,—*лично*, если хотите,—ненавижу старый порядокъ вещей... Я могу помочь *вамъ*, вашимъ... хотите?

Ивановъ молчалъ; Будѣевъ продолжалъ: «Все это рухнетъ и рухнетъ очень скоро...

— Непремѣнно, вы совершенно правы, спокойно сказалъ Ивановъ.

— ... Но не вамъ разрушить старый порядокъ, не вашей горсткѣ революціонеровъ: къ тому—же, ваши вожаки перехватаны,—кто тамъ у васъ остался? мелочь! ваша организація наполовину, а, можетъ быть, и больше разрушена; средствъ денежныхъ у васъ нѣтъ, а безъ денегъ—ничего вы не подѣлаете; общество вы обманули: конституціи-то нѣтъ!

— Откуда вы все это можете знать? спросилъ насмѣшливо Ивановъ.

— Да изъ показаній вашихъ-же товарищей! Что? не вѣрите? вы имъ такъ довѣряете? пусть такъ! Затѣмъ мы вообще освѣдомлены недурно: даже у васъ было два-три агента въ III-емъ отдѣленіи, ну, а у насъ между—«вашими» побольше. Иду далѣе: *васъ* только маленькая кучка; одно время вы были сильны сочувствіемъ интеллигенціи и молодежи; ваша энергія еще не была исчерпана. Теперь-же вы окончательно безсильны...

Будѣевъ посмотрѣлъ на Иванова—тотъ молчалъ.

— И такъ—революцію вы на первый разъ провалили; народъ поднять вамъ не удалось; конституціи вамъ не дадутъ... Но я все таки полагаю, что переворотъ возможенъ, продолжалъ Будѣевъ, понижая голосъ,—переворотъ при помощи самого правительства... я берусь устроить такой переворотъ и зову васъ на помощь... Говорю прямо: одинъ ничего не смогу сдѣлать, съ вашей помощью—все... вы меня не понимаете?

— Право, мнѣ кажется, что вы сумасшедшій, проговорилъ Ивановъ.

— Нѣтъ я просто открываю вамъ свои карты, продолжалъ Будѣевъ страстнымъ голосомъ,—я хочу

власти, силы! меня не пускаютъ... о, если-бы мнѣ дойти до царя! но онъ окруженъ толпой бездарныхъ подлипалъ, блюдолизовъ!.. Михей Петровичъ! васъ прельщаетъ роль Робеспьера? а я хочу быть Наполеономъ!

— Ужасно все это глупо, и ни къ чему не ведетъ, произнесъ Ивановъ,—отпустите меня, мнѣ надоѣло васъ слушать.

— Не смѣйтесь! сказалъ Будѣевъ, хотя Ивановъ и не думалъ смѣяться: я имѣю много шансовъ! Наполеонъ въ свое время былъ тоже поручикомъ... Я бы самъ пошелъ въ народовольцы, прибавилъ онъ, криво усмѣхнувшись,—да больно слабы вы, ничего не добьтесь. Поэтому я зову васъ къ себѣ...

— Шпіономъ и предателемъ? спросилъ Ивановъ,

— А если вамъ удастся добиться конституціи. всеобщей амнистіи, свободы,—тогда васъ будутъ называть спасителемъ отечества, великимъ человѣкомъ...

— Какъ это можетъ удасться? прошепталъ Ивановъ.

— А вотъ какъ: мы устроимъ такой заговоръ, что стѣны дворца задрожатъ, а потомъ откроемъ его—вы да я—да откроемъ кому? Самому царю!—имена, планъ—все! а?—А затѣмъ скажемъ: хотите покоя? хотите остановить революцію? Она идетъ! вотъ она! А вотъ и планъ нашъ: власть имѣете вы, къ вамъ прямой доступъ—намъ,—вамъ да мнѣ—двумъ министрамъ безъ портфеля? а?

Ивановъ посмотрѣлъ на Будѣева: лицо у того горѣло, глаза сверкали... «Неужели такъ можно играть комедію?» подумалъ Ивановъ.

Будѣевъ всталъ, подошелъ къ Иванову, схватилъ его за руку и прошепталъ: «Будьте смѣлы! рѣшитесь! Безъ васъ я ничего не могу, съ вами все! Я увѣренъ, что мы добьемся конституціи, амнистіи, всего... Мы спасемъ Россію!

— Я не вѣрю вамъ, прошепталъ Ивановъ.

— Не вѣрите? попробуйте повѣрить! Что вы теряете? Роль ваша *тамъ* все равно кончена: мы васъ не выпустимъ ни въ какомъ случаѣ.

Ивановъ чувствовалъ, что у него голова болитъ и кружится; онъ всталъ.

— Если вы кончили—отпустите меня, пожалуйста, сказалъ онъ;—я все равно ничего не могу сказать...

— Я и не прошу, и не прошу, быстро прошепталъ Будѣевъ,—идите, отдохните, подумайте день—два, сколько хотите, потомъ опять поговоримъ.

Будѣевъ позвонилъ и обыкновеннымъ спокойнымъ голосомъ велѣлъ жандармамъ отвести арестанта обратно въ камеру.

2.

Возвратившись отъ Будѣева, Ивановъ сейчасъ же раздѣлся и легъ на койку. Онъ очень усталъ физически, но былъ такъ мало взволнованъ и своимъ арестомъ, и разговоромъ съ Будѣевымъ, что почти тотчасъ заснулъ. Вдругъ противное ощущеніе чего-то ползущаго по шеѣ заставило его вздрогнуть и проснуться: онъ провелъ рукой по горлу и на рукѣ остался мокрый, вонючій слѣдъ раздавленнаго насѣкомаго. По странной ассоціаціи идей онъ вдругъ вспомнилъ Будѣева и его жестъ, какъ онъ обводилъ вокругъ шеи... Ивановъ сдѣлалъ брезгливую гримасу и закрылъ глаза; но сонъ уже отлетѣлъ, въ голову лѣзли отрывочныя фразы изъ разговора съ Будѣевымъ.

— Каковъ нахалъ! думалъ Ивановъ,—захотѣлъ быть Наполеономъ! честолюбивый жандармъ! но онъ уменъ: какъ онъ вѣрно обрисовалъ наше положеніе! Да, у насъ все пошло на убыль: людей расхватали, общественнное мнѣніе отвернулось... этакіе подлецы! конечно, нашъ примѣръ не пропадетъ, мы все таки подготовили почву для будущаго... Однако, непріятно мириться съ ролью навоза, удобренія... онъ увѣрялъ,

что борьба еще возможна... нужно только войти въ союзъ съ правительствомъ.

«Вы хотите быть Робеспьеромъ». Вдругъ вспомнились слова Будѣева Иванову.—Нѣтъ! роль Робеспьера подневольная: онъ сталъ террористомъ по необходимости, не совладалъ съ событіями. Теперь ему поклоняются, а въ свое время онъ тоже возбуждалъ отвращеніе...

«Тоже!?»

Иванову вспомнилось двустишіе на смерть Робеспьера:

«Кто-бы ни былъ ты, прохожій—не оплакивай
моей судьбы,
Останься я въ живыхъ—ты былъ-бы умерщвленъ».*)

«Чего онъ собственно отъ меня добивался? разумѣется, предательства, какъ отъ Гольденберга; а если онъ искрененъ?..

Ивановъ задумался.

«Если онъ искрененъ—можно многимъ пожертвовать—всѣмъ... Какая масса новыхъ средствъ! Все былобы въ нашихъ рукахъ: и деньги, и власть! Военная сила, воспитаніе молодежи... Да развѣ нельзя для этого пожертвовать... собой и всѣмъ?

И Иванову опять припомнились слова Дантона: «Чортъ побери мое доброе имя, только-бы отечество было счастливо!»

«Если-бы я могъ разсчитывать на одинъ шансъ успѣха изъ ста, на одинъ изъ тысячи, — я бы рѣшился на все! вскричалъ онъ — но это обманъ, обманъ! искушеніе! Дьяволъ и жандармъ не могутъ говорить правды!

«Но пусть онъ обманываетъ—до нѣкоторой степени—потому что вѣдь, онъ уменъ, его гложетъ зависть,

*) Passant, qui que tu sois—ne pleure pas mon sort: Si je vivais—tu serais mort.

онъ презираетъ всѣхъ этихъ неспособныхъ наверху... развѣ онъ настолько сильнѣе меня? Если-бы помѣриться? Но онъ ничѣмъ не рискуетъ, а я?. всѣмъ, всѣми и—мнѣ ни жить, ни умереть уже потомъ нельзя!

«Собой пожертвовать я могу, но это уже сдѣлано, и придется жертвовать другими, можетъ быть, тѣми, которые мной-же и приведены на этотъ путь!

«Безъ жертвъ обойтись невозможно! громко проговорилъ Ивановъ, - невинныя жертвы падаютъ ежеминутно и никто не думаетъ о нихъ: идея оправдываетъ все! Когда я подводилъ мины, развѣ я думалъ о томъ, что погибнутъ прохожіе? А взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ? половина роты!.. А I-е Марта?...

«Если-бы разсчитывать на успѣхъ, на конституцію, на шагъ впередъ—все было-бы извинительно, всякія средства допустимы.

«Будѣевъ— первая ступень: онъ потребуетъ выкупа. А когда я увижу царя, я сумѣю представить ему весь ужасъ положенія Россіи и его собственнаго... И вдругъ—преобразованія, свободная дѣятельность, только я одинъ... да и мнѣ все простится,—побѣдителей не судятъ.

«Или богъ—или грязь! прошепталъ онъ, сѣлъ на койку и, закрывъ глаза, долго сидѣлъ неподвижно.

«Тукъ--тукъ-тукъ,--тукъ--тукъ--тукъ? раздалось около него въ стѣнѣ.

Михей Петровичъ вздрогнулъ, прислушался.

Стучалъ товарищъ по заключенію и спрашивалъ, кто сидитъ рядомъ съ нимъ?

Ивановъ простучалъ ему свою фамилію.

«Будѣевъ говоритъ, что произведено много арестовъ», простучали рядомъ.

Ивановъ вскочилъ.

«Мнѣ необходимо подумать... пожалуйста, не стучите» простучалъ онъ сосѣду и отошелъ отъ стѣны.

3.

Цѣлый день лихорадки и мучительныхъ размышленій такъ истомили Иванова, что онъ самъ не замѣтилъ, какъ къ вечеру впалъ въ глубокій сонъ. Спалъ онъ крѣпко, безъ сновидѣній, и проснулся на другой день поздно, совершено бодрымъ и свѣжимъ.

«Могла же мнѣ эдакая чепуха въ голову лѣзть, подумалъ онъ,—могъ-же я надъ ней мучиться!... Какая глупость: союзъ съ Будѣевымъ! участь Гольденберга! вѣдь и тому сулили золотыя горы! Да съ какой стати стану я такъ ломать себя?! для счастья человѣчества? Ну, ужъ будто я такой человѣколюбецъ? изъ честолюбія? жажды дѣятельности? да.., но вѣдь всего вѣрнѣе мнѣ придется остаться въ дуракахъ: Будѣевъ надуетъ и тогда... О, какой позоръ! какая мука! Да висѣлица въ тысячу разъ предпочтительнѣе... По крайней мѣрѣ, знаешь, куда идешь! Глаза у меня были всегда открыты...»

Ивановъ рѣшился сегодня-же объявить Будѣеву, чтобы онъ не разсчитывалъ на него и поджидалъ, когда тотъ потребуетъ его къ допросу. Но о Будѣевѣ не было ни слуху, ни духу. А между тѣмъ къ вечеру лихорадка опять овладѣла Ивановымъ и соблазнительный голосъ снова зашепталъ ему: «почему не попробовать? почему не ступить на новую почву? Стать предателемъ, убійцей — конечно, тяжело, гадко, — но вѣдь это все понятія относительныя...

«Поставить надъ собою крестъ на вѣки! когда полонъ силы и энергіи!.. Когда въ головѣ возникаютъ планы, кипитъ творческая работа! Спасти нашу организацію—нельзя, но можно создать новую и поставить дѣло борьбы на прочное основаніе...»

И ему представлялись картины—одна соблазнительнѣе другой: онъ-одинъ раскрываетъ передъ могучимъ властелиномъ весь ужасъ положенія Россіи, всю шат-

кость власти, обнаруживаетъ измѣну, вѣчно копошащуюся у подножія трона, указываетъ на вѣрныхъ слугъ-предателей; закладываетъ камень народнаго благополучія и одинъ—добываетъ конституцію, подноситъ ее въ подарокъ своей партіи, народу,—да развѣ этого не могло-бы быть!?

— Въ мечтахъ-романично, въ жизни можетъ оказаться логично, подумалъ Ивановъ.

И для этого нужно одно—смѣлость, рѣшимость перешагнуть черезъ условныя понятія о предательствѣ... Неужели у него не хватитъ на это силы?!.. «Да вѣдь мы каждый день предаемъ... ведемъ на закланіе... обманываемъ надеждой на успѣхъ!..

— А чѣмъ-же онъ гарантируетъ свои обѣщанія? чуть не вскрикнулъ Ивановъ и—задумался.

Онъ—не гарантируетъ ничѣмъ, но онъ дастъ возможность... а остальное все зависитъ отъ себя.

«Вѣдь рѣшись я—и, значитъ, еще не все кончено! еще можно бороться, а могила всегда будетъ ждать меня! умереть можно каждую минуту, да польза-то отъ этого какая?»

Мысль, что еще не все кончено, что громадная роль ожидаетъ его впереди, наполняла душу Иванова радостью и гордостью. Конечно, можно ожидать страшнаго позора, страданія, — но стоитъ-ли думать объ этомъ, когда можно ожидать и другого? Надо дѣйствовать, во что бы то ни стало.

И, почти совершенно успокоившись на мысли войти въ соглашеніе съ Будѣевымъ, Ивановъ опять къ вечеру крѣпко заснулъ. На утро-же снова вчерашнія мысли показались ему безобразной фантазіей и онъ посмѣялся надъ ними: можно-ли представить себѣ Наполеона въ роли жандарма, полицейской ищейки? Конечно, нѣтъ! Наполеонъ способенъ на большую подлость, на великое предательство (18-ое брюмера!), но на ежедневную низость —нѣтъ, какъ и я.... Это бы-

ло бы великимъ преступленіемъ... и прежде всего противъ самого себя...»

«Но что въ самомъ дѣлѣ: Наполеонъ да Наполеонъ! Будемъ смотрѣть проще: Будѣевъ сумѣетъ взглянуть на вещи широко? Если да—какое безуміе съ моей стороны отказываться отъ его помощи! какая мелкая щепитильность! Если онъ мечтаетъ о диктатурѣ, если его честолюбіе шагаетъ дальше чина полковника,—то не настолько-ли онъ уменъ, чтобы понять, что союзъ съ нашей партіей даетъ ему громадную возможность?...

«Нѣтъ, надо рискнуть!—Да, можетъ быть, и жертвы не будутъ слишкомъ велики,—шевельнулась въ глубинѣ совѣсти робкая мысль. Ивановъ поймалъ ее и усмѣхнулся: «это прелестно: не очень велики! для меня не очень велики—или для... жертвъ?...

На этотъ разъ Ивановъ ужъ не могъ заснуть: всю ночь онъ прошагалъ по камерѣ; утромъ борьба въ душѣ его еще продолжалась: нѣсколько разъ онъ подходилъ къ окошечку въ двери, чтобы позвать смотрителя и опять отходилъ; наконецъ, все было рѣшено: Ивановъ рѣшилъ всего себя и своихъ товарищей поставить на карту и когда ему принесли обѣдъ, онъ велѣлъ передать Будѣеву, что желаетъ видѣться съ нимъ немедленно.

4.

— Ну-съ, обдумали вы нашъ разговоръ, Михей Петровичъ?—спросилъ Будѣевъ, вставая и любезно раскланиваясь при входѣ Иванова въ комнату, гдѣ долженъ былъ происходить допросъ.

Ивановъ взглянулъ на двухъ жандармовъ, стоявшихъ по обѣимъ его сторонамъ. «Выйдите,—кивнулъ имъ Будѣевъ,—ну-съ?

— Если-бы вамъ можно было вѣрить!..

Въ глазахъ Будѣева мелькнула радость, но онъ опустилъ рѣсницы и пожалъ плечами.

— Отчего мнѣ нельзя вѣрить?—сказалъ онъ спокойно,—я добиваюсь власти, но по моему положенію могу достигнуть ее только при вашей помощи; я хочу *устранить*,—онъ уперъ на это слово—опасныхъ людей, стоящихъ у власти: эти люди признаны вредными и самими революціонерами...

— Все это хорошо, но съ чего должна начаться моя... «дѣятельность?»

— Вамъ необходимо доказать готовность идти со мной—разумѣется, придется сжечь корабли тамъ.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ—дайте возможность арестовать Бирюкову: она все ускользаетъ изъ нашихъ рукъ.

— Ираиду Ивановну?!

— Да-съ.

Ивановъ задумался: изъ всѣхъ товарищей труднѣе всего казалось ему пожертвовать именно Бирюковой: ея самоотверженность, доброта, безконечная преданность дѣлу партіи—окружали ее свѣтлымъ ореоломъ, атмосферой чистоты и праведности.

— Большого риску нѣтъ, проговорилъ Будѣевъ,—ни для васъ, ни для нея: много шансовъ за то, что она все равно будетъ арестована, а съ другой стороны власть можетъ перейти въ наши руки и—тогда...

— Я долженъ быть для этого на свободѣ... угрюмо сказалъ Ивановъ.

— Разумѣется, мы устроимъ вамъ побѣгъ—и Романъ Павловичъ долгимъ, испытующимъ взглядомъ остановился на Ивановѣ.

— Я обдумалъ ваше предложеніе, отвѣчалъ Ивановъ на его нѣмой настойчивый вопросъ.—Вы правы: тамъ дѣлать больше нечего; можно попробовать другимъ путемъ... Значитъ—кончено: вы меня выпустите, я дамъ возможность арестовать Бирюкову, вы меня пред-

ставите Плеве и дадите возможность переговорить съ царемъ...

— По рукамъ! весело вскрикнулъ Будѣевъ и протянулъ руку: Ивановъ положилъ въ нее свою.

— Вы поступаете разумно, честно и—какъ истинный сынъ отечества,—произнесъ прочувствованнымъ голосомъ Будѣевъ и слезы навернулись у него на глазахъ.

— Значитъ, намъ говорить больше не о чемъ, я могу идти, произнесъ Ивановъ.

Онъ чувствовалъ себя такъ тяжело, какъ никогда: какое-то дрянное чувство смущенія, неувѣренности, раздвоенія угнетало его и онъ хотѣлъ скорѣе уйти изъ гнѣзда хищниковъ.

— Постойте, Михей Петровичъ, проговорилъ Будѣевъ прежнимъ яснымъ и пріятнымъ голосомъ, — я васъ выпущу... это рѣшено, а какія-же гарантіи?..

— Да вѣдь я даю вамъ слово!.

— Ну—слово! между нами, людьми дѣловыми, это непринято!.. нужно нѣчто болѣе существенное...

Будѣевъ взялъ со стола нѣсколько листовъ линованой бумаги и подвинулъ Иванову.

— Росписку я что-ли долженъ вамъ написать?..

— Нѣтъ, что вы! просто—откровенное показаніе.

— Ахъ, да!..

— Разскажите откровенно о себѣ и о своихъ помощникахъ: вѣдь намъ все равно все извѣстно, произнесъ успокоительно Будѣевъ.

Ивановъ съ ненавистью взглянулъ на него; Будѣевъ продолжалъ, улыбаясь: «согласитесь, что между революціонерами въ ходу правило: съ врагами всѣ средства дозволены, а потому совершенно естественно съ моей стороны нежеланіе оказаться въ дуракахъ.

— Вамъ рано еще торжествовать,—я не предалъ еще никого, произнесъ Ивановъ твердымъ голосомъ,— значитъ я могу еще взять и... «плюнуть вамъ въ

лицо»,—хотѣлъ онъ сказать, но удержался,— «и уйти, оставить васъ ни съ чѣмъ...

— Полноте, полноте, Михей Петровичъ, разъ вы сознали вѣрность моихъ словъ...

— Если-бы можно было на васъ положиться!..

— Михей Петровичъ! на меня вы можете положиться... но—положимъ,—что нельзя?.. Что-же вы теряете? Вѣдь вы не вѣрите больше въ побѣду партіи? нѣтъ? Неужели же васъ останавливаютъ... какія-то нравственныя соображенія? Оставьте это тѣмъ, кто послабѣе. Кто ничѣмъ не рискуетъ—ничего не выигрываетъ!

Ивановъ сѣлъ за столъ и взялъ въ руки листъ чистой бумаги: «что это со мной? точно туманъ въ глазахъ»,—подумалъ онъ.

— Пишите, пишите, произнесъ Будѣевъ,—я не буду вамъ мѣшать.

Онъ говорилъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, но глаза его такъ и впивались въ бѣлый листъ бумаги передъ Ивановымъ: «только-бы хотя одно имя написалъ! думалъ онъ,—тогда уже конецъ—нѣтъ возврату!»

Ивановъ нагнулся и на мгновенье закрылъ глаза, потомъ рѣшительно сжалъ губы и перо его заходило...

Будѣевъ на цыпочкахъ отошелъ подальше въ уголъ, сѣлъ за отдѣльный столъ и наклонился надъ бумагами.

Первыя слова, которыя написалъ Ивановъ, были написаны дрожащей рукой; голова кружилась у него; на мгновеніе онъ остановился... «А какой другой исходъ? Висѣлица? каторга? ну, это для меня! а *тамъ* какой исходъ? жалкая заграничная борьба! медленное погасаніе неразгорѣвшейся еще искры... Дальше!.. не стоитъ жалѣть! кому суждено погибнуть—тѣ погибнутъ! а съ нимъ—Ивановъ искоса взглянулъ на Бу-

дѣева,—еще поспоримъ! онъ хитритъ, конечно! ну, да и мнѣ пальца въ ротъ не клади!..

Будѣевъ изъ своего угла также наблюдалъ Иванова, прикрывшись листомъ какого-то «дѣла». Онъ молчалъ и внутренно трепеталъ, когда Ивановъ пересталъ вдругъ писать. «Михей Петровичъ! что же вы?!» чуть не вскрикнулъ онъ, но удержался. Черезъ минуту Ивановъ изорвалъ бумагу, придвинулъ къ себѣ другой листъ и снова погрузился въ работу. Теперь ужъ онъ не останавливался. Онъ писалъ грубо, рѣзко, со злостью, съ цинизмомъ; онъ насмѣхался надъ слабостью своей партіи, надъ добродушіемъ и довѣрчивостью товарищей, надъ бѣдностью средствъ революціонеровъ... Онъ какъ будто забылъ, что каждое имя, которое онъ называлъ, представляетъ человѣка, можетъ быть, вчерашняго пріятеля—и писалъ, писалъ... Прошелъ часъ, другой, третій... Будѣевъ неподвижно сидѣлъ въ углу, за маленькимъ столикомъ, держа въ рукѣ какой-то листъ, а Ивановъ все писалъ и писалъ «откровенное признаніе...»

5.

Послѣ казни Андрея прошло уже болѣе полугода, но Ираида Ивановна не могла ни на минуту забыть о немъ и о томъ, что его погубило. Жизнь потеряла для нея всякую цѣну и она ждала удобнаго случая разстаться съ нею. Невидимая духовная цѣпь приковывала ее къ дѣлу революціи: для него погибъ Андрей, на его пользу должна пойти и ея жизнь! Ея мысли часто возвращались къ событію 1-го марта: такія громадныя жертвы и такой незначительный результатъ! Заграницу она ѣхать отказалась, по прежнему жила въ Петербургѣ и день за днемъ исполняла мелкія порученія въ ожиданіи другого большого дѣла.

Въ тотъ годъ въ Петербургѣ наступила ранняя зима... Октябрь только подходилъ къ концу, а

снѣгъ валилъ цѣлыми днями и изрѣдка смѣнялся гололедицей.

Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ холодныхъ дней Ираида Ивановна быстро шла по Литейной. Было около пяти часовъ вечера. Почти уже стемнѣло. Она шла и вспоминала такой же темный холодный вечеръ, годъ тому назадъ, когда они вмѣстѣ съ Андреемъ послѣ сходки проходилм по этимъ самымъ улицамъ... Какъ все тогда было другое... А вѣтеръ и тогда также налеталъ порывами... Но на душѣ было хорошо, бодро... а теперь ледяная щемящая тоска...

Кто-то тронулъ ее за руку: она вздрогнула, схватилась за револьверъ, который носила въ муфтѣ и обернулась: высокій широкоплечій мужчина наклонился надъ нею и проговорилъ тихимъ голосомъ: «узнаете? я бѣжалъ... приходите завтра въ 10 утра на квартиру Кенига... нужно поговорить». Ираида Ивановна угадала, что это Ивановъ, хотя мѣховой воротникъ шубы закрывалъ ему лицо. Ея доброе измученное сердце радостно дрогнуло: «слава Богу, хоть этому удалось спастись!»

Ивановъ исчезъ; Ираида Ивановна пошла дальше. Ей нужно было на другую сторону Невы: необходимо было повидать знакомыхъ студентокъ и предупредить ихъ относительно готовящагося обыска. Дойдя до моста, она оглянулась и предчувствіе несчастія сжало ей сердце: она замѣтила, что невдалекѣ отъ нея остановилась какая то мужская фигура. Вся подозрительность старой революціонерки мгновенно пробудилась въ ней: «гороховое пальто!» мелкнуло въ ея головѣ и она сжала револьверъ въ муфтѣ, но тотчасъ же улыбнулась: она даже не помнила заряженъ ли револьверъ и во всякомъ случаѣ не стала-бы употреблять его въ дѣло; носила же она его съ собой такъ, на всякій случай, можетъ быть лелѣя тайную мысль о самоубійствѣ въ крайнемъ случаѣ.

Ираида Ивановна повернула назадъ и пошла быстрѣе, изрѣдка оглядываясь: темная фигура неотступно слѣдовала за нею. На улицѣ было довольно пустынно. Ираида Ивановна перебѣжала черезъ дорогу, замѣтила извозчичьи сани, быстро прыгнула въ нихъ и сказала: «поѣзжай скорѣй, я тебѣ хорошо заплачу!» Извозчикъ стегнулъ лошадь. Въ это мгновеніе, съ другой стороны въ сани ввалилась темная фигура и схватила Иру за руки.

— Вы—госпожа Бирюкова, я имѣю приказаніе арестовать васъ, сказала фигура и, обращаясь къ извозчику, крикнула: «къ Цѣпному мосту! живѣе! видишь это?» Господинъ распахнулъ пальто и показалъ извозчику значекъ, который нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ.

— Отпустите меня, сказала Ира, вотъ 50 рублей, я вамъ еще пришлю.

— Нѣтъ, что вы! помилуйте! улыбнулось гороховое пальто,—мнѣ за васъ не одну тысячу отвалятъ, да и по службѣ совсѣмъ другой ходъ...

— Іуда—предатель! прошептала Ира и отвернулась.

— Исполняю волю пославшаго меня! проговорилъ господинъ, вздыхая, и прибавилъ: «какъ можно-съ! вы весьма опасная революціонерка!

Ивановъ издали слѣдилъ за Ирой и видѣлъ какъ ее арестовали. Въ ту минуту когда «гороховое пальто» вскочилъ въ сани къ Ирѣ онъ сдѣлалъ движеніе—подбѣжать и застрѣлить его; но затѣмъ махнулъ рукой и пробормоталъ, «чего же я ожидалъ другого! но зачѣмъ именно она?» Онъ видѣлъ какъ по скрипучему снѣгу исчезли сани, отвернулся и пошелъ по другому направленію.

Торжествующая полиція съ восторгомъ приняла Ираиду Ивановну изъ рукъ «гороховаго пальто»,

но нужно сказать, что разсчетъ «гороховаго» шпіона не оправдались: за «опасную революціонерку» онъ получилъ всего 30 р. — обычную цѣну крови въ тѣ времена... И повышенія, на которое разсчитывалъ, онъ тоже не дождался: способности его оцѣнивались довольно низко въ учрежденіи, которому онъ служилъ; даже арестъ Иры былъ ему порученъ только потому, что въ этомъ дѣлѣ было-бы опасно употребить человѣка слишкомъ догадливаго...

ГЛАВА IX.

УБІЙЦА.

1.

Какой-то злой геній вмѣшался въ дѣла «Народной Воли»: ни одно изъ предпріятій ей болѣе не удавалось: не успѣвала открыться типографія, какъ ее прихлопывали, не успѣвала образоваться организація, какъ изъ нея выхватывали наиболѣе способныхъ людей... У народовольцевъ опускались руки; нервность, подозрительность усилились до невѣроятной степени...

Ивановъ зарвался... Самъ не замѣчая того, онъ далеко перешагнулъ границу, которую намѣтилъ себѣ сначала... Онъ занервничалъ и растерялся: ему показалось, что товарищи начинаютъ поглядывать на него подозрительно. Тогда онъ рѣшился посвятить отчасти въ свои планы Ивана Александровича. Онъ разсказалъ ему о своихъ переговорахъ съ Будѣевымъ, о томъ, что тотъ подалъ ему надежду на соглашеніе съ революціонной партіей и что ему, Иванову, тоже пришлось сдѣлать кое-какія признанія... Планы Будѣева Ивановъ обрисовалъ ярко, широко: онъ доказывалъ возможность диктатуры при участіи революціонеровъ; наконецъ, онъ спросилъ Ивана Александровича, не найдетъ-ли тотъ возможнымъ испробовать послѣднее отчаянное средство: онъ, Ивановъ, по:тарается

вступить въ союзъ съ Будѣевымъ и получить такимъ образомъ возможность предупреждать провалы?

Они вмѣстѣ обдумывали всѣ доказательства за и противъ соглашенія съ Будѣевымъ. Наконецъ, скрѣпя сердце, Иванъ Александровичъ согласился: «только не зарывайтесь, Ивановъ!» прибавилъ онъ.

Ивановъ улыбнулся и пожалъ плечами: не зарывайтесь! Теперь почти каждый день Будѣевъ умѣлъ вымогать у него новыя жертвы. Михей Петровичъ давно уже проклиналъ тотъ часъ, когда сошелся съ Будѣевымъ, но все еще надѣялся въ концѣ концовъ восторжествовать надъ нимъ: въ успѣхѣ было все его оправданіе. А пока онъ жилъ, какъ въ кошмарѣ, болѣзненной двойственной жизнью: съ одной стороны онъ не переставалъ чувствовать себя членомъ партіи: съ утра занимался революціонными дѣлами, затѣмъ прочитывалъ всѣ газеты, комбинировалъ факты, и дополнялъ ихъ свѣдѣніями, полученными отъ Будѣева; старательно велъ отдѣлъ въ подпольной газетѣ, вербовалъ новыхъ членовъ, а вечеромъ отправлялся къ Будѣеву или ждалъ его у себя... Злодѣемъ, преступникомъ, предателемъ,— онъ себя отнюдь не считалъ: онъ только смертельно боялся неудачи. Онъ разъ навсегда сказалъ себѣ, что предавая хорошихъ, честныхъ людей, своихъ товарищей, въ руки власти, которую онъ самъ считалъ беззаконной, онъ поступаетъ, конечно, безнравственно, но не хуже тѣхъ, кто устраиваетъ безрезультатныя покушенія или предпріятія, и губитъ такимъ образомъ не только товарищей, но и другихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, и при этомъ губитъ безъ всякой пользы для «дѣла».

Арестъ Ираиды Ивановны, который совершился на его глазахъ, при его непосредственномъ участіи, перевернулъ все его существо и нанесъ ударъ теоріи, которой онъ себя оправдывалъ: онъ сразу почувствовалъ себя погибшимъ человѣкомъ, палачемъ,

предавшимъ живое тѣло на мученіе. Ужасныя минуты пережилъ онъ,—такія ужасныя, что они не могли оставить человѣка нормальнымъ: неизбѣжно было сойти съ ума или застрѣлиться... Ивановъ не застрѣлился, но несомнѣнно душевныя силы его надломились: онъ упорно, непреодолимо увѣровалъ въ свою правоту, въ близкое торжество, и ждалъ минуты, когда сумѣетъ оправдать передъ товарищами свою ужасную дѣятельность...

Но каждый день отнималъ надежды: правда, Будѣевъ представилъ Михея Петровича Плеве; но это свиданіе нанесло только лишнюю рану самолюбію Иванова: онъ замѣтилъ, что умный директоръ полиціи смотритъ на него, какъ на орудіе для своихъ цѣлей и при этомъ орудіе опасное, отъ котораго слѣдуетъ отдѣлаться какъ можно скорѣе... Ивановъ добивался свиданія съ царемъ, но его усыпляли увѣреніями и обѣщаніями, требуя все новыхъ и новыхъ доказательствъ преданности.

И несчастный человѣкъ далъ новыя доказательства... Но мало по малу сознаніе безполезности совершенныхъ злодѣяній начало проясняться въ немъ. Будѣевъ почти не скрывалъ своего торжества и Ивановъ не разъ ловилъ на себѣ его насмѣшливый взглядъ; о прежней льстивости, заискиваньи не было и рѣчи,—Будѣевъ быстро перешелъ къ фамильярности, къ амикошонству. Ивановъ до того запутался въ хитро разставленныхъ ему сѣтяхъ, что очутился совершенно во власти Романа Павловича. Глухая ненависть къ ловкому и самодовольному сыщику давно горѣла въ сердцѣ Иванова, но что было ему дѣлать? Всѣ преимущества перешли на сторону Будѣева и Ивановъ не имѣлъ никакой возможности смотрѣть на него свысока: позоръ Ивана составлялъ честь и славу Будѣева. Предательство падало черной тѣнью на всю жизнь Иванова,—а Будѣева оно озаряло ореоломъ несравнен-

наго, ловкаго дѣятеля. Совѣсть Будѣева была спокойна: въ то время какъ Ивановъ нарушалъ свой долгъ, Будѣевъ блистательно исполнялъ свои обязанности; во всѣхъ смыслахъ Романъ Павловичъ оказался достойнѣе и умнѣе Иванова и получилъ полное право презирать его. Но Ивановъ все еще цѣплялся за свои химерическія надежды.

Отношенія Михея Петровича къ товарищамъ получили особенный оттѣнокъ: никто не называлъ его предателемъ, можетъ быть даже никто еще не подозрѣвалъ его ни въ чемъ, но на имя его легла смутная тѣнь; онъ прослылъ *несчастливымъ* въ предпріятіяхъ; все, за что онъ ни брался—рушилось; а между тѣмъ все, казалось, было такъ хорошо обдумано и Ивановъ продолжалъ пользоваться репутаціей умнаго, смѣлаго и ловкаго человѣка.

Но вотъ однажды въ товарищескомъ совѣщательномъ кружкѣ было внезапно и нечаянно произнесено слово, которое таилъ каждый про себя и которое тяготѣло надъ всѣми: «Господа, какъ хотите, между нами есть предатель! сказалъ молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ.

— Да, я самъ такъ думаю, подтвердилъ Ивановъ— безъ предательства такіе провалы немыслимы!..

— Но кто же, кто предатель?! съ волненіемъ проговорилъ молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ,— вѣдь если онъ есть, онъ здѣсь долженъ быть, господа! здѣсь—между нами! вѣдь это онъ, я, или ты, проговорилъ онъ, указывая на Ивана Александровича и на Иванова.

Иванъ Александровичъ молчалъ.

— Недавно арестованъ Оглоблинъ, медленно проговорилъ Ивановъ,—не онъ ли выдаетъ? онъ знаетъ многое, напримѣръ о военныхъ кружкахъ...

— Оглоблинъ не можетъ выдать того, что орга-

низовалось послѣ него, рѣзко сказалъ Иванъ Александровичъ.

— Онъ могъ навести на слѣдъ, спокойно возразилъ Ивановъ,—могъ разсказать, что зналъ, указать лицъ,— да и случайность могла помочь.

Иванъ Александроввичъ покачалъ головой.

— На Оглоблина я-бы никогда не подумалъ, сказалъ человѣкъ въ очкахъ, теребя жиденькую бородку,— онъ безусловно честный, преданный дѣлу человѣкъ.

— Такіе-то и выдаютъ чаще всего, возразилъ Ивановъ,—какое-то внезапное вдохновеніе—и предательство готово! Вспомните Гольденберга: самъ не радъ «съ жгучей слезой» предаетъ, увѣренъ, что совершаетъ подвигъ, а въ результатѣ нѣсколько висѣлицъ...

— А не сами-ли вы слишкомъ зарвались Ивановъ? проговорилъ Иванъ Александровичъ, наклоняясь къ уху Иванова.

— Если комитетъ находитъ нужнымъ прекратить мои сношенія съ III-мъ Отдѣленіемъ, я готовъ, чего-бы мнѣ это ни стоило, проговорилъ Ивановъ, смотря прямо въ глаза Ивану Александровичу. Тотъ покачалъ головой и замолчалъ.

— Разумѣется, продолжалъ Ивановъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, я могу ошибаться относительно Оглоблина, но въ нашемъ положеніи позволительна даже излишняя осторожность...

Иванъ Александровичъ молчалъ и упорно не сводилъ глазъ съ Иванова. Михей Петровичъ чувствовалъ, что холодѣетъ.

Человѣкъ въ очкахъ сидѣлъ въ грустномъ раздумьи.

—Между нами предатель! воскликнулъ онъ, наконецъ, ударивъ рукой по столу,—неужели это правда? Вѣдь это конецъ «Народной Воли»! и какой позорный конецъ...

Ивановъ внутренно закаменѣлъ: всѣ рѣчи относи-

тельно предателя онъ даже въ душѣ не принималъ на свой счетъ.

— Пока до свиданья, сказалъ онъ, вставая,—мнѣ некогда...

Сегодня вечеромъ у него было назначено свиданіе съ Будѣевымъ. Онъ быстро надѣлъ пальто и почти выбѣжалъ на улицу.

— Сегодня я рѣшительно долженъ переговорить съ моимъ негодяемъ, думалъ онъ, быстро шагая по обледенѣлому тротуару и вдыхая чистый морозный воздухъ,—а если... нѣтъ? ну, тогда—пока не нужно объ этомъ думать... Застрѣлиться всегда успѣю...

Кто-то тихо дернулъ его за рукавъ: Ивановъ вздрогнулъ и обернулся: при свѣтѣ фонаря онъ различилъ молодое, разрумянившееся, довѣрчивое лицо Борова.

— Мнѣ-бы поговорить съ вами, Михей Петровичъ, проговорилъ студентъ тихимъ голосомъ,—у насъ, видите, сегодня сходка, такъ вы бы зашли къ намъ, будутъ новые...

— Зайти къ вамъ? проговорилъ Ивановъ, странно улыбаясь,—нѣтъ, Боровъ, мнѣ нужно... въ другую сторону... я не могу сегодня...

И онъ двинулся было впередъ, но вдругъ остановился и крикнулъ потихоньку; «Боровъ!»

Тотъ быстро обернулся.

— Я позвалъ васъ потому... что мнѣ слишкомъ тяжело... Это не слабость. Вотъ что запомните, Боровъ: сегодня вечеромъ я или—богъ, или—грязь...

И не успѣлъ Боровъ опомниться, какъ Ивановъ былъ уже далеко.

Боровъ почувствовалъ глубокое волненіе и уваженіе къ смѣлому и отважному бойцу, котораго завтра ждетъ побѣда или славная смерть. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ ему вслѣдъ. Таинственность всегда производитъ поразительное впечатлѣніе на молодость; глядя вслѣдъ

Иванову, глубоко потрясенный Боровъ подумалъ: «пока этотъ не взятъ—мы не погибли! Вотъ настоящій Робеспьеръ: весь для дѣла! Несокрушимый! Неподкупный!»

II.

— Ну, что скажете, Михей Петровичъ?..

— А то, что вы меня надули, Романъ Павловичъ.

— Кажется, я исполнилъ всѣ ваши требованія: представилъ Плеве, Побѣдоносцеву...

— Очень они мнѣ нужны: такіе-же чиновники, какъ вы!

— Какъ я?! скажите пожалуйста! Не понимаю, чѣмъ вы недовольны! продолжалъ Будѣевъ и въ глазахъ его мелькнуло веселое выраженіе: жалованье за службу вы получаете хорошее,—500 руб. въ мѣсяцъ на улицѣ не валяются...

— Шутить изволите, Романъ Павловичъ, прошипѣлъ Ивановъ и поднялся съ кресла; Будѣевъ положилъ палецъ на пуговку электрическаго звонка; нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга молча; наконецъ, Ивановъ сказалъ: «Напрасно вы меня за такого дурака считаете, Романъ Павловичъ: я знаю, что «неудачное» покушеніе на васъ было бы вамъ на руку, да нѣтъ! не дождетесь я знаю другіе пути напугать васъ...

— А именно?

— Донесу на васъ...

— О, Михей Петровичъ! вы умный человѣкъ, а говорите глупости: вы должны понять, какъ это безполезно! Конечно, мнѣ будутъ меньше довѣрять, но вѣдь и теперь мнѣ не слишкомъ довѣряютъ: у насъ нѣтъ этого обычая,—ну, а обойтись безъ меня все-таки не сумѣютъ. Впрочемъ, что это я? Завелъ съ вами ссору! Ссориться не слѣдуетъ. Разсказывайте, что тамъ у васъ новаго?

— Товарищи... перестаютъ мнѣ довѣрять, угрюмо сказалъ Ивановъ,—пора бы вамъ вспомнить, на ка-

кихъ условіяхъ я продался вамъ и дать мнѣ возможность сдѣлать что-нибудъ въ пользу... ихъ...

— Я не понимаю васъ.

— Не за деньги же я предалъ вамъ товарищей, грубо сказалъ Иваиовъ.

— А! да! ну, знаете я еще не могу заставить дать конституцію: вотъ когда буду диктаторомъ...

— Никогда вы диктаторомъ не будете, сказалъ Ивановъ и всталъ. Онъ безъ отвращенія не могъ смотрѣть на этого упитаннаго веселаго жандарма и чувствовалъ, какъ тотъ потѣшается надъ нимъ

— Постойте, сказалъ Будѣевъ, присядьте, пожалуйста: такъ вы говорите, вамъ перестаютъ довѣрять тамъ? Ну, это плохо, необходимо что-нибудь сдѣлать для нихъ: да! вотъ мысль! Есть у меня... изъ вашихъ-же... плохенькій... такъ провокаторишка какой-то! Знаете, я вамъ дамъ доказательства, вы передадите своимъ: вотъ и возстановится опять довѣріе... Что вы на это скажете?

— Это мнѣ не подходитъ, сказалъ Ивановъ, вставая и весь дрожа отъ ярости,—до свиданья, Романъ Павловичъ.

— До свиданья, Михей Петровичъ. Когда мы съ вами увидимся?

— Постараюсь—поскорѣе...

— Ну, да, ну да! А насчетъ обѣщаннаго—потерпите! Знаете русскую пословицу: обѣщаннаго три года ждутъ?..

— Подождемъ! промычалъ Ивановъ сквозь зубы.

Будѣевъ очень любезно пожалъ ему руку и проводилъ его до двери.

Ивановъ выбѣжалъ въ переднюю, почти вырвалъ свою шубу изъ рукъ подававшаго ее солдата и спустился по лѣстницѣ, чувствуя, что въ горлѣ у него пересыхаетъ и онъ съ трудомъ можетъ проглотить слюну. «И такъ—все кончено: не богъ, а грязь! ма-

ленькій Наполеонъ безъ удачи, т. е. величайшій преступникъ,—какъ они меня тамъ назовутъ? измѣнникъ святому дѣлу? думалъ онъ со злостью,—предатель? убійца изъ-за угла довѣрчивыхъ товарищей? Низость! низость! но это — наплевать! это пускай!.. наплевать! но вотъ что: эта ничтожность! этотъ необразованный жандармскій офицеришка... *Онъ* втопталъ *меня* въ грязь! Я головой выше его! Я и теперь головой выше его и... другихъ! Отомстить! Отомстить ему! Втоптать и его въ грязь! какъ? убить его? раскрыть его передъ высшими? — глупо! — значитъ, одно средство...

Ивановъ остановился на улицѣ и раскрылъ шубу: былъ морозный, тихій вечеръ и ему было душно и жарко.

«Затравили! подумалъ онъ,—ну, что-жь! иду! Послѣднее средство! Я погибъ! Но и онъ не спасется! Къ Кенигу!

Когда онъ дошелъ до квартиры Кенига, было уже почти 11 часовъ ночи; Михей Петровичъ взглянулъ на окна—*болванъ* стоялъ на мѣстѣ; «знаки» показывали безопасность; Михей Петровичъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и сильно дернулъ звонокъ. За дверью послышалось движеніе: кто-то подходилъ послушалъ и отошелъ отъ двери.Михей Петровичъ позвонилъ опять и дверь ему отворила Маша.

— Что васъ никакъ не дозвонишься? спали что-ли? грубо спросилъ Ивановъ.—Гдѣ Кенигъ?

Эдуардъ Францевичъ вышелъ въ переднюю.

— Что съ вами, Ивановъ?

— Гдѣ Иванъ Александровичъ?

— Я... не знаю, проговорилъ запинаясь Кенигъ, моргая красноватыми вѣками.

— А! чертъ! вы все съ конспираціями! шпіономъ выдумываете, а главное проглядѣли.

И Ивановъ расхохотался.

— Гдѣ Иванъ Александровичъ? Ну, «Очки» гдѣ? Гдѣ ихъ можно найти?

— Я... право, не знаю! проговорилъ, колеблясь, Эдуардъ Францевичъ.

Въ это время въ дверяхъ показалась небольшая сухощавая фигура.

— Это вы, Ивановъ? проговорилъ Иванъ Александровичъ, подавая Михею Петровичу руку,—что вы кричите?

— Мнѣ васъ надо видѣть, говорить съ вами! сейчасъ! сію минуту! и чтобы никто не слышалъ.

— Кенигъ, пожалуйста, устройте это! мы будемъ въ этой комнатѣ.

И Иванъ Александровичъ прошелъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ конспиративной квартиты, въ ту, гдѣ стояли шкафы.

Ивановъ опустился на стулъ и тяжело дышалъ.

— Ну, мы одни! Кенигъ на кухнѣ и сторожитъ насъ; если вы будете говорить вполголоса, онъ ничего не услышитъ.

Ивановъ молчалъ

— Ну, что-же?

— Погодите минуту...

— Необходимо сказать! произнесъ, наконецъ Ивановъ твердымъ голосомъ и, обратясь къ Ивану Александровичу, сказалъ: «нѣсколько времени тому назадъ... въ нашемъ... кружкѣ... помните, вы были, «Очки», я... былъ поднятъ вопросъ... говорили, что невозможно безъ предательства... эти провалы... неудачи... словомъ, что предатель есть... когда арестуютъ самыхъ нужныхъ людей...

Ивановъ смолкъ и Иванъ Александровичъ тоже молчалъ и ждалъ дальнѣйшаго...

— Ну вотъ, продолжалъ Ивановъ какимъ-то легкимъ тономъ и какъ будто съ улыбкой (въ комнатѣ было темно),—предатель есть, я... нашелъ его...

Онъ остановился на минуту и, обратясь къ Ивану Александровичу, сказалъ: «Вы знаете, кто это?»

— Это—вы, раздался тихій голосъ.

Молчаніе.

— Негодяй! опять проговорилъ голосъ,

— Ираида Ивановна—это я; подкопъ, военные кружки—это я... Оглоблинъ это—я

Послышалось движеніе: Иванъ Александровичъ вскочилъ.

— Вы... вы погубили... И вы смѣли подать мнѣ руку... смѣли смотрѣть намъ въ глаза...

Раздался хохотъ: «какой вздоръ вы несете, Иванъ Александровичъ!

— Зачѣмъ вы это сдѣлали.?

— Я хотѣлъ спасти наше дѣло: Будѣевъ говорилъ о союзѣ съ правительствомъ, о возможности уничтоженія вредныхъ для насъ людей, о диктатурѣ и амнистіи...

— И вы продали насъ? Какъ вы смѣли не посовѣтоваться съ нами? какъ вы смѣли навязывать намъ безнравственныя средства?

— Полноте! кто совѣтуется въ такихъ дѣлахъ? А безнравственныя средства?! Эхъ, Иванъ Александровичъ! Мы съ вами давно перешагнули черезъ всѣ границы нравственности...

— Чего-же вы хотите? Вы знаете что васъ ждетъ? смерть предателя...

— Все въ свое время, спокойно произнесъ Ивановъ, успѣете! я отъ васъ не убѣгу! но раньше нужно убить того... Будѣева, произнесъ онъ тихо, переводя духъ; — я долженъ ему отомстить, онъ одурачилъ меня... я берусь за это, мнѣ нужно двухъ помощниковъ..

Иванъ Александровичъ съ ненавистью посмотрѣлъ на этого человѣка, который такъ, повидимому, спокойно сидѣлъ передъ нимъ и говорилъ съ нимъ; онъ

ему былъ до того противенъ, что Иванъ Александровичъ потерялъ все свое хладнокровіе и думалъ только о томъ, какъ-бы оскорбить его.

— Не смѣйте разговаривать ни съ кѣмъ изъ нашихъ иначе, какъ при мнѣ, говорилъ онъ, задыхаясь, —не смѣйте сходиться съ молодежью...

Ивановъ всталъ.

— Мнѣ осталось всего нѣсколько дней, проговорилъ онъ твердо,—мнѣ смѣшно слушать васъ... дайте мнѣ помощниковъ и помогите убить Будѣева,—больше я ничего отъ васъ не требую; потомъ можете убить и меня, а судить меня... не вамъ, Иванъ Александровичъ...

— Я завтра... передамъ... приходите завтра сюда— же вечеромъ, часовъ въ семь, проговорилъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Александровичъ.

III.

..Анна Михайловна ушла на какой-то рефератъ и Варя опять осталась одна въ комнатѣ; она теперь любила оставаться одной, читать, думать и учиться; въ настоящее-ж время у нея была спѣшная работа: нужно было просмотрѣть конспектъ по анатоміи. И она зажгла лампу, прибрала на столѣ, подвинула кресло и усѣлась такъ удобно, что съ удовольствіемъ могла-бы просидѣть такъ цѣлый вечеръ.

За эти короткіе нѣсколько мѣсяцевъ, прошедшихъ со дня ея примиренія и объясненія съ Боровымъ, Варя удивительно измѣнилась. Куда дѣвались ея тоска, раздражительностъ, недовольство? Все это потонуло въ первой горячей любви.. Варя стала сосредоточеннѣе и задумчивѣе, терпѣливо переносила непріятности и мелочи жизни, находила даже удовольствіе вырабатывать въ себѣ спокойное и ровное расположеніе духа. Она теперь не требовала невозможнаго ни отъ науки, ни

отъ жизни; она не искала разъясненія непостижимаго но вмѣстѣ съ тѣмъ она не стала ни равнодушнѣе, ни холоднѣе къ «проклятымъ вопросамъ» и задачамъ жизни; она только отрѣшилась отъ всякой театральности, пылкости, необузданныхъ словъ и рѣчей. Къ лекціямъ на курсахъ Варя стала относиться тоже гораздо серьезнѣе: она почувствовала, что должна какъ можно скорѣе собирать запасъ знаній на всю будущую жизнь и стала прилежнѣе и внимательнѣе изучать то, что предлагалось на курсахъ, потому что смутно сознавала, что для своей будущей жизни и дѣятельности, главное она получитъ отъ курсовъ, а именно: необходимую подготовку для будущаго самообразованія и умѣнье работать самостоятельно.

И на политическую дѣятельность революціонной партіи она стала смотрѣть иначе: безъ прежняго увлеченія и благоговѣнія, но болѣе серьезно; ясно и просто сознавала она рискъ для Борова и для нея самой; понимала, что оба они могутъ понести невознаградимыя утраты; но ей въ голову не пришло бы покинуть ряды борцевъ или уговаривать Борова отказаться отъ опасныхъ предпріятій: яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было, она поняла невозможность для русскаго человѣка отступить въ такое время... Эта покорность грядущей судьбѣ, просвѣтленіе мысли и всего существа наложило необыкновенно симпатичный отпечатокъ на все ея существо; никогда она не была такъ мила, такъ изящна и граціозна, какъ въ ту зиму, первую пору своего весенняго цвѣтенія.

... Постучались.

Варя знала, кто это: пошла и отперла дверь.

— Здравствуй, Варя, сказалъ Боровъ, входя, и хотѣлъ поцѣловать ее. Лицо его сіяло, въ глазахъ выражалась необыкновенная радость, даже гордость.

Варя покраснѣла, отступила и сѣла на диванъ. Боровъ сѣлъ рядомъ съ ней и, улыбаясь, взялъ ее за

руку: у обоихъ пальцы были холодные, а лице и глаза горѣли. И тотъ и другая еще не успѣли пережить первую прелестную пору любви, когда волненіе сдавливаетъ горло при видѣ любимаго существа и при одномъ взглядѣ на него пропадаетъ и сонъ, и аппетитъ, а стыдливвя робость не позволяетъ идти далѣе тихихъ цѣломудренныхъ ласкъ.

— Ты одна, Варя, какъ это удачно! сказалъ Боровъ. Голосъ его звучалъ какъ то особенно ровно и тихо, и Варя съ тревогой посмотрѣла на него. Онъ улыбнулся ей.

— Я потому такъ радъ, что, можетъ быть. намъ долго теперь не придется видѣться, проговорилъ онъ.

— Почему? — спросила Варя и глаза ея расширились.

— Гдѣ же Анна Михайловна? спросилъ Боровъ.

— Аня ушла на рефератъ, она скоро придетъ, говорила Варя, продолжая смотрѣть на него съ безпокойствомъ,—почему ты... думаешь, что...

Она не знала, какъ продожать.

— Видишь, началъ онъ, привлекая ее къ себѣ и цѣлуя со страстной нѣжностью,— на этотъ разъ она не мѣшала,—я, можетъ быть, скоро уѣду...

— Саша! сказала она, вставая и освобождаясь отъ него, — нѣтъ! ты мнѣ скажи, куда ты уѣдешь?

Боровъ помолчалъ.

— Я... можетъ быть, не уѣду, а останусь здѣсь, сказалъ онъ нерѣшительно. Мнѣ не хочется лгать передъ тобой а... сказать — я не имѣю права.

И онъ посмотрѣлъ на нее смущеннымъ и вмѣстѣ торжествующимъ взглядомъ.

— Что за конспирація такая?

— Пожалуй, и конспирація, проговорилъ онъ, смѣясь.

— Ты смѣешься и доволенъ, а я... боюсь за тебя! проговорила Варя, качая головой.

— Я не только доволенъ,—я горжусь, я счастливъ сказалъ онъ такъ искренно, что его глаза заблистали.

— А я? проговорила она жалобно.

— И за тебя я счастливъ, потому что я, значитъ, стою твоей любви, если меня считаютъ достойнымъ такого... довѣрія, подвига! Да я просто съ ума схожу отъ радости! оттого я и прибѣжалъ къ тебѣ сегодня, по настоящему не слѣдовало бы! Право, я какой-то избранникъ: во первыхъ ты любишь меня! такая чудная, милая, красавица, умница, все!—а во вторыхъ, почему выборъ палъ именно на меня? вѣдь были и другіе? значитъ, я стою чего нибудь! право, Варя, я готовъ смотрѣть на всѣхъ сверху внизъ... Вѣдь ты понимаешь меня?

— Это... опасно? спросила Варя и вдругъ поблѣднѣла и схватила его за руку: «убійство?» чуть слышно прошептала она.

— Я думаю, это немного опасно, отвѣчалъ онъ, улыбаясь и притворяясь что не слышалъ ея второго вопроса, но... не очень: есть огромные шансы спастись... Тогда мы съ тобой удеремъ заграницу, Варя, милая! а потомъ въ такой опасности — вся прелесть жизни! О, я бы никому не уступилъ своего мѣста!..

— Ты не можешь сказать мнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! Сама скоро все услышишь и, я увѣренъ, будешь гордиться мной! Ну, пока до свиданья! Я пойду...

— Нѣтъ, посиди немного... я боюсь...

Онъ прижалъ ее къ себѣ, цѣловалъ и тихо говорилъ что то; она тоже обняла его и отвѣчала страстными поцѣлуями на его ласки... Раздался стукъ въ дверь, оба вздрогнули и оглянулись: веселая, оживленная, румяная, прямо съ мороза, входила Аня... Боровъ всталъ, чтобъ уходить.

— Но это не убійство? шепнула ему на ухо Варя, забывая обычную сдержанность при Анѣ.

Боровъ поцѣловалъ ее и вышелъ.

IV

Михей Петровичъ ждалъ къ себѣ Будѣева: онъ обѣщалъ придти къ восьми часамъ вечера; убійство же должно было совершиться между восемью и половиной десятаго; въ десять отходилъ заграничный поѣздъ, на который Ивановъ разсчитывалъ попасть. Конечно, всего предвидѣть было невозможно: Будѣевъ могъ опоздать, могъ совсѣмъ не придти, но въ общихъ чертахъ планъ оставался неизмѣннымъ.

Ивановъ сидѣлъ въ передней и ждалъ звонка; въ сосѣдней комнатѣ, боковой, были спрятаны Свѣтловъ и Боровъ: они были даны въ помощники Иванову. Трое заговорщиковъ условились между собою такъ, что Михей Петровичъ выстрѣлитъ первый, а они бросятся на выстрѣлъ и прикончатъ Будѣева. Самое опасное заключалось въ томъ, не привелъ бы съ собой Будѣевъ охранителей.

— Въ послѣднее время онъ меньше сталъ довѣрять мнѣ, произнесъ задумчиво Ивановъ.

— Съ двумя, а то и съ тремя справимся! проговорилъ Свѣтловъ, потрогивая свои мускулистыя руки.

Боровъ былъ въ радостномъ, ликующемъ настроеніи: на лицѣ своемъ онъ чувствовалъ еще вчерашніе поцѣлуи Вари; онъ смѣялся, острилъ, на мгновеніе задумывался, но точасъ встряхивалъ головой и затягивалъ вполголоса: «долго насъ помѣщики душили...» Онъ ни на минуту не могъ успокоиться, но нервность его высказывалась только въ усиленномъ подъемѣ духа. Ивановъ молчалъ, морщилъ брови и старался убѣдить себя, что и на убійство слѣдуетъ смотрѣть, какъ на разрѣшеніе крайне запутанной теоремы.

... Раздался звонокъ:

— Это онъ! шепнулъ Ивановъ, заглянувъ въ комнату, въ которой сидѣли Боровъ и Свѣтловъ, и снова затворилъ дверь.

Было слышно, какъ повернулся ключъ отъ входной двери, затѣмъ раздался пріятный, звучный голосъ Будѣева:

— Здравствуйте, Михей Петровичъ! ну-съ? какъ и что-съ? Разсказывайте ваши дѣлишки...

— Пожалуйте сюда, проговорилъ Ивановъ, отворяя дверь въ зальцу, входъ въ которую находился прямо противъ парадной двери.

Романъ Павловичъ прошелъ, какъ всегда статный, здоровый, румяный, затянутый въ мундиръ съ иголочки.

— Да вы не одни! почти вскрикнулъ Ивановъ, замѣтивъ позади Будѣева другую, тоже статную и рослую фигуру,—развѣ я могу говорить съ вами при постороннихъ!

— Не безпокойтесь! Онъ посидитъ въ передней, а то и въ кухнѣ подождать можетъ!

— Ахъ, какъ это нелѣпо! проворчалъ Ивановъ, — идите сюда! произнесъ онъ грубо, провожая непрошенаго гостя въ кухню и затворяя за нимъ дверь. «Два» — проговорилъ онъ вполголоса, подходя къ комнатѣ, въ которой сидѣли его помощники, и мимоходомъ вынимая ключъ изъ замка входной двери.

— Ну, пойдемте, проговорилъ Ивановъ, возвращаясь въ залу и пропуская впередъ Будѣева, который хотѣлъ пройти въ заднюю комнату, въ которой у нихъ обыкновенно происходили свиданія. Какъ только Романъ Павловичъ повернулся къ нему спиной, Ивановъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ...

Будѣевъ дико вскрикнулъ: пуля попала прямо въ плечо.

— Ивановъ! что вы дѣлаете? закричалъ онъ,—ко мнѣ, Аксентій... о!-о!-о!

Боровъ и Свѣтловъ вбѣжали въ залу; Боровъ подскочилъ къ Будѣеву и ударилъ его ломомъ по головѣ... Будѣевъ упалъ...

— Ихъ двое! сказалъ Ивановъ,—на кухнѣ...

— Кончайте съ этимъ скорѣе! крикнулъ Свѣтловъ и вмѣстѣ съ Боровымъ бросился на кухню...

Будѣевъ еще не потерялъ сознанія: онъ не могъ подняться съ полу и страшно кричалъ. Взглядъ его не отрывался отъ Иванова... Ивановъ весь трепеталъ отъ страху: передъ лежавшимъ на полу человѣкомъ: онъ былъ одинъ съ нимъ, его пугалъ до безумія ужасный крикъ полуубитаго, обезображенное лицо сводило его съ ума, дѣлало звѣремъ... Прошло около минуты... Наконецъ, преодолѣвая себя, оскаливъ зубы и стиснувъ челюсти, Михей Петровичъ наклонился къ лежащему передъ нимъ Будѣеву и выстрѣлилъ изъ револьвера разъ и два прямо въ открытый, смотрѣвшій на него глазъ...

... Въ кухнѣ слышалась возня и ругань... потомъ вдругъ раздался страшный вопль: «по-мо-о-ги-и-те! про-о-сти-и-те! ей Богу! никогда! клянусь...» послышались глухіе удары... и все смолкло...

«Неужели-же никто не слышитъ? по лѣстницѣ? въ другой квартирѣ? мелькало въ головѣ Иванова, который все еще стоялъ надъ трупомъ убитаго врага.

Боровъ и Свѣтловъ съ искаженными блѣдными лицами, съ окровавленными руками показались въ дверяхъ. Ивановъ вопросительно взглянулъ на нихъ.

— Кончено! сказалъ Боровъ: руки его тряслись.

— Совсѣмъ?

— Вѣроятно... я пойду, вымою руки...

— Ну, а вашъ? проговорилъ Свѣтловъ спокойно.

Ивановъ кивнулъ головой и пошелъ въ переднюю.

— Мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать, произнесъ онъ, вдѣвая руки въ рукава шубы,—я ухожу по парадному: вотъ ключъ отъ чернаго хода; прощайте.

Михей Петровичъ отперъ дверь на лѣстницу, снова заперъ ее и положилъ ключъ въ карманъ; потомъ началъ спускаться по лѣстницѣ; ужаснѣе всего было пройти мимо швейцара...

Михей Петровичъ весь дрожалъ и колѣни его не сгибались; онъ смотрѣлъ на свои руки и удивлялся, что на нихъ нѣтъ крови... «Правда, я стрѣлялъ, а не билъ! но вѣдь брызнуть могла... можетъ быть, на брюкахъ?—закрыты шубой! а, можетъ быть, я весь въ крови и только какъ нибудь не вижу этого?

Все равно — нужно было идти... «Можетъ быть, сейчасъ-же узнаютъ? можетъ быть, у меня въ зрачкахъ сохранилось отраженіе убитаго, — я гдѣ-то читалъ про такой случай...»

Пока всѣ эти глупыя мысли мелькали въ его головѣ, ноги хотя и дрожали, но несли его внизъ по лѣстницѣ... Медленно, медленно, но онъ приближался къ выходу и съ каждой пройденой ступенькой лицо его блѣднѣло и сѣрѣло... Еще одинъ поворотъ... вотъ швейцаръ... «Онъ смотритъ на меня... пронеси Господи!» Никогда не могъ забыть Ивановъ этихъ ужасныхъ минутъ.

Швейцаръ медленно поднялся, медленно подошелъ къ двери и оперся рукою на ручку двери.

Ивановъ слышалъ какъ отворилась и захлопнулась за нимъ дверь... Онъ почувствовалъ, какъ свѣжій воздухъ пахнулъ ему въ лицо... Знакомъ подозвалъ онъ извозчика и хриплымъ шопотомъ (голосъ пропалъ у него) велѣлъ везти себя на варшавскій вокзалъ.

— Рубликъ пожалуйте!

Ивановъ вскочилъ въ санки и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Извозчикъ погналъ лошаденку. Ивановъ весь съежился и сосредоточился на одной мысли: «который

часъ? если опоздалъ—крышка.» Онъ не рѣшался вынуть часы: не рѣшался даже пощупать, въ карманѣ ли бумажникъ или выпалъ во время... Онъ закрылъ глаза; ему было страшно—въ ушахъ стоялъ неумолкаемый крикъ и стонъ...

Въ цѣломъ огромномъ городѣ у него не оказывалось никого, кого онъ рѣшился-бы назвать своимъ другомъ! ни знакомаго! ни близкаго! всѣ были ему далеки! отъ всѣхъ онъ отошелъ! Между нимъ и всѣми другими—легла пропасть.

Онъ слишкомъ привыкъ логически мыслить, чтобы не оцѣнить вполнѣ своего положенія: «предатель и убійца!.. для однихъ—предатель, для другихъ—убійца!.. если-бы удача — государственный человѣкъ!.. если-бы поменьше смѣлости — герой!.. а теперь — предатель и убійца!..

Онъ не чувствовалъ ни раскаянія, ни смиренія; злобу свою онъ утолилъ; себя оцѣнилъ давно и зналъ, какая судьба его ожидаетъ; онъ чувствовалъ теперь страшное утомленіе; «можетъ быть, я доживаю свой послѣдній часъ» думалъ онъ,—«а, можетъ быть, останусь жить, тогда все надо начать сызнова... образъ жизни, стремленія—все новое... А теперь — бѣжать, бѣжать безъ оглядки!..»

Такъ могъ думать Ивановъ, оставляя за собой еще неостывшій трупъ, двухъ сообщниковъ, сознавая, какая бездна проклятій и ненависти завтра-же обрушится на него!... Живучъ человѣкъ!

... Вокзалъ. Носильщики бросились къ барину въ хорошей шубѣ. «Пожалуйте, еще не опоздали! вашъ багажикъ?» Ивановъ отрицательно покачалъ головой и подошелъ къ кассѣ за билетомъ.

— До Варшавы! Билетъ I-го класса! прошепталъ онъ. Заграничнаго паспорта у него не было, но онъ надѣялся перейти границу безъ паспорта.

Получивъ билетъ, Ивановъ торопливо прошелъ въ

вагонъ, усѣлся въ самомъ темномъ углу, поднялъ воротникъ шубы и укрылъ имъ лицо.

Поѣздъ тронулся.

V.

..... Первыя минуты прошли почти безсознательно; онъ сидѣлъ, тяжело и медленно переводя духъ, болѣзненно ощущая нестерпимо сильное біеніе сердца; слухъ его страдалъ отъ лязгающаго звука колесъ вагона, отъ неяснаго гула разговоровъ пассажировъ, размѣстившихся на сосѣднихъ креслахъ, отъ завыванья сигнальныхъ свистковъ. Онъ все еще не освободился отъ ужаса только что пережитыхъ впечатлѣній и въ ушахъ его сохранялся страшный раздирающій крикъ, который точно несся извнутри его собственнаго существа... Черезъ полчаса Ивановъ пришелъ нѣсколько въ себя и оглядѣлся.

Публики въ вагонѣ было немного: какія-то двѣ дамы, молодой офицеръ и онъ... Михею Петровичу хотѣлось быть одному, взгляды постороннихъ лицъ терзали его и, точно страусъ, онъ пряталъ голову въ большой воротникъ своей шубы.

Кондукторъ входилъ и выходилъ изъ купе; и каждый разъ, завидѣвъ его высокую, здоровую фигуру въ дверяхъ вагона, Ивановъ вздрагивалъ и ждалъ появленія еще кого-то. Но кондукторъ съ фонаремъ въ рукахъ равнодушно взглядывалъ на него и проходилъ дальше.

Ивановъ понемногу началъ дремать... Вдругъ страшный толчокъ и поѣздъ остановился... «Станція Гатчино! донеслось до него, — поѣздъ стоитъ 30 минутъ!» Но поѣздъ стоялъ не полчаса, а что-то необыкновенно долго; въ вагонъ Иванова вошелъ жандармъ... «А! вотъ оно что! ну, пусть берутъ! одинъ конецъ! скрываться не стану!»

Онъ откинулъ воротникъ шубы и взглянулъ въ лице жандарму... но жандармъ, какъ и кондукторъ, равнодушно посмотрѣлъ на него и прошелъ мимо... «Значитъ, нѣтъ?» подумалъ Ивановъ и вздохнулъ съ облегченіемъ,—такъ чего-же они стоятъ такъ долго?!» Въ это время раздался свистокъ, поѣздъ дернуло нѣсколько разъ и онъ тронулся. Ивановъ опять вздохнулъ и отвернулся къ окну. «Я не могу больше бороться!»—шепталъ онъ про себя,—«самъ не отдамся, а если возьмутъ—пускай! ни шагу не сдѣлаю больше,—ни туда, ни въ другую сторону! Теперь я буду спать! хочу спать—и только! Называйте меня, какъ хотите,—я убійца, предатель! а вы хороши?»—обращался онъ ко всему міру.—Но пусть я хуже всѣхъ васъ, я все таки человѣкъ! Я имѣю право на отдыхъ, на сонъ!... и я буду спать! устроюсь, какъ можно пріятнѣе и удобнѣе!.. жаль, что я морфію не захватилъ!...» Дѣйствительно, точно повинуясь его волѣ, сонъ слетѣлъ къ нему и измученный человѣкъ заснулъ на одно мгновеніе; потомъ вдругъ открылъ глаза, все вспомнилъ и опять закрылъ ихъ... Все тѣло его ныло и болѣло, затылокъ сверлило и передъ глазами мелькали предметы, быстро смѣняясь одинъ другимъ: вотъ страшный окровавленный глазъ течетъ по лицу, вотъ маленькая висѣлица прыгаетъ передъ нимъ, вотъ сзади кто-то вонючій, смрадный наклоняется надъ нимъ. Ивановъ встряхивалъ головой, отмахивался, отвертывался въ другую сторону. Ему хотѣлось скорѣе все забыть и онъ изо всѣхъ силъ старался заснуть. Наконецъ онъ впалъ состояніе, среднее между сномъ и потерей сознанія... Но грезы продолжали мучить его. Онъ не могъ шевелиться и стоналъ, какъ въ кошмарѣ. Онъ проснулся и опять заснулъ и—сны его стали спокойнѣе.

... Онъ увидѣлъ себя въ храмѣ; храмъ былъ чѣмъ-то знакомъ ему, но онъ не зналъ, гдѣ находится; онъ только помнилъ, что видѣлъ эти яркія ризы и

лампады, прекрасныя древнія иконы... Людей не было въ храмѣ, не было и священниковъ, не слышалось ни словъ богослуженія, ни пѣнія, только волны благоуханій носились по церкви, какъ будто слѣды недавнихъ молитвъ... Ивановъ помнилъ и во снѣ, что онъ невѣрующій, но все-же ему легче дышалось въ этой благоухающей атмосферѣ и было отрадно сознавать, что несчастному человѣку есть еще «куда пойти». Пока есть куда пойти,—человѣкъ не совсѣмъ еще погибъ! Вѣра спасаетъ!.. Но тотъ, кто утратилъ вѣру сначала въ Бога, потомъ въ людей, потомъ въ «дѣло», которому служилъ и, наконецъ, въ самого себя... Ивановъ во снѣ поднялъ глаза на икону: строгое, кроткое лицо, яркіе брилліанты, драгоцѣнные жемчуга — дары, наивные подарки Той, Которая ни въ чемъ не нуждается, отъ тѣхъ вся жизнь которыхъ—лишеніе и горе. Но если эти бѣдные дары утѣшили хоть одинъ разъ приносящихъ ихъ — они небезполезны, и Ивановъ съ тихимъ чувствомъ смотритъ на прекрасное лицо.

Чьи - то шаги... входятъ двое... одинъ смѣло шагаетъ... другой плетется за нимъ старческой походкой... Первый молодъ съ красивымъ дерзкимъ лицомъ... другой старикъ. Первый даетъ старику деньги и тотъ уходитъ, оставляетъ Дерзкаго одного въ церкви... Ивановъ прячется за колонну и ждетъ; ему страшно любопытно узнать, что будетъ дѣлать Дерзкій...и онъ видитъ, какъ тотъ быстро подходитъ къ иконѣ, рветъ съ нея жемчуга, брилліанты, рветъ ризу: но устремленный на него кроткій строгій взглядъ большихъ византійскихъ глазъ на минуту останавливаетъ его...— Проходитъ мгновеніе.—Дерзкій смѣется, плюетъ на икону, вынимаетъ финскій ножъ и ломаетъ, рѣжетъ прекрасное изображеніе... «Сейчасъ будетъ чудо, думаетъ Ивановъ,—онъ упадетъ мертвымъ!» Но сила чудесъ уже истощена... И никто не посмѣетъ оста-

новить его?.. Дерзкій поднимаетъ глаза на Иванова: «Не останавливай меня и ты, говоритъ онъ ему,— развѣ ты не узналъ меня? Я—Грядущій!» Холодный потъ выступилъ на лбу Иванова и онъ—проснулся.

Черезъ минуту онъ опять заснулъ и новый кошмаръ овладѣлъ имъ: онъ услышалъ во снѣ нестройные звуки музыки и увидѣлъ толпу сѣрыхъ, жалкихъ людей, съ испитыми испуганными лицами... Они бѣжали по равнинѣ, по какой-то чужой степи, спасаясь отъ непріятеля... Какъ очутились эти жалкіе здѣсь въ далекой безконечной пустынѣ? Ивановъ слышитъ, какъ чей-то голосъ повелѣваетъ имъ умереть здѣсь за честь и родину... И снова является Дерзкій и говоритъ этимъ сѣрымъ: «идите назадъ! *тамъ* ваша родина! И честь ваша, и долгъ вашъ тамъ, гдѣ умираютъ съ голоду брошенныя жены, матери и дѣти ваши»!.. И сѣрые бѣгутъ, бѣгутъ и никакая сила не воротитъ ихъ теперь назадъ!

«И это—грядушіе!»—говоритъ Дерзкій, обращаясь къ Иванову.

Картина перемѣняется: Ивановъ опять въ своемъ родномъ любимомъ городѣ и опять онъ слышитъ музыку, не ту, которую слышалъ сейчасъ, а другую— смѣлую, призывающую! Идутъ, идутъ толпы—которымъ уже понятны слова: честь, родина, свобода! Они несутъ передъ собой кровавый флагъ, и говорятъ о правѣ каждаго на жизнь и свободу... Темныя массы надвигаются на нихъ и они падаютъ, но на смѣну имъ идутъ новыя полчища и—наконецъ! солнце сіяетъ! избранные побѣдили...

Побѣдили? но тѣ ли это, которые сражались? или замѣнили ихъ, подмѣнили—другіе?.. хотя они говорятъ тѣ же слова, и также они смѣлы, но вмѣстѣ съ тѣмъ они холодны, жестоки; девизъ ихъ:—«Мы все!», божество—масса и сила...

«Тѣ ли это, которые сражались?..

«Да, мы тѣ самые, но мы побѣдили! Власть, сила теперь наши! отвѣчаютъ они и идутъ впередъ.

И на встрѣчу имъ несется крикъ: «Грядите! грядите»!

. . . . . .

. . . . . .

ЭПИЛОГЪ.

...Изъ дома предварительнаго заключенія выѣхала позорная колесница: на ней, спиной къ лошадямъ сидѣлъ Боровъ; руки его были скручены назади; онъ сидѣлъ прямо, не шевелясь; лицо казалось страшно блѣдно и измучено, губы пересмякли точно отъ лихорадки, глаза неподвижно смотрѣли впередъ: трудно было въ этомъ изсохшемъ несчастномъ призракѣ узнать прежняго молодого, румянаго, смѣлаго, жизнерадостнаго Борова!

Лошадь шла впередъ шагомъ; Борову казалось—такъ какъ онъ сидѣлъ спиной къ ней — что онъ не двигается впередъ, а удаляется отъ чего-то; его взглядъ изрѣдка останавливался на толпѣ, окружавшей телѣжку и двигавшейся по улицѣ—и всѣ эти люди, казалось ему, не бѣжали вслѣдъ за телѣгой, а надвигались на него... Впечатлѣнія мелькали передъ нимъ, мыслей же въ головѣ у него не было: на позорную колесницу онъ сѣлъ уже полумертвецомъ...

А между тѣмъ—Боже мой! какую полноту жизни чувствовалъ онъ сегодня утромъ, когда его разбудили послѣ крѣпкаго здороваго сна! Да! вчера вечеромъ онъ бодро выслушалъ чтеніе приговора, написалъ письма и заснулъ глубокимъ дѣтскимъ сномъ, какъ солдатъ передъ битвою! И въ моментъ пробужденія—

онъ такъ сладко потянулся и улыбнулся... но видъ солдатъ, часовыхъ, палача, смотрителя тюрьмы—привелъ его въ себя, поразилъ какъ громомъ... «Какъ! сегодня? сейчасъ?..» Онъ глядѣлъ на всѣхъ расширенными глазами, полными ужаса, но не произнесъ ни слова...

Его увели въ тюремную канцелярію... Тамъ его остригли, надѣли длинную холщевую бѣлую рубаху — словомъ, приготовили къ петлѣ, и когда вывели—Боровъ состарился на двадцать лѣтъ... Молча позволилъ онъ усадить себя на телѣгу; голова его опустилась на грудь, губы сжались; онъ стиснулъ зубы, но изъ груди его вырывались рѣдкіе короткіе вздохи. Мгновенія бѣжали... послѣднія... дальше—неизвѣстное... «Но... могутъ-же помиловать, могутъ замѣнить каторгой? какое-бы счастье!» И хотя Боровъ сознавалъ всю невѣроятность такой надежды — одна тѣнь ея заставила приподняться его голову и въ глазахъ его мелькнуло что-то яркое — и сейчасъ же потухло: «нѣтъ! гробъ ужъ готовъ—вчера говорили — послѣднія мгновенія— какъ ихъ употребить—только-бы не безсознательно —о жизнь!» Жизнь уходила быстро, съ каждымъ медленнымъ шагомъ лошади впередъ...

И ни одной утѣшительной мысли не мелькнуло въ головѣ несчастнаго: Онъ не вспомнилъ о Варѣ, о товарищахъ, о томъ, что онъ герой, что имя его будетъ окружено ореоломъ—онъ хотѣлъ только одного —жить! «Отдайте жизнь! хоть на крестѣ — но дайте мнѣ жить!»

Однако, онъ не промолвилъ ни слова и сидѣлъ тихо, съ опущенной головой; постороннему взгляду поза его могла-бы показаться даже спокойной; грудь его продолжала подыматься тихими короткими вздохами.

Было около девяти часовъ утра—время раннее для Петербурга, но телѣгу, на которой везли Борова все

таки окружала довольно густая толпа, которая по дорогѣ все увеличивалась и увеличивалась. Удивительно, какъ любятъ люди зрѣлища! Къ позорной колесницѣ сбѣгались торопливо, точно боясь опоздать: вонъ какой-то вихрястый мальчишка въ передникѣ бѣжитъ и высоко подбрасываетъ ноги; вонъ женщина въ платочкѣ, съ корзинкой для провизіи, суетливо проталкивается поближе, вонъ молодой человѣкъ въ фуражкѣ, вонъ дѣвушка въ шляпѣ, а вотъ еще молодая дѣвушка съ безумно расширенными черными глазами ловитъ—старается поймать взглядъ осужденнаго на казнь и—не можетъ: онъ не глядитъ на толпу, глаза его опущены... Варя мелькомъ видитъ только, какъ короткими вздохами поднимается и опускается его грудь... Она старается встать на цыпочки, взглянуть выше толпы и не можетъ; толпа увлекаетъ ее за собою.

Телѣга медленно повернула на площадь... Высокій помостъ, безобразные столбы, веревки, качающіяся отъ вѣтра, яркое красное пятно—палачъ... Всѣ видятъ это, кромѣ Борова, потому что онъ сидитъ спиной къ лошади.

Телѣга остановилась; Боровъ вздрогнулъ; чьи-то руки подняли его со скамейки. Онъ смотрѣлъ передъ собой безумными глазами; священникъ подошелъ къ нему съ крестомъ. «Нѣтъ надежды? прошепталъ Боровъ. Священникъ печально покачалъ головой и поднесъ крестъ къ губамъ осужденнаго: «поцѣлуйте крестъ—это символъ страданія...»—«Такъ нѣтъ надежды»?—опять повторилъ Боровъ и нѣсколько разъ съ безумнымъ ужасомъ прижалъ губы къ кресту; глаза его упали на толпу и вдругъ встрѣтились съ глазами Вари, но Боровъ не могъ уже узнать этихъ—такъ еще недавно—милыхъ ему глазъ! «Смерть!» стояло въ его головѣ. Палачъ сзади подошелъ къ нему. «Сюда!» сказалъ онъ, грубо повернувъ его къ себѣ. Что-то темное и душное опустилось на голову Борова. Палачъ

приподнялъ Борова на табуретку, налегъ ему на плечи и подъ пальцами почувствовалъ быстро леденѣющее тѣло. Ловкимъ движеніемъ ноги палачъ вытолкнулъ табуретъ изъ подъ Борова и тѣло повисло на воздухѣ и забилось въ безобразныхъ конвульсіяхъ...

Площадь пустѣла. Когда петля затянулась на шеѣ Борова, Варя вскрикнула, заметалась, закрыла лицо руками и уже не почувствовала, какъ чьи-то услужливыя руки подхватили ее, вывели изъ толпы и усадили на извозчикѣ... «Арестовали! проговорилъ кто-то. —Никакъ невѣста?—Ахъ, бѣдная! слышалось съ разныхъ сторонъ.

Народъ медленно расходился и скоро на площади осталась небольшая кучка людей около эшафота, да на висѣлицѣ ярко при свѣтѣ дня вырисовывался неуклюжій силуэтъ качающагося въ мѣшкѣ тѣла, — печальный символъ торжества смерти и насилія надъ жизнью и радостью бытія.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР